

ЕВГЕНИЙ ЛЕСНИКОВ

**ПРИЗЫВУ
ПО ВОЗРАСТУ
НЕ ПОДЛЕЖИТ**

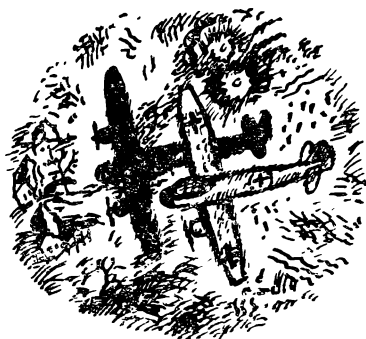

ЕВГЕНИЙ ЛЕСНИКОВ

**ПРИЗЫВУ
ПО ВОЗРАСТУ
НЕ ПОДЛЕЖИТ**

П О В Е С Т Ъ

МОСКВА
„ДЕТСКАЯ ЛИТЕРАТУРА“
1981

Оформление Е. Пушкаревой

Спецредактор Леонов В. Н.

Лесников Е.

Л50 Призыву по возрасту не подлежит: Повесть /Рис Е. Пушкаревой.— М. Дет. лит., 1981.—176 с., ил.

В пер. 45 к.

Автор книги — ветеран Великой Отечественной войны, инвалид, рассказывает в повести о волгоградских детях и об их борьбе с оккупантами за родной город. (Вступительное слово заведующего отделом Волгоградского горкома КПСС В. Бацунова)

Л $\frac{70803-335}{M101(03)81}$ Без объявл.

Р2

О Б А В Т О Р Е

Запомните этот адрес: город Волгоград, улица Мира, 21, квартира 63, Лесников Евгений Дмитриевич.

Бывший военный моряк, потом строитель, ныне прикованный к постели полной неподвижностью, надиктовывает-«пишет» книги, ведет общественную работу. Морская закалка, железный характер коммуниста не позволили Евгению сдаться.

Имя Евгения Лесникова мало известно советскому читателю, но его хорошо знают пионеры и комсомольцы Волгограда. Его именем названы пионерские отряды, о нем, сталинградском мальчишке, «сигнальщике из 42-го», поведала читателям газета «Комсомольская правда» в декабре 1974 года.

Родился Евгений Дмитриевич Лесников 28 февраля 1928 года на Волге. В начале Великой Отечественной войны отец Евгения ушел на фронт. А через год фронтом стал родной город. Сражался Сталинград — сражались и его мальчишки.

В дни обороны родного дома Евгений впервые вступил в схватку с врагом, очередь из автомата убил фашиста. Был ранен сам. Его подобрал моряки Волжской флотилии. Подлечили в госпитале и отправили в военно-морскую школу сигнальщиков. Позднее он воевал на Черном море, был сигнальщиком на крейсере «Слава», участвовал в разминировании фарватеров. Однажды случилась беда: мина взорвалась близко и достала сигнальщика. Снова ранение и контузия. Врачи вынесли суровый приговор: «Годеи к нестроевой», но он снова возвращается в строй.

Демобилизовавшись, Евгений решает стать строителем. Заканчивает институт. Работает на строительстве Сталинградской ГЭС. Но ранения и контузии готовили свой приговор. И в конце пятидесятых годов болезнь намертво сковала суставы...

Вот уже более двадцати лет Евгений Лесников в полной неподвижности. Когда отступили невыносимые боли и прекратились бесконечные перевозки по госпиталям и больницам, Евгений Дмитриевич ставит перед собой вопрос: как быть дальше, чем можно в его состоянии быть полезным людям?

И он решает рассказать о прожитом нашей молодежи.

В 1961 году Евгений Лесников остался без родных. Соседка по квартире, мать друга детства, была ему вместо родной матери, а врачи и сестры, комсомольцы города-героя стали близкими друзьями. Школьники и студенты записывали рассказы Евгения Дмитриевича, редактировали вместе с ним. Так была написана первая книга Лесникова «На Смоленской тихо», изданная Нижне-Волжским книжным издательством к 30-летию Победы. И появились новые друзья.

За прошедшие годы Евгения Лесникова посетили тысячи пионеров и школьников из многих городов Советского Союза. У него побывали моряки-однопольчане, молодые воины. Комсомольцы Киевского завода «Маяк» сконструировали ему специальный магнитофон и приставку с клавиатурой, позволяющей Евгению самому включать и выключать магнитофон единственным подвижным пальцем левой руки. Ветераны завода медицинского оборудования Волгограда разработали и изготовили специальную кровать. Студенты Волгоградского педагогического института стали его постоянными секретарями и помощниками.

Однако основные хлопоты и заботы лежат на плечах Людмилы Михайловны — друга и няни, домохозяйки и сестры милосердия, советчика и консультанта, которая в 1975 году стала женой Лесникова. Она ведет переписку и принимает гостей, организует труд и отдых, создает настроение в семье. Написание книги для Лесникова — это не обычный труд писателя за письменным столом. Это коллективный труд. Тысячи щелчков включений магнитофона, бессонные ночи.

Прочтение написанного не менее сложный процесс. Рукопись лежит на специальной полочке написанным вниз, а Лесников, глядя вверх единственным глазом, читает написанное.

Новая книга «Призыву по возрасту не подлежит» показывает высокий нравственный порыв мальчишек, которые по велению сердца пошли защищать родной город, свою Родину.

Книга отражает собственное состояние автора, прошедшего через все испытания войны. Она привлекает своим необычным сюжетом, достоверным изображением событий и характеров.

ВИТАЛИЯ БАЦУНОВ.

*заведующий отделом
Волгоградского горкома партии.*

ТАЙНИК КУПЦА ПРОХОРОВА

Климовы переезжали на Смоленскую улицу в новую квартиру. Екатерина Николаевна, Димкина мать, вечером постирала белье, а утром оно было серым от пыли. Складывая белье в таз, она ругала «царицынский дождь», как называли здесь пыльные бури, а заодно и поругивала мужа, который ушел за машиной и как в воду канул. Вещи давно собраны и уложены, делать было нечего, и Екатерина Николаевна, не зная, к чему приложить руки, покрикивала на всех, кто попадался ей на глаза.

Первым понял настроение хозяйки Рекс. Он выскользнул за дверь и забился под крыльцо, где даже в самую жару земля была влажной и прохладной. Вслед за Рексом улизнул и Димка.

— Отца поищи! — крикнула ему мать.

— Ладно! — отозвался он, выходя на улицу.

За калиткой огляделся. Кругом знакомая картина: небольшие домики и мазанки, прилепившиеся на косогоре, пыльные деревья, а дальше — Волга и блеклое небо над ней.

В переулке ни души, все попрятались от палящего солнца. Даже многочисленное собачье племя притаилось в будках.

Димка двинулся было вниз по переулку, но тут сзади его просигналила машина: приехал отец с грузчиками.

Мальчишка взялся было помогать таскать вещи, но только путался под ногами, и его прогнали. Тогда он попросил у матери разрешения проститься с товарищами.

— «Товарищи, товарищи!» — по привычке заворчала Екатерина Николаевна. — Ладно, все равно толку-то от тебя! Иди, но смотри недолго!

Рекс хотел увязаться за Димкой, но мать прикрикнула на него, и он снова укрылся под крыльцом.

...Димка прибежал к дому, когда машина, нутужно рыча, уже выезжала со двора. Она была загружена доверху. Блестело зеркало шкафа, качался фикус, отражаясь в этом зеркале. Растерянная, заплаканная мать сидела в кабине.

— Давай! — крикнул отец из кузова, протягивая Димке руки.

Он сильный, Димкин отец Максим Максимович, сильный и веселый. Ловко втащив сына наверх, обнял его за плечи, стиснул:

— Прощай, избенка наша!

В домике, маленьком и тесном, повизгивал Рекс: за ним придут потом, сейчас пока не до него. Грустно сидела у крылечка соседка тетя Поля, махала рукой.

И Димка, глядя с высоты на родное гнездо, вдруг пожалел его. Тесно было здесь, но зато и весело. Особенно по вечерам, когда на зеленом дворике собирались все жильцы. Они играли в лото, или читали вслух смешные рассказы Зоценко, или говорили о новостях. Никто не гонял мальчишек, и они, равные среди равных, слушали умные речи. «Ничего этого больше не будет!» — вдруг с горечью подумал Димка, и сердце его сжалось.

Машина остановилась возле старинного двухэтажного дома из красного кирпича. Дом окружала толстая каменная стена.

Екатерина Николаевна, хлопнув дверцей, неловко

вылезла из кабины и растерянно посмотрела на мужа. Губы ее вздрагивали.

— Прибыли! — бодро сказал Максим Максимович, спрыгивая на землю.

Они вошли во двор, и Димке понравилось здесь: двор был тихий, зеленый, в глубине его — маленький флигель. Вдали, за забором, за кустами, еще какие-то здания.

— Пошли! — отец распахнул высокую дверь парадного крыльца.

Димка смело пошел за ним. Широкая лестница, каменные ступени, дубовые перила. Внизу — две двери, одна против другой, наверху — еще две такие же двери.

— Раньше тут купец обитал, — тихо говорил отец, поднимаясь по роскошной лестнице. — Прохоров! Богатый был человек. А теперь трудовой люд живет вроде нас. А вот наша квартира... Прошу, граждане хорошие!

Он пошарил в кармане, вынул ключ и попытался отпереть замок.

— Открыто, входите! — крикнули из комнаты.

Они вошли.

В углу пустой гостиной на табуретке стоял коренастый человек в светлом парусиновом костюме и ярко-желтых ботинках. У него острый бегающий взгляд, усики, черная «бабочка» под накрахмаленным воротником рубашки.

— Вы кто? — строго спросил Димкин отец. — И что вы здесь делаете?

Человек спрыгнул с табуретки. Димка заметил, что у него очень длинные, какие-то загибающиеся руки. Быстро оглядев широкоплечего Максима Максимовича, незнакомец улыбнулся:

— Пардон, с кем имею честь?

— Я хозяйка квартиры! — сердито сказала Екатерина Николаевна. — А это мой муж!

— Значит, хозяева? — мужчина нахально посмотрел на Димкину мать. — А я — из домоуправления! Квартиру осматриваю, все ли в порядке! — Он вытащил какой-то листок, помахал им и опять спрятал в карман. — Так что жилье в чистоте принимаете, чтобы и дальше так было, ясно? Мы будем контролировать!

Последние слова он сказал уже в дверях и скрылся, забыв про «до свидания».

— Брр, неприятный тип! — поежилась Екатерина Николаевна. — Даже настроение упало.

— Не стоит из-за пустяков расстраиваться! — сказал отец. — Давайте вещи таскать!

Когда вещи кое-как распихали по комнатам, хозяева неторопливо еще раз обошли свою квартиру. Димка впервые видел такие хоромы и восторженно тарашил глаза на лепные карнизы, на головки амуров в углах гостиной. С потолка, из переплетенных цепей, на него смотрел Прометей. Широкое скуластое лицо его было искажено брезгливой гримасой и смахивало на разбойничью физиономию какого-то атамана.

— Силен? — спросил отец.

— Ага! — кивнул Димка. — А чего он морщится?

— А ему противно эту штуку в зубах держать! — усмехнулся Максим Максимович.

В зубах титан действительно держал позеленевший крюк, на котором раньше висела лампа-«молния». Теперь его обвинял электропровод с пустым патроном.

— Безвкусица, — качал головой отец. — И Прометей, и амурчики эти...

— Ладно, критики! — устало сказала мать. — Давайте устраиваться!

Из гостиной они перешли в комнату, отведенную Димке. Комната была небольшая, но уютная, с двумя окнами во двор.

— Хорошо! — сказал довольный мальчишка. — Спать буду у окошка!

— Ну да! — испугалась Екатерина Николаевна. — Второй этаж!

— Ну и что же? — заступился за него отец. — Взрослый парень!

— Взрослый! — Мать насмешливо посмотрела на сына — лохматого, загорелого, курносого: ничего взрослого не было в лице его и угловатой нескладной фигуре подростка.

Обиженный Димка засопел.

Потом разгорелся спор из-за третьей, совсем крохотной комнатки, похожей на монашескую келью. Максим Максимович намеревался приспособить ее под кабинет, а Екатерина Николаевна облюбовала келью для своих хозяйственных нужд.

— Не велик барин,— весело говорила она, блестя ровными зубами.— Всего-навсего инженер! А туда же — кабинет ему подавай! Я — главный врач больницы, и то помалкиваю! Так что тихо, мужчины, не пыхтеть и слушаться меня! Тащите этот сундук в Димину комнату!

Максим Максимович мигнул Димке, и тот уселся на сундук. Рядом плюхнулся отец.

— Бунт? — весело спросила мать и прищурилась.— Ладно, бунтуйте, а ужин я готовить не буду!

Она вышла на кухню.

— Ну и не готовь! — крикнул Димка в дверь.— И обойдемся! А ты отдай папе комнату, поставь мою кровать у окна!

Екатерина Николаевна загремела посудой.

Отец с сыном переглянулись и прыснули.

— А хороший был бы кабинетик,— тихо сказал Димка, подталкивая отца локтем.

— Хороший,— хмыкнул Максим Максимович, косясь на дверь, из-за которой доносился гром посуды.

— Давай зайдем, пока мама там,— предложил Димка.

— Ага! А потом попадет за самоуправство! — покачал головой Максим Максимович, но глаза его, синие, ясные, как у Димки, смеялись.

— Не бойся,— успокоил сын.— Не попадет. Поставим ее перед фактом. И потом, нас же большинство! А?

— Ладно,— сказал отец.— Только тихо!

Потихоньку, полегоньку втащили они в кабинет отца письменный стол и кушетку. Максим Максимович оглядел комнату:

— И для книжного шкафа место осталось. А на стол мы поставим лампу с зеленым абажуром — будет замечательно!

Димка подошел к окну, которое выходило во двор. Куст сирени легонько постукивал в стекло, как бы просился в гости. Димка распахнул окно. Во дворе была тишина, только верхушки кленов раскачивались, напоминая о пыльной буре. Стены дома, забор возле флигеля, кусты и деревья надежно защищали двор от ветров. Около флигеля росли кусты сирени, а между ними была разбита клумба. Вдоль веранды, увитой диким виноградом, выстроились яблони. Пахло мятой и цветами.

— Хорошо! — оглянулся мальчишка.

Отец подошел, обнял его за плечи,дохнул в ухо:

— Хорошо, Димка!

В комнату заглянула Екатерина Николаевна.

— Управились, голубчики? Распорядились? —спросила она.

Голос ее прозвучал строго, а глаза смеялись. Димка понял, что мать совсем не сердится.

Павел Нулин, известный в уголовном мире под кличкой Пашка Нуль, имел веские причины побывать в квартире, которую заняли Климовы. Он разнюхал, что когда-то этот крепкий, как крепость, каменный дом принадлежал купцу Прохорову. После революции купец сбежал из Царицына, припрятав здесь кое-что из своих богатств. Насчет богатств Пашке сообщила Юлька-воровка, баба вздорная, болтливая, которой бы в другое время Пашка не больно поверил, но тут он нюхом почуял: Юлька не врет. Судьба тайника не на шутку взволновала жулика, который в последние годы «работал» по мелочам и давно мечтал о таком вот кладе, с неба свалившемся.

— Мне половину! — заявила ему Юлька, когда в своей полутемной, грязной комнатке жарким шепотом поведала Пашке о кладе купца Прохорова.

— Идет! — серьезно отвечал тогда Пашка и про себя добавил значительно: «А там поглядим, какую тебе долю отвалить...»

Пока одни жильцы выехали, а другие не въехали, Пашка основательно обшарил квартиру: ведь именно здесь, по утверждению Юльки, и был укрыт клад.

Пашка уже изругал последними словами «контру чертову», так крепко запрятавшую сокровища, и собрался было махнуть на все рукой, как внимание его привлекли головки амуров по углам комнаты. Хищный огонек зажегся в Пашкиных острых глазах, когда он начал методически осматривать да ощупывать каждую головку. Сердце его учащенно забилося: Пашка почувствовал, что он близок к разгадке тайника, но тут, совсем уж некстати, во дворе послышался шум мотора, и в квартиру нагрянули проклятые жильцы. Пришлось срочно прикидываться работником домоуправления и удирать.

Всю ночь Пашка не спал, распаляясь при мысли о золо-

те и брильянтах, которые были где-то рядом, под самым носом, и уплыли из-под рук. Конечно, амуры не только для украшения — это уж точно! Только бы найти точку, на которую нужно нажать или что-то там повернуть, чтобы распахнулся тайник,— Пашка уже слышал о таком. Он ясно представлял, как со скрежетом распахнется потайная дверца и покажется уголок обитого железом сундука.

В комнате было душно, и Пашка вышел на улицу проветриться. Рассветало. Воробьи встретили его оголтелым чириканьем. Утро приходило светлое, радостное, ничто не напоминало о вчерашней пыльной буре. Пашка, занятый своими мыслями, ничего не замечал. Он долго бесцельно бродил по улицам и не заметил, как очутился перед приземистым крепким домом, перед толстым его забором. Присел у калитки и, нахлобучив кепку, принял вид скучающего, праздного человека. Медленно текли минуты...

Хлопнула калитка, на улицу вышел Максим Максимович. Зашагал, чуть покачивая плечами. Пашка подождал. Кто-то еще шел к калитке, беззаботно напевая. Калитка опять хлопнула. Пашка посмотрел одним глазом из-под кепки. Вышла Екатерина Николаевна, ладная, невысокая, в светлой шелковой кофточке, в серой юбке. Напевая, прошла мимо Пашки. И тот, совершенно равнодушный к женской красоте, подумал неожиданно: «Красивая, зараза!» И злость одолела его. Он злился на этих людей, красивых и беззаботных, которые спугнули его в самую неподходящую минуту. Он злился на Юльку за то, что поздно пронюхала и сообщила про клад, он последними словами ругал весь белый свет, который мешал Пашке жить так, как ему хочется.

Оглядев улицу, Пашка проскользнул в калитку, быстро вошел в дверь парадного и поднялся по лестнице. Вот она, его заветная дверца, за которой спрятано брильянтовое счастье! Пашка потянул ее — захлопнуто. Замчишко так себе, но все равно нужны инструменты, а их у Пашки с собой не было. «Ладно, погодим!» — подумал он и, спустившись, толкнулся к Юльке. Та уже унеслась куда-то, и это еще больше распалило Пашку. «В такую рань усвистала, дура чертова!» — скрежетнул он зубами, зная, что при запое Юлька может не приходить домой несколько дней.

Все же Пашка решил малость подождать. Он отошел в тень на противоположную сторону улицы, чтобы не мозолить глаза у дома, сел на скамеечку и со скучающим видом стал следить за калиткой.

Юлька совершала утренний обход базара. Она шла лениво, изредка останавливалась и копалась в овощах и фруктах, разложенных на прилавках. Покупатели подозрительно поглядывали на нее, грязную и лохматую, спешили отойти. Торговки молча пододвигали к краю прилавка огурец или помидор, свеклу либо картошку. Юлька спихивала ладонью дань в свою объемистую сумку и двигалась дальше. Торговки, зная ее, не хотели с ней связываться: горластая нахальная Юлька могла затеять скандал и отпугнуть покупателей.

Похаживая между рядами, Юлька с удовольствием поддразнивала толстых торговков, делая вид, что хочет стащить что-то, и усмехалась, глядя, как испуганно закрывали бабы свои товары.

Сумка ее быстро наполнилась, и Юлька, вздохнув, отправилась восвояси.

У своего дома она увидела Пашку. Это ее встревожило: в такую рань Пашка никогда не являлся, предпочитая часы вечерние, темные. Значит, пришел он по спешному делу, а уж Юлька знала, какие могут быть у него спешные дела! Попыталась улизнуть в переулок, но Пашка уже приветливо помахал ей и, широко улыбаясь, двинулся навстречу. Такая улыбка тоже не предвещала ничего доброго, Юлька сжалась.

— Ничего куш отхватила! — добродушно сказал Пашка, кивая на набитую сумку.

— Иди ты! — огрызнулась Юлька, стараясь бочком прошмыгнуть в калитку.

— У меня к тебе разговор, Юлия Даниловна! — вежливо сказал Пашка, и от такой вежливости ее передернуло. Но Пашка, отвернув полу пиджака, показал бутылку вина, и Юлька подобрела, стала глядеть повеселей светлыми своими глазками.

— Заходи, только осторожно, после меня! — тихо сказала она, деловито пробегая в калитку.

— Учи ученого! — пробормотал Пашка.

Он оглянулся по сторонам — улица была пуста — и вошел следом за Юлькой.

С того дня как Пашка был тут в последний раз, мало что изменилось в грязной Юлькиной комнате: тот же старый сундук, набитый тряпьем, топчан, на нем сальные подушки и серое одеяло. Посреди комнаты стол с неприбранной посудой.

— У вас уютно, Юлия Даниловна, — опять напугал ее Пашка своей изысканной, не сулящей ничего доброго вежливостью. — Знаете, такой живописный беспорядок — раздолье мышам и тараканам...

— Пошел ты! — лениво ответила Юлька, распечатывая бутылку. — Ну, зачем явился?

— Да вот... помощь твоя требуется, — начал Пашка, выпивая свой стакан и разглядывая его зачем-то на свет; стекло было грязным, залапанным, и он поморщился. — Нужно мне с твоими новыми жильцами познакомиться...

Юлька тоже выпила жадно и несколько минут посидела так, закрыв глаза. Пашка не мешал ей. Когда она снова открыла глаза, они были у нее повеселей, и голос звучал помягче. «Доходит до нормы», — определил Пашка и, не теряя времени, налил ей еще. Юлька выпила и стала совсем доброй, приветливой — с такой можно уже говорить о серьезном деле.

— Стало быть, познакомиться? — протянула Юлька, с большим сожалением посмотрев на пустую посуду. — С жильцами, да? Ах ты, ах хитрый! Не с жильцами, а с их квартирой! Разве еще не назнакомился?

— Да не успел.

— Ладно! Ты будешь знакомиться, а мое дело глядеть, чтобы не помешали. Так я поняла?

— Юлька, ты умница! Через полчаса я вернусь — и вперед!

— Вперед, — послушно кивнула Юлька. — Только уж прихвати еще маленькую!

— Ладно! — пообещал Пашка.

Он принес «маленькую», на радостях угостил Юльку, и ту совсем развезло — наверх поднималась едва ли не с песнями, — Пашка шипел на нее и делал страшные глаза.

Они поднялись на второй этаж. Пашка сунул отмычку

в прорезь замка — дверь, тихо щелкнув, открылась, они вошли в прихожую.

— Стоп, а пацан? — вспомнил Пашка, и Юлька, шустро оглядывая вешалку и копаясь в пальто и плащах, рассеянно ответила:

— Убег он, на речку!

Она сдернула пару рубашек, висевших на веревке:

— Как бы не пересохли!

— Ты! — Пашка вырвал у нее рубашки, проклиная себя, что напоил «чертову ведьму». — Ты зачем тут? Давай на площадку и следи там! А то я тебя!..

— Ну да! — совсем осмелела Юлька.

И едва Пашка шагнул к двери гостиной, как непосредливая помощница сунулась в какой-то шкаф, из которого, гремя, выкатились кастрюли да ведра.

— Холера! — зашипел Пашка и ткнул Юльку в бок. Та потеряла равновесие и, падая, ухватилась за шкаф. Шкаф покачнулся, с полок посыпались горшки, банки.

— Ух ты, жертва коллективизации! — ощерился Пашка, пиная трезвеющую Юльку.

Дверь отворилась, и на пороге появился сонный, недоумевающий босой мальчишка с всклокоченными волосами.

...Димка крепко спал на новом месте, у раскрытого окна, под шум ветвей во дворе. Он проснулся от какого-то шума, грохота. Открыл глаза, огляделся. Яркое солнце заглядывало в комнату. В его лучах, медленно кружась, плавали пылинки. Солнечные зайчики смирно лежали на полу.

«Моя комната, собственная», — подумал Димка, потягиваясь и нежась.

В это время что-то опять загремело в прихожей. «Отец Рекса привел!» — обрадовался Димка, вскакивая. Гром в прихожей сильнее, раскатистее — будто Рекс колотил посуду. Димка распахнул дверь и замер. На полу валялись банки и кастрюли. Рядом со шкафом стояли незнакомые мужчина и женщина и ошалело смотрели на мальчишку.

— Ты один? — спросил мужчина, тяжело дыша.

Димка попятился к своей двери. Мужчина стремительно шагнул к нему.

Максим Максимович пришел на старую квартиру, чтобы взять Рекса и сразу вернуться домой, но соседка, тетя Поля, усадила пить чай. Пришлось отвечать на все вопросы, выслушивать все советы и только потом можно было уходить.

Когда они вышли в переулок, собаки, скучающие в тени домов, с лаем бросились к Рексу. Пес только слегка повернул свою волчью голову, слегка оскалился — и разномастные мохнатые дворняги мигом скрылись за своими заборами и трусливо забрежали оттуда.

— Не обращай внимания, — сказал Максим Максимович. — Участь у них такая — облаивать народ из подворотен.

Рекс внимательно посмотрел в глаза хозяину: он все понимал и, как подобает породистому псу, чинно вышагивал рядом.

Однако возле Астраханского моста Рекс не выдержал и потянул хозяина к реке. Максим Максимович дернул за поводок, но пес, повизгивая, тянул к воде.

— Купаться захотел? — проворчал Максим Максимович.

Рекс вильнул хвостом.

— Ох, разбаловал тебя Димка! — Максим Максимович погрозил Рексу пальцем. Посмотрел на блеклое от зноя солнце, вытер платком лоб. — Ладно! Пошли, окунемся!

Когда Пашка шагнул к Димке, мальчишка отпрянул, выскочил в свою комнату и толкнул задвижку. В ту же минуту на дверь навалились, задержали, застучали. Димка затаил дыхание. Удары прекратились. Он прислушался. В прихожей тяжело дышали. «Ищут, чем сломать», — понял Димка и заметался по комнате. Подбежал к окну: во дворе ни души.

«В мышеловке!» — понял он и подумал: «Откроют жулики дверь — бежать ему некуда». А то, что это жулики, Димка понял сразу. Он открыл окно пошире, влез на карниз и в нерешительности остановился. Дверь затрещала под ударами. Раздумывать было некогда. Димка ступил на узкий карниз, потом осторожно двинулся к водосточной

трубе, держась за край подоконника. Нога еле стояла на карнизе, спина взмокла. Никогда не думал Димка, что такой далекой кажется земля, если едва держишься на карнизе и, того гляди, загремишь вниз. Пока он держался за подоконник, передвигаться было полегче, а когда выпустил его край, показалось, что карниз стал еще ўже, а пальцы, цеплявшиеся за стену, вот-вот сорвутся. Наконец он ухватился за ржавую водосточную трубу, передохнув, спустился, побежал по Нижегородской. Тут его окликнул отец. С удивлением смотрел он на сына: тот с головы до ног в рыжей ржавчине, руки исцарапаны, на щеке кровавая полоса.

— Скорей... там!.. — бросился к отцу Димка, и Максим Максимович понял, что произошло что-то страшное.

Без лишних слов трое побежали к дому, впереди мчался Рекс.

— Стой! — Димка схватил отца за руку, едва они вбежали во двор. — Там — жулики!

— Ничего! — пробормотал Максим Максимович, вырывая руку и прыгая через три ступеньки.

Димка еле поспевал за ним. Но первым у двери оказался рычащий Рекс. Отец рванул ручку и без раздумий вошел на порог. За ним с опаской прошмыгнул Димка.

В прихожей как после погрома: валяются кастрюли и горшки, пол усыпан черепками, шкаф раскрыт. Рекс принюхивался к чему-то на полу и рычал, шерсть на его загривке вздыбилась.

— Сбежали, — разочарованно и вместе с тем облегченно протянул Димка. — Пап, спускай Рекса! Он по следу их найдет!

— Погоди, — проговорил Максим Максимович, оглядываясь. — Ничего не понимаю... Зачем лезли? Если обворовать, к чему такой погром?..

— Тот лез, который из домоуправления, — сообщил Димка.

Отец посмотрел с недоверием:

— Ты не ошибся?

— Не! Он был в другом пиджаке, а ботинки те же, что и вчера — желтые... С ним тетка была... Ее не разобрал. Вроде пьяная...

— Из домоуправления? Странно. Ну что ж, это можно проверить.

Максим Максимович прошел в комнаты — все вещи были на месте.

— Странно,— еще раз повторил он и на предложение Димки пустить по следу Рекса ответил: — У нас же ничего не пропало... Никому мы ничего доказать не сможем... К тому же Рекс давно по следу не ходил, мало ли что... Искусать может... Ну, мне пора! Ты тут наведи порядок и никого не бойся. Может, это так, пьяницы какие-то забрели. Сам же говорил, что тетка пьяная... В общем, больше не бойся!

— А я и не боялся! — ответил Димка, с удивлением вспоминая происшедшее и отмечая, что он действительно не испугался: видно, не успел.

— Ты у нас герой! — отец хлопнул Димку по плечу.— Смотри маме ни слова! А то будет переживать!

Собирая в ведро битые черепки, Димка думал: «Почему, когда остаешься один, всегда не по себе, а если с кем-нибудь, то ничего!» — и гладил Рекса, который с недоумением исследовал каждый угол нового жилья и повизгивал, как щенок, не находя привычных вещей на привычных местах.

— Ничего,— сказал Димка.— Привыкнешь!

Родители пришли рано.

Мать занялась кухней, отец — замками. Он быстро вставил один замок, внутренний, пощелкал им и подмигнул Димке:

— Как?

— Хорошо! — сказал сын.— Теперь давай английский!

— Да вы что? — покачала головой Екатерина Николаевна.— От кого запирались вздумали, купцы Прохоровы?

Отец с Димкой значительно переглянулись, и Максим Максимович сказал серьезно:

— Да примета такая есть: в новой квартире нужно вставить новые замки — на счастье!

— Ну, раз примета...— хмыкнула мать и пошла на кухню: дел у нее полно, работы по горло. Она возилась с кастрюлями, напевала и совсем не походила на того строгого доктора, которого Димка видел в больнице и к которому с таким благоговением обращались взрослые солидные люди.

— Поет! — кивнул отец. — Это лучше, чем ворчать, верно?

— Верно, — с удовольствием ответил Димка.

То же самое мог бы сказать и Рекс: он любил, когда хозяйка поет. Тогда можно и поиграть с Димкой, не опасаясь получить веником по спине.

Отец с удовольствием возился с дверью: он вывернул шурупы и снял старый английский замок, а на его место начал прилаживать новенький. Замок, однако, никак не прилаживался.

— Черт возьми, — пробормотал отец. — Велик! Надо бы мне тот, маленький, купить!

— Давай сбегаю и куплю! — предложил Димка, отец взглянул на часы:

— Поздно!

Решили оставить дверь пока так, с дыркой, и мать, выглянув из кухни, досыта посмеялась над ними:

— А еще инженеры! Умельцы!

— Ладно, — сконфуженно отвечал отец. — Давай лучше помогу тебе вещи передвигать!

Димка взял Рекса и отправился исследовать двор.

Со двора дом казался низким, приземистым, будто вросшим в землю, и еще больше походил на крепость. Высокий забор, отделяющий его от улицы, мрачная стена старой школы напротив, в глубине двора, узкие окна нижнего этажа — все создавало впечатление силы и неприступности. Димка понял, что именно такой дом и должен быть у купца, который имел тут и магазин и склад.

Как опытный военачальник, Димка сразу определил и уязвимое место: низенький заборчик, отделяющий двор от школы. Увидев в дальнем углу кучу старого кирпича, Димка решил укрепить слабый участок и стал возводить стену. Рекс сначала заинтересовался его работой, потом удрал в кусты, где было интересней, чем у кирпичей, и пахло кошками. Димка проводил его влюбленным взглядом.

Рекс был его гордостью. Это немецкая овчарка, породистый, умный и образованный пес. Если у Димки неполное среднее образование, то у его Рекса законченное высшее, полученное при клубе служебного собаководства. Напрасно отец побоялся пускать Рекса по следу — это он

делать уметь. Мог он отыскать спрятанную вещь, мог делать еще многое другое, что полагается всякому образованному псу. Кроме того, он вежлив, тактичен, никогда не лезет в разговоры старших, не задает глупых вопросов и не сует лапу в банку с вареньем. И даже рычит на Димку, когда тот занимается этим делом. Рекс и Димка — большие друзья, и один без другого не могут прожить и дня.

...Димка работал с увлечением, и крепостная стена быстро росла. Подошло время делать бойницы, Димка побежал за флигель, где валялись обрезки досок. Заглянув мимоходом в окна флигелька, он понял, что там давно никто не живет: на полу мусор, мебели нет, дверь на запоре.

Димка набрал дощечек и двинулся обратно к своей стене, возле которой стоял теперь какой-то длинный мальчишка и занимался странным делом — вытаскивал по кирпичику и бросал их под ноги. Вид у него при этом был задумчивый, словно мальчишка решал сложную задачу.

Испустив воинственный клич, Димка бросился на противника. Тот ловко увернулся и подставил ножку. Димка растянулся на земле. Мальчишка оседлал его, замолотил кулаками, но через минуту раздался его дикий вопль. Димка вскочил. Длинный лежал на спине с округлившимися от ужаса глазами, а над ним стоял, грозно рыча, Рекс. Димка оттащил пса за ошейник:

— Фу! Рекс, фу!

Мальчишка поднялся, тихонько охая. Димке стало жалко его.

— Больно? — участливо спросил он.

— «Больно»! — передразнил, приходя в себя, незнакомец. — На тебя бы такая страсть сиганула! — Он подышал, вытер нос и, шустро глядя черными глазками, быстро спросил: — Ты кто?

— Димка!

— А-а, новенький! Из третьей квартиры? А я — Мишка! Мы внизу живем, во второй!

— А ты зачем крепость сломал? — помолчав, спросил Димка.

— Я не сломал! — живо отозвался Мишка. — Я проверял. Не так ты делаешь! Крепость-то развалится! Нужно кирпичи по-другому класть, чтобы единого шва не было! По шву и развалится! Понял?

— Понял! — сердито ответил Димка, поглаживая Рекса, который уже успокоился и не рычал.— Ишь ты, изобретатель!

— Ой! — заулыбался мальчишка.— Откуда знаешь?
— Чего?

— Что меня изобретателем дразнят! Так прямо и дразнят: Мишка-изобретатель!

— А за что? — с интересом поглядел на мальчишку Димка, и тот, ковыряя ногой, сконфуженно и весело ответил:

— За разное!

Во двор вышла женщина лет сорока, неряшливо одетая, плохо причесанная, в чужаках на босу ногу. У нее было узкое лицо с блеклыми глазами, горбатый нос над тонкими губами.

— Юлька-воровка! — толкнул Мишка Димку. — Опять напилась! — И крикнул: — Тетя Юля! Как делишки?

— Фартово, Мишка! — сипловато ответила женщина и подошла к ребятам: — Ты, чернявый, где-то я тебя видела?

Димка вспомнил и сжался. Рекс тихонько зарычал, напружинился.

— Где ты его видела! — влез в разговор Мишка; он, видно, вообще не мог долго молчать.— Он только во двор вышел! Димка это! Из третьей квартиры!.. Рекс, молчи!

Он уже стал покрикивать на чужого пса, как на своего собственного. Димка нахмурился.

— Ишь, собачка,— пробормотала Юлька и, отойдя к забору, присела возле него на старое бревно и запела:

Фонарь качается, мильтон ругается,

Фонарь качается да на ветру...

А я, несчастная, торговка частная,

Стою и бублики я продаю...

Димка вздрогнул: песня вызвала неприятные воспоминания.

...Отец его, работник райкома партии, мотался по степным хуторам на стареньком «пикапе» по первым колхозам, только что организованным. Время было трудное. Кулаки открыто насмехались над Советской властью и колхозами.

Случалось, стреляли в активистов, травили скот, поджигали дома бедноты и колхозные амбары. Кулацкие сынки, наигрывая на гармошках, распевали на посиделках «Мурку», «Кирпичики» и вот эту — про торговку.

Помнит Димка, как на ночь закрывали они окна в доме тяжелыми дубовыми ставнями, чтобы не влетела кулацкая пуля. Отец, ложась спать, прятал под подушку наган.

Однажды он поехал на ближний хутор и прихватил с собой Димку. Около речки забуксовали. Шофер дергал машину взад и вперед. Надсадно гудел мотор, колеса, бешено вращаясь, поднимая тучи песка, вязли всё глубже и глубже. Наконец шофер выключил мотор, и люди вылезли из кузова. В это время из прибрежных кустов, с того берега, грянул залп. Один из активистов упал, обливаясь кровью. Димка испугался, но не закричал.

— Ложись! — толкнул его отец к колесу машины. — Голову не поднимай!

Димка хорошо помнит, как пули ударяли по кузову машины, как отлетали от него щепки. Отец начал стрелять. Кое-как отбились. Вернулись в станицу — их дом сгорел. У плетня толпились люди. Накрытая куском холста, лежала у огорода бабушка: убили ее бандиты. А откуда-то из открытого окна долетала песня:

Берите бублики, гоните рублики...

Мишка тряхнул Димку за плечо:

— Ты что? Бледный весь стал! Чего ты, а?

— Ничего... — Димка провел рукой по лицу. — Песня эта...

— Ну и что! — приставал Мишка. — Дурацкая песня!

— Дурацкая... А какие тебе нравятся, Мишка?

— О-о! — глаза Мишки сощурились от удовольствия. — «Тачанка» нравится, «Каховка» и про конницу Буденного! И эта еще... «Шел отряд по бережку, шел изда-лека, шел под красным знаменем командир полка...» Во песня!

Эти песни Димке тоже по душе, но он осторожно спросил еще:

— Мишка, а у тебя отец кто?

— Машинист он, в депо! — простодушно ответил паренек. — А мать на заводе. Уборщица она!

Димка улыбнулся своей подозрительности: лохматый, нечесаный, босой Мишка в полинявших от бесчисленных стирок штанах и рубашке никак не походил на кулацкого или буржуйского сына.

Юлька, дремавшая у забора, шевельнулась:

— О чем чирикаете, чижики?

— Да так,— сказал Мишка.— Про кино говорим!

— Кино...— пробормотала Юлька и снова закрыла глаза.

Ребята отошли подальше к флигелю, присели на скамейку.

— Кто она такая? — спросил Димка про Юльку.

— Спекулянтка! — небрежно отвечал Мишка.— Селедкой торгует. И ворует помаленьку, что попадется. Такая зараза!

— Селедкой? — удивился Димка.— Зачем? Ее ж в магазинах полно!

Мишка стал объяснять:

— В том-то и дело, что полно! Юлька наберет этой селедки, смажет ее постным маслом, чтобы пожирней казалась,— и на вокзал. Курортники, командировочные всякие торопятся, хватают все подряд, а тут Юлька: «Кому селедочки? Залом каспийский, иваси!» Они, дураки, не соображают, что к чему. Спросят иваси — Юлька и сует им самую заржавленную! Залом — опять такую же самую! А сдерет в пять раз дороже!

Откуда-то с высоты балкона раздался женский голос:

— Михаил, ты опять привел какого-то хулигана! Да еще с собакой! Покусает народ!

Димка поднял глаза. На хлипком балкончике второго этажа стояла худая, высокая черноволосая женщина в халате с широкими рукавами. Этот балкончик был совсем не нужен крепкому купеческому дому: видно, его приделали позднее.

— Чего орешь, карга! — проснулась Юлька.— Людям покоя не даешь!

— Эмилия Наумовна! — быстро прошептал Мишка.— Учительница музыки. Сейчас увидишь кино!

Юлька проворно устремилась к балкону.

— Я тебя вытряхну из твоего гнезда! Ишь, надела халат, царица!

Она стала раскачивать подпорки. Ветхий балкончик заскрипел, из прогнивших досок посыпалась труха.

— Лева! — проговорила Эмилия Наумовна плачущим голосом. — Лева! Эта пьяница нам балкон ломает! Позвони в милицию, пожалуйста...

На балкон несмело выглянул худой, бледный мальчик Димкиного возраста.

— Мама, не надо, тебе вредно, мама! — потянул он женщину в комнату.

Во двор из парадного стремительно вышла Екатерина Николаевна: видно, услышала крики.

— Что такое? — сурово спросила она Юльку. — Назад!

Рекс зарычал.

И неизвестно, кого больше испугалась Юлька, Рекса или Екатерину Николаевну, — она поспешно спряталась в своей комнатенке.

— Здравсте! — проговорил Мишка, кивая головой.

— Здравсте! — внимательно оглядела его Димкина мать.

Потрепав на ходу Рекса, она прошла к себе. Пес поспешил следом: он проголодался. Мишка вздохнул и проговорил с уважением:

— Строгая у тебя мамаша.

— А то! — гордо ответил Димка. Он искоса поглядел на нового приятеля: рассказать ему про жуликов да про Юльку, в которой он узнал ту женщину? Вздохнул: нет. Слишком уж этот Мишка суетлив. Не внушает он большого доверия.

ЮЛЬКА-«АКТИВИСТКА»

— Ребята, обедать! — позвала из окна Екатерина Николаевна.

— Пошли! — пригласил Димка: на той квартире у них столовались все его друзья-товарищи. И тут его очень удивила девчоночья застенчивость Мишки:

— Да не-е... Неловко...

— Пойдем! «Неловко»... — усмехнулся Димка и подтолкнул Мишку, которому страсть как хотелось поглядеть жилище нового приятеля.

— Руки! — суровым докторским голосом произнесла

Екатерина Николаевна, и Мишка с испуганным видом отправился умываться.

Когда все чинно сидели за столом, Рекс вдруг рванулся в прихожую. Димка вскочил следом и успел заметить в дыре от замка чей-то большой испуганный глаз. Он рванул дверь. Юлька суматошно топала по лестнице. Хлопнула ее дверь.

— Ты куда это? — удивленно спросила мать.

— Да так, — рассеянно ответил Димка.

После обеда они вышли на улицу: Рекса нужно было отвезти к ветеринарному врачу.

— Проводишь? — спросил Димка Мишку.

— Провожу! — охотно ответил тот: ему спешить некуда.

В приемной врача ожидали очереди три старушки и старичок. Все они сидели вдоль стен и держали на коленях корзинки. Из двух корзинок выглядывали круглые кошачьи мордочки, из третьей — маленькая собачка. Старичок держал клетку с попугаем.

Увидев громадного Рекса, собачка испуганно и визгливо затыкала, кошки зашипели. Старушка с собачкой вскочила, корзинка упала, и собачонка вывалилась. Рекс слегка придавил ее лапой, и она завизжала так, что зазвенело в ушах. Дремавший старичок ошалело захлопал глазами, клетка покатилась, сидевший в ней попугай хрипло заорал:

— Ду-рак! Хам! Лапотник!

— Цыц, Деникин! — Старичок накрыл клетку платком, попугай утих.

На пороге появился врач.

— Кто шумит? — строго спросил он. — Кто кричит «дурак»?

— Он, — кивнул старичок, показывая на попугая.

— Ваш ученик? — с неодобрением покосился доктор.

Старичок вздохнул:

— У белого офицера, говорят, жил он, у него и учился. Хотел выбросить, а внучка говорит — жалко. Ее птичка...

Мальчишки дождались своей очереди и прошли в кабинет. Рекс и Димка вели себя чинно, а Мишка-изобретатель залез в инструменты, за что был выгнан из кабинета и мог только заглядывать в дверь.

— Как зовут? — спросил врач.

— Димка! То есть Дмитрий.

— Не тебя! Собаку!

— Рекс, — смутился Димка.

Врач долго, внимательно осматривал Рекса, потом сказал, что собака здорова, что из-за пустяковой ссадины приходить, может, и не следовало бы, но он ценит Димкину заботу о своем друге.

— О, вообще-то это замечательный пес! — слушал Мишка, наполовину уже залезая в кабинет и одобрительно кивая. — Замечательный!.. Ну, давай лапу!.. — И доктор с удовольствием пожал крепкую лапу Рекса. — Стой! — приказал он Мишке, когда тот попытался сбежать. — Подожди!

Посмотрел на мальчишку добрыми глазами Айболита и покачал головой:

— Уши мыть надо, понял? И есть больше! Ясно?

— Угу! — мотнул нечесаной башкой Мишка.

— Марш! — приказал доктор, и мальчишки вышли на улицу под серое горячее небо.

У калитки они увидели рослого крепкого паренька в синих штанах и красной выгоревшей майке.

— Васька! — обрадованно закричал Мишка, словно стоял он не в двух шагах, а за версту, — Васька, привет! А это — Димка! Из третьей квартиры! А это — Рекс! Наша собака! Во собака! Ученая!

Васька внимательно, цепко посмотрел на собаку, на Димку, и тот понял, что перед ним человек самостоятельный, знающий себе цену.

— Хорошая собака, — кратко сказал Васька и больше — ни слова, хоть Мишка вился возле него винтом.

— Пошли к нам! — предложил Димка. — Удочки возьмем — и на Волгу!

— Пойдем! — заторопился Мишка. — Вот здорово, Васька, а! Пойдем!

Тот подумал, взглянул на небо и пожал плечами, что, видно, означало у него: «Ладно!»

Димка провел их в кладовку, где хранилось у него целое богатство: настоящие бамбуковые удочки, сетки, бредень и много других столь же ценных и необходимых предметов, при виде которых у Мишки разом вылетели все его слова, а молчаливый Васька уважительно протянул:

— Да-а!

Вдруг Рекс зарычал в сторону двери. Опять мелькнул в дыре Юлькин глаз.

— Подглядывает! — сказал Димка. — Опять Юлька подглядывает!

— Ну и пускай! — пожал плечами Мишка. — Чего тебе бояться с такой собакой. — И он, осмелев, потянулся к Рексу, погладил — пес снисходительно разрешил эту вольность.

Погладил Рекса и Васька, без страха и подобострастия, и Димка удивился, когда увидел, как Рекс в ответ на это слегка вильнул хвостом.

«Смелый!» — с восхищением подумал Димка про Ваську, а еще подумал, что Ваське, пожалуй, можно будет рассказать про жуликов. И когда Мишка увлекся удочками, Димка шепотом поведал Ваське про воровской набег. Васька надолго задумался, а слухмяный Мишка, разбирая удочки, сказал:

— Это совсем не из домоуправления. Это Пашка Нуль! Я его по ботиночкам узнал! И по усикам! Ворюга и мошенник! Сидел не раз! Ты его опасайся...

«Тебя еще опасаться надо, болтуна», — в сердцах посмотрел на него Димка и подсадовал на себя, что так опростоволосился.

— Ничего! — не умолкал Мишка. — Мы ее отучим заглядывать! — Он вытащил из кармана самопал-дробовик собственного изготовления и повертел перед Димкиным носом. — Видал? Только сунется, а мы — бабах! И готово!

Васька хмыкнул, а Димка поежился:

— Придумал тоже! Так и убить можно! Или глаз вышибить!

И ему представилось, как Юлька-воровка, обливаясь кровью, лежит возле их двери, а отовсюду сбегаются люди.

— Так мы ж холостым! — заволновался Мишка. — Набьем побольше серы от спичек и бабахнем!

— Бабахал уже — чуть школу не спалил, — сказал Васька, и изобретатель смущенно умолк.

А Васька предложил пока что замазать чем-нибудь дырку, чтобы Юлька не заглядывала.

— А потом замок вставим — и все в порядке!

Димка залепил дырку красным сапожным кремом.

...А тем временем Юлька занималась непривычным делом. Во время очередного похода по базару она нашла значок. Прочитала на нем буквы «ГСО» и задумалась. Потом остановила какую-то девушку:

— Эй, что это, а?

— Готов к санитарной обороне! — сказала та и, оглядев Юльку, хмыкнула: — Вам бы, тетя, лучше значок «Ворошиловского стрелка»!

— Ладно! Ползи, мокрица, дальше!

Юлька вспомнила, что такие же значки были у активисток из Общества Красного Креста, которые собирали средства в помощь каким-то голодающим. Тогда Юлька прогнала активистов, а теперь задумалась, и тусклые глазки ее заблестели. Юлька купила газету и, сев в скверике, стала вдумчиво читать. Она узнала про наводнение в Бразилии, про голод в Индии, про пожары в дальних чужих краях и удивленно покачала неприбранной головой:

— Надо же, сколько в мире несчастий!

А придя домой, надела лучшее и единственное свое платье, приколотла значок и, оглядев себя в зеркало, отправилась на промысел.

...Лева Грановский сидел на балконе и ел хлеб с луком. Кто-то завозился внизу, и скоро показалась Димкина голова. Димка взобрался по столбу, подпирающему балкон, и с удивлением смотрел на бледного, худосочного мальчишку, который еще не появлялся во дворе.

— Привет! — улыбнулся Димка. — Ты чего не гуляешь?

— Дерется, — тоже улыбнулся в ответ Лева и принялся грызть луковицу.

Димка влез на балкон и, склонив голову, с интересом смотрел на Леву.

— Кто дерется, Мишка?

Лева мотнул головой.

— Ну и врежь ему! — запальчиво сказал Димка, но тут же понял, что такой тихоня ни врезать, ни даже заорать как надо не сможет. — Лук? — спросил он.

— Лук. Хочешь?

— Да ну. Он горький!

Они помолчали. Мишка с Васькой убежали по каким-то домашним делам, и Димка вынужден был коротать одино-

чество с этим мальчишкой, от которого, видно, никакого толку.

— Ты почему не загораешь? — строго спрашивал Димка, и Лева охотно отвечал:

— Мне нельзя, у меня легкие слабые...

В дверь постучали, и вошла Юлька-воровка в голубом маркизетовом платье, помолодевшая и даже как будто красивая. Лева во все свои большие глаза уставился на нее. У Юльки через плечо висела сумка с красным крестом, на ногах — белые босоножки.

— Как твои фамилии? — строго спросила она Леву, будто незнакомого.

— Грановский, — тихо отвечал Лева.

— А твое? — спросила Юлька Димку.

— Климов! — сказал тот.

— Так и запишем! — Юлька вытащила тетрадку, карандаш, посплюнула его и стала коряво выводить букву за буквой.

— Как в первом классе! — усмехнулся Димка, глядя на каракули.

— Цыц, мокрица! — прикрикнула Юлька и, закончив писать, строго приказала Лева: — Зови мать!

— Вы же знаете, она на уроках, — вежливо ответил Лева, и Юлька притворно огорчилась:

— Ах ты господи! Ну ладно. Я от Красного Креста. Собираю деньги детям. Которые в Индии голодают! Все вносят! Вы одни остались! Тащи!

— Чего? — осторожно спросил Лева.

— Чего, чего! Деньги тащи!

— Но ведь мамы нету...

— А ты маленький? Не знаешь, где они лежат?

— Знаю... Но без мамы не могу...

— Крохобор! Голодным детям! — презрительно сказала Юлька, и Лева начал краснеть. — Жадный ты! Как и мать твоя!

— Вы маму, пожалуйста, не трогайте, — тихо попросил Лева, а Димка возмущенно смотрел на него, слушал: он бы ей так ответил! Ишь, пришла! Деньги ей давай! Нашла дураков!

Юлька, присев к столу, перебирала альбомы с марками, качала головой, казалось, забыв, зачем она явилась. Вдруг спросила:

— Правда, что марки продать можно? И за большие деньги?

— Правда,— кивнул Лева.

— Ладно,— сказала Юлька, вставая.— От вас, жадин, ничего не добьешься. До свидания! А ты, Климов, готовься! К тебе приду!

— Щас, придешь,— пробормотал Димка и в ту же минуту услышал, что за дверью кто-то заиграл на пианино.— Ой, кто это?

— Виолетта,— ответил Лева, косясь на Юльку, которая снова занялась марками.

Ноги сами понесли Димку в другую комнату, Лева неуверенно пошел за ним.

В комнате было тесно и как-то неудобно. У окна стояло пианино, за ним сидела совсем взрослая девочка: черные волосы, стянутые алой лентой, смуглое загорелое лицо, гордая посадка головы.

«Задавака!» — подумал Димка.

Девушка обернулась, весело сморщила нос.

— Здравствуй! — приветливо сказала она.— Ты кто?

Пока Димка раздумывал, как откомендоваться, Лева тихо сказал:

— Это Димка, сосед напротив.— И, подумав, добавил: — Не дерется.

— Ого, какая яркая личность! — усмехнулась Виолетта, внимательно и чуточку насмешливо рассматривая Димку, который, неизвестно почему краснея, подумал вдруг: «Красивая...»

— Сестра,— с гордостью сказал Лева.

— Садись! — кивнула Виолетта, но Димка увидел во дворе Ваську и Мишку, которые нетерпеливо глядели на его окошко.

— Не-е,— сказал он.— Я пошел!

— Иди,— ответила Виолетта, как-то сразу потеряв к Димке всякий интерес.

Ребята вернулись в другую комнату. Юльки уже не было.

— Посмотри-ка альбомы! — сказал Димка.— Может, стащила!

— Что ты,— как-то робко улыбнулся Лева.— Разве можно?..

Он нерешительно приблизился к столу, взглянул на

альбомы с марками, и лицо его, и так не розовое, залила синева.

— Нету,— поднял он на Димку беспомощные глаза.— Лучшие мои марки...

Димка не увлекался такой чепуховиной, не знал цены маркам, но Левина беда тронула его до глубины души.

— Погоди-ка! — решительно бросил он и побежал во двор. Быстро рассказал товарищам про Юльку и про марки.

— Пошли! — взвился Мишка.— Мы ей!..

Но рассудительный Васька досадливо свел выгоревшие брови:

— Не спеши... Марки она теперь уже спрятала, как она их взяла, никто не видел, так что же делать?

— Милицию звать! — нахмурился Димка, но ребята так насмешливо посмотрели на него, что он замолчал.

...Долго сидели они в Димкиной квартире, где было не так жарко, как на улице, и раздумывали, как выманить у Юльки марки. Мишка быстро разгорелся и так же быстро остыл. Он ныл, что нечего возиться с марками, притом чужими, а нужно поскорей забрать удочки и бежать на Волгу.

Пока спорили, на лестнице раздались осторожные шаги, и кто-то стал выковыривать сапожный крем из дырки.

— Она! — прошептал Димка, поглаживая, успокаивая Рекса.

Васька, набычась, пошел было к двери, но Мишка, схватив свой самопал, опередил его, уставил ствол в дыру, чиркнул коробком. В прихожей гулко ахнуло, Рекс заливи-сто залаял, а на лестнице кто-то истошно завопил:

— Караул, убили, люди добрые!..

Ребята выскочили на площадку. Там стояла Юлька и держалась обеими руками за лицо, залитое кровью. Мишка заорал громче Юльки, у Димки подкосились коленки, один Васька сразу сообразил, что это не кровь, а бордовый гуталин, который выстрелом выбило из дыры.

— Стой, не кричи! — приказал он, и Юлька послушно опустила руки и заморгала.— Давай марки! Ну! Живо!

Юлька оторопело полезла за пазуху и вытащила альбом.

Васька взял его и строго сказал:

— Иди мыться!

Тут только Юлька разглядела, кто перед ней, увидела, как безнадежно испорчено ее платье, и яростно заорала на ребят. Мишка, широко раскрыв глаза, с интересом слушал визгливую ругань, а Васька тихонько и как-то очень спокойно заметил, что хорошо бы спустить сейчас Рекса, который скребется да гавкает за дверью. Юлька, услышав про Рекса, скатилась в свою каморку.

— Ну и дела! — захохотал Мишка, приглашая и остальных повеселиться вместе с ним. — Как я ее! А? Сразу марки отдала!

Васька оборвал его смех, крепко стукнув Мишку по затылку — тот испуганно присел.

— Ты! — сказал Васька. — Думай сперва! Ломоносов!

Димка понес альбом к Леве. Ни Васька, ни Мишка не пошли с ним: один вообще не больно любил шлаться по домам, когда на улице такое солнце, другой боялся явиться перед Левиной матерью, давно грозившейся надрать ему уши за драку.

Лева все так же грустно сидел на балконе и грыз луковичу. В соседней комнате играла Виолетта. Эмилия Наумовна, видно, только что пришла и смотрела на Димку с вопросом, высоко подняв красиво подрисованные брови.

— Вот, — сказал он, кладя альбом на стол.

Лева оживился, тонкими пальцами схватил драгоценные марки, щеки его вспыхнули.

— Мама, — сказал он, улыбаясь, — это Димка! Он марки принес! Понимаешь?

— Дима, — грустно посмотрела Эмилия Наумовна. — Хороший мальчик...

И она погладила Димку по голове, чего не рисковала делать даже родная мать. Димка вспыхнул, опрометью вылетел из комнаты, в которой раздался серебряный смех Виолетты.

ЛЕВА

Было то жаркое полуденное томительное время, когда лень не то что двигаться, но даже говорить и думать. Ребята валялись на траве в тени флигеля и смотрели в небо.

Рекс лежал рядом, дышал тяжело, далеко высовывал красный язык. Тихо и тоскливо вокруг. Даже Юлька куда-то пропала. Даже Виолетта перестала играть. И ласточки не носились в воздухе. Скучно. Душно.

— Может, к Леве пойдем? — предложил Димка, и только Мишка нашел силы фыркнуть.

С Левой не стал бы дружить ни один уважающий себя парень. Мальчишки, с которыми знался Мишка, были ярые драчуны и задиры, каждый умел постоять за себя и за друга. Случалось, дрались без всякой причины, «на любак». Это была своего рода игра, разновидность бокса. Дрались по соглашению, до первой крови, до тех пор, пока один из соперников не сдавался: лежачего не били.

Городские мальчишки жили привольно и независимо. Ходили ватагами, оберегали свои улицы от чужаков, гоняли на пустыре мяч или целыми днями пропадали на Волге. Плавать умели все, и поэтому неплавающий Лева вызывал чувство жалости. Это был какой-то не такой мальчишка — не бегал, не прыгал, не орал, сидел большей частью дома да пиликал на скрипке. Когда ему становилось неважно, Лева выходил за калитку или тихонько садился на лавочку во дворе. Сам он к мальчишкам не подходил, а они его не звали, только насмешливо поглядывали издали, смелые да расцарапанные. Если кто-нибудь и подходил к Леве, то он краснел и смущался, что совсем уж было чудно. Когда с Левой заговаривали, он помалкивал или отвечал что-то невнятное, и мальчишкам казалось, что он задается. Кончалось тем, что самый шустрый парень, вроде Мишки, давал Леве затрещину, и он уходил в подъезд, смешно волоча ноги. Мальчишки покатывались, а Лева после этого долго не появлялся во дворе. Чудной, непонятный человек!

Два раза в неделю он, правда, выходил в кино, но и то не как все нормальные люди. Ребята, презирая билетеров, лазили в летний сад через забор, а Лева тащился с мамой, едва ли не за ручку, — за такое нахальство ему долго свистели вслед. Лева дергался, озирался и горбился. И вот теперь Димка предлагает идти к этому хлюпику!

— Свяжешься с ним — он «мама» закричит! — ворчал Мишка, хотя Лева никогда никому не жаловался.

— Хватит лежать, — сказал, поднимаясь, Васька. — Айда на Волгу!

— Айда! — подхватил Димка и вдруг замер, оторопев.

Из подъезда вышли Виолетта и Лева. Девушка была чудо как хороша и нарядна в темно-вишневом шелковом платье и туфлях-лодочках. В ее волосах алела все та же лента. Мальчишки рядом с ней выглядели очень бледно.

— Здравствуйте! — сказала Виолетта, улыбаясь. — На речку?

— Ну! — небрежно ответил Васька, босой ногой ковыряя пыльную траву.

— Леву возьмите! — деловито приказала она. — Да, пожалуйста, приглядите за ним, чтобы чужие ребята его не обидели.

«Сдался он!» — только что хотел в сердцах отрезать Мишка, но Васька неожиданно пробурчал:

— Ладно!

— Пошли! — улыбнулся Димка.

Лева с облегчением вздохнул и проямлил:

— Пошли...

Виолетта потрепала его волосы, подмигнула мальчишкам и пошла к калитке, прямая, тоненькая, гордая. Волосы вились по плечам.

— На танцы, что ли? — неприязненно проговорил Мишка, и Лева тихо ответил:

— Нет, не на танцы. Она, видите ли, в аэроклубе занимается.

— Это как же? — удивился Мишка, которому очень не понравилась чудная речь Левы: все эти «видите ли» и прочее.

— Понимаешь ли, — тихо объяснял Лева, — она пилотом будет.

— Летчиком? — удивился Димка. — Куда ей, девчонке!

— Почему ты так говоришь, — пожал плечами Лева. — Женщины и трактор водят, и самолет. Виолетта уже летает.

— В чашке ложкой! — хмыкнул Мишка, но Димка понял: Лева не соврал.

Понял это и Васька: он с уважением посмотрел на Леву:

— Молодец...

— «Молодец, молодец»... — бормотал Мишка, пыля впереди. — Поглядим, как запоешь ты на Волге!

Лева шагал рядом с Васькой, неуклюже поднимая ноги, боясь набрать песку в сандалии. Рекс тащился позади всех: ему в такой шубе было очень жарко.

— Сними штiblеты! — заорал Мишка. — Вышагивает! Глядеть тошно! Гусь!

И, передразнивая Леву, он показал, как тот вышагивает.

— Хорошо, я попробую, — кротко согласился Лева и послушно разулся.

Ногам, не привыкшим к горячему песку, было тяжело. Лева шагал на цыпочках, часто перебирая ступнями, отчего выглядел еще смешнее. Мишка покатывался. Рекс с недоумением смотрел на него.

Когда они спустились к реке по шаткой деревянной лестнице, как раз шел большой грузный пассажирский пароход «Спартак». Ребята разделись, бросились в воду и поплыли наперегонки, чтобы успеть вдоволь накачаться на волнах.

Рекс осторожно поплавал у бережка, вылез, отряхнулся и улегся рядом с Левой, беспокоино глядя на ребят. Вдоволь накупавшись, они вылезли и улеглись на песок. Зубы их стучали.

— А ты чего, как гриб, панамкой накрылся? — ехидно спросил Мишка. — Лезь!

Лева очень послушно снял панаму, разделся и, сложив аккуратно на песке брюки и рубаху, белея незагорелым телом, побрел в воду.

— Ой, мама! — захохотал Мишка, глядя, как опасливо барахтается Лева у берега. — Ой, лягушонок!..

— Отвяжись, прилипала! — тихо сказал Васька, но Мишку трудно так, сразу, унять. Он вскочил, кинулся в воду и сильно толкнул Леvu на глубину, заорав на всю речку:

— Учись, заморыш несчастный!

Лева тихо и как-то очень покорно пошел ко дну, не пикнув.

— Ой! — прошептал Димка, вскакивая, но мимо него к воде уже мчался Васька, за Васькой — Рекс.

Мишка бестолково махал руками, что-то вопил и таращил глаза. Брызги летели над ним. Васька нырнул и вытащил Леvu. На руках донес его до берега, уложил в тени чахлых кустов.

— Ничего,— бормотал Мишка, пританцовывая.— Подумаешь, лягушонок, и нахлебаться не успел как следует!

— Убить тебя мало! — сказал ему Васька и уселся надлевой, ошалело таращившим глаза.— Ну, как ты?

Лева pokrивил бледные губы.

— Темно там,— пробормотал он, передергиваясь. И вдруг заплакал.

— Ну и ладно реветь-то! — издали сказал Мишка, не решаясь подойти.— Что ты как девчонка!

Васька нехорошо взглянул на него — Мишка убежал еще дальше.

Потом они вместе долго лежали на берегу. Лева вздыхал и подрагивал и все просил:

— Вы уж маме не говорите, а? Пожалуйста!

— Ладно! — пообещал Мишка.— Не скажу, может быть.

— Не скажет,— медленно проговорил Васька, показав Мишке полновесный кулак.— И повернулся к Ле-ве: — Как, полегче? Идти можешь?

— Могу...— Лева встал. Отошел несколько шагов от Волги, оглянулся: — А плавать я научусь! Честное слово! — И покачнулся.

Димка с Васькой едва успели подхватить его под руки, Лева повис мешком. Пришлось опять возиться с ним, поливать ему голову из его же панамы, дожидаться, пока мальчишка окончательно придет в себя и сможет стоять и двигаться.

— Да-а,— протянул Васька, когда они вернулись.— Я с тобой займусь.

— Ладно,— покорно кивал Лева.

ТАНЦЫ

Димка сидел на диване и смотрел, как Екатерина Николаевна собирается на работу. «И чего она возится? — недоумевал он.— Взялась подметать. И зачем? Все равно к вечеру опять мусор наберется! Нет, любят эти женщины лишнюю работу находить!»

Наконец мать ушла, наказав Димке кучу дел; он кивал, нетерпеливо поглядывая в окошко. Едва шаги Екатерины

Николаевны затихли, Димка, прихватив Рекса, выбежал во двор, где уже ждали его друзья: они собрались на рыбалку.

Но планы спутались вдруг. С балкона квартиры Грановских их ласково окликнули:

— Мальчики! Зайдите!

Ребята повертели головами: к кому такое обращение? Да, Эмилия Наумовна смотрела на них и улыбалась. А ведь мальчишки опасались, что после речки будет у них с Левиной матерью совсем другой разговор.

— Пошли? — спросил приятелей Димка. — Я только Рекса домой отведу.

— Чего я там не видел! — дернул плечом Мишка. — От ихней музыки в ушах звенит!

А Васька молчком встал и пошел в гости. Нечего делать, Мишка потащился следом за атаманом. Вошел последним, с большой опаской.

Лева лежал на постели, а Эмилия Наумовна сидела рядом с ним на стуле. Из другой комнаты доносилась музыка, и Мишка недовольно поморщился: терпеть не мог этого грохота!

— Проходите, садитесь, — пригласила Левина мать. — Мне сын все про вас рассказал.

— Понятно, — пробормотал Мишка, на всякий случай пятясь к двери.

— Вы хорошие мальчики, — продолжала Эмилия Наумовна. — И он очень хочет с вами дружить. Трудно ему... Если бы папа был жив...

Голос Эмилии Наумовны прервался, она поднесла платок к глазам.

— Мама! — раздался из другой комнаты голос Виолетты, и Эмилия Наумовна испуганно посмотрела на соседнюю дверь.

— Да мы чего, мы ничего... — пробормотал Мишка. — Мы всегда... Будем на речку ходить!

— Ой, что вы! — замахала руками Левина мать. — Он после той речки никак в себя не придет: солнце его нажгло! А ему на солнце вредно. Вы, если хотите, приходите к нам: у нас книжки, читать будете, играть. А? Миша?

Мишка повел взглядом по книжной полке, скривился и захотел на волю.

— Ладно, там поглядим, — сказал он, толкая дверь.

— Спасибо вам! — неизвестно за что благодарила ребят Эмилия Наумовна.

А Мишка во дворе долго хохотал и на разные лады повторял:

— Мальчики! Приходите к нам. Книжечки будете читать, картиночки глядеть, в куколки играть!.. Ох, сдохну, братцы!

Димке это надоело, а Васька глядел-глядел да и сказал:

— Ну и хватит, балда!

Мишка обиженно замолчал и надулся.

К Леве больше не приходили. Целый день. До самого вечера. Они сидели у беленького флигеля, молчали. Идти было некуда. В кинотеатре «Спартак» закончился последний сеанс, а там пора на боковую.

— Скоро в школу,— вдруг вспомнил Димка, и Мишка зашипел на него рассерженным гусакom:

— Вспомнил! Все настроение отбил, дурак!

Васька засмеялся:

— Испугался? Неохота в школу?

— А кому охота! — ответил Мишка.— Уроки учи, и все такое! Мать ругаться будет: «Опять ты бездельничаешь, анчутка!» А в школе — училка!.. Да ну их всех совсем!

«Да, разлеился я за лето,— подумал Димка.— Придется поднажать».

В его семье все учились. Мама, закончив институт, помогала отцу, и до поздней ночи, бывало, горел свет в их комнате.

— Дураки мы! — сказал вдруг Васька.— Батька мой все время толкует: «Учись, учись! Не будь темным, как мы». Он ведь с детства хребет ломал! У заводчика работал, во-от таким пацаном... Ох и били его!..— Васька сжал кулаки и замолчал, потом насмешливо поглядел на Мишку: — А тебе, балде, наука сама в руки лезет, а ты рыло воротишь! Кто ж из тебя получится?

— Кто-нибудь уж получится! — проворчал Мишка.— Не хуже тебя будем!

— А твой отец, видно, шибко ученый? — спросил Васька у Димки, поглядывая на окно кабинета Максима Мак-

симвовича. — Как вечером к тебе ни придешь — он то пишет, то читает.

— Он рабфак закончил. Знаешь, как трудно ему было! А теперь дальше учится.

— Куда ж дальше? — искренне удивился Мишка, а Васька насмешливо сказал:

— А ты думал, дальше уж и некуда? Голова садовая!.. Я тоже буду инженером! — неожиданно закончил он, и Мишка выразительно хмыкнул.

Во двор начали выходить жильцы — посидеть перед сном на воздухе, посудачить. Димка присматривался к родителям Мишки. Отец его — пожилой, степенный и седоусый, которого все называли Кузьмичом. Мать — бойкая, говорливая, так и сыпала словами: видно, в нее уродился болтливый сыночек! Внимательно слушала ее Эмилия Наумовна, изредка вставляла ученое словцо. Появилась даже Юлька-воровка, трезвая и потому сердитая, уселась, закурила. Женщины с неодобрением поглядывали в ее сторону. Последним вышел Лева, подошел к ребятам. Они потеснились на бревне.

— Ну как, ожил? — хлопнул его по плечу Мишка. — Опять плавать будем?

— Будем! — твердо ответил Лева, и Мишка хихикнул.

Васька помалкивал: его родители жили в старой школе и сюда не выходили.

Во дворе появилась Виолетта, и все уставились на нее, нарядную, веселую.

— А мы сегодня с парашютом прыгали! — звонко сообщила она, и Эмилия Наумовна охнула, а Васька с уважением посмотрел на тоненькую девушку.

— Молодец, девка! — сказал Кузьмич. — Иные и парни, а не такие! — И он поглядел в сторону своего непутевого Мишки.

А Виолетта, забежав на минуту в дом, тут же вернулась, таща патефон и пластинки.

— Вечер танцев! — объявила она. — Мишка, крути машину!

Мишка, посапывая от сознания серьезности порученного дела, занялся патефоном. Виолетта вытащила пластинку, поглядела и, поставив ее на диск, сказала:

— Фокстрот «Му-му!» Пошли, Дмитрий!

— Что ты! — испугался и отскочил Димка. — Я не умею!

— Научишься! — тащила его в круг Виолетта. — Каждый мужчина должен все уметь!

— Ну да! Дрыгать по-козлячьему?

— И дрыгать! — не отпускала Виолетта, притискивая Димку и заставляя его «дрыгать» вместе с ней.

Мишка хлопал в ладоши, не хохотал, а ржал, задирая длинные ноги. Юлька смотрела угрюмо, дымила папирсой.

— Давай-ка, Виолетта, вальсок, — неожиданно попросил Кузьмич, и когда девушка поставила новую пластинку, он галантно пригласил Эмилию Наумовну.

— Во как! — удивился Мишка, открыв рот.

Виолетта опять схватила было Димку, но он, глядя прямо в ее черные колдовские глазищи, испуганным шепотом сказал:

— Честное слово! Не умею я вальсы!

— И темнота ты, Димка! — засмеялась она. — Я-то думала!..

— Чего?

— Да так, ничего...

Они уселись на бревне. Димка, глядя на танцующих, спросил:

— А как же... та музыка и эта? Пианино и патефон! Танцы и самолеты?

Она насмешливо посмотрела на Димку и ничего не ответила.

Появились и Димкины родители. Сперва осмотрелись, а потом тоже стали танцевать — совсем как на той, на старой квартире, где тоже устраивались такие же вечера. Только там было народу куда больше и ребяшня вертелась под ногами, а тут людей совсем мало, и все не с одного завода, все разные, и вдалеке сидит Юлька, совсем непонятная особа.

А Эмилия Наумовна, глядя на Димку, думала о том, какой это приличный, не похожий на остальных мальчик. И как было бы хорошо, если б он подружился слевой! Что могут дать Леве Мишка да Васька? Ничего путного! Бесцельное шатание по городу, топтание возле футбольного мяча, драки, Волга, улица! Господи, где найти тихий уголок, мирную, покойную жизнь!.. Вон ее Виолетта уже

уходит от нее в какой-то незнакомый, чужой мир, где парашюты, и самолеты, и страшные мертвые петли. Как уберечь Леву? Как оставить его подле себя?

ТАЙНИК ОТКРЫЛСЯ

Над лесом показалось солнце. На воду легла золотистая дорожка, перерезая курс речного трамвайчика. Мишка, Димка и Васька сидели под тентом на носу суденышка. Рекс дремал, положив голову на передние лапы. Максим Максимович смотрел на поблескивающую под солнцем воду, на лес, на голубое небо и радовался:

— Славный будет денек!

А еще он радовался тому, что наконец-то выбрался за город, на природу.

— Жалко, что Лева заболел,— сказал Димка.— Ему свежий воздух так нужен!

«Ташиться с ним!» — подумал Мишка, но вслух этого не сказал: Васька все последние дни очень заботился о Леве, учил его плавать, в чем малость переусердствовал: слабый ученик опять слег.

Трамвайчик подошел к глухой пристани. Путешественники сошли и, вскинув на плечи удочки, двинулись к лесу. Рекс с довольным видом шнырял по кустам.

Когда отшагали с километр, Максим Максимович сказал, вытаскивая карту:

— Ну-ка поглядим, где мы находимся.

Быстро расстелил карту на траве, отметил карандашом точку:

— Ага, мы вот тут. А идти нам сюда, к озеру.

— Чудно,— сказал Васька.— И как вы узнали?

Максим Максимович долго и терпеливо рассказывал Ваське про карту, а потом спросил:

— Сможешь провести нас к озеру?

— Не! — замотал головой Васька.

— Чтобы пользоваться картой,— сказал Максим Максимович,— необходим компас.

И он стал объяснять ребятам, как ходить по азимуту. Мишка деловито кивал, ничего не понимая, Васька посапывал, упрямо соображая, что к чему.

Потом снова тронулись в путь. Вскоре лес поредел,

впереди показалось большое поле, где среди редкой травы, разбросав по земле плети и подставив солнцу полосатые бока, лежали арбузы.

— Бахча! — обрадовался Мишка и побежал на поле.

Скоро вернулся со здоровенным арбузом. Сияя, ожидал похвалы, но Димкин отец приказал:

— Положи-ка арбуз на место!

— Ну да! — удивился Мишка. — Вон их сколько! Никто и не заметит!

— А ты его тут сажал? — усмехнулся Максим Максимович. — Ты за ним ухаживал? И вообще за воровство в тюрьму полагается!

— Господи! — от души удивился Мишка и захлопал белесыми глазками. — Какое ж это воровство! Если б я вагон их стащил!

— Па-а, — протянул Димка, — арбуз-то все равно сорван. Давай быстренько слопаем, и все!

— Эх, Димка, Димка... — покачал головой отец. — Был я о тебе лучшего мнения!

— Клади фрукт! — приказал Васька, и Мишка с неохотой повиновался.

Они, как на грех, долго шагали мимо бахчи, пока наконец не поравнялись с шалашиком в тени деревьев на краю поля. Забрехала, выскочив, собачонка и поджала хвост, увидев Рекса. Показался заспанный сторож, подозрительно оглядел ребят:

— Небось за арбузами?

— Нужны нам твои арбузы! — в сердцах ответил Мишка. — Что мы их, не видали?

— Вижу, вижу, народ вы порядочный! — смягчился сторож, увидев с ребятами взрослого. — Погодите-ка!

И, к великому удивлению Мишки, старик подал ему здоровенный арбузище, еле поднял от земли. Мальчишка даже спасибо забыл сказать, а потом, с удовольствием вгрызаясь в сладкую мякоть, все качал головой и бормотал, выплевывая семечки:

— Сам дал, надо же! Чудеса! Я и не просил! Почему дал?

— Очень ты ему, видать, понравился, — съехидничал Димка, и Мишка надолго задумался.

Солнце стояло уже высоко, когда подошли они к озеру. Там слышались всплески, круги расходились по воде. Дим-

ка и отец расположились на небольшом мыске, Мишка присел на каких-то мостках, проложенных через тростник, а Васька облюбовал себе место на обрыве, нависшем над водой.

Рекс лежал рядом с Димкой и не сводил взгляда с поплавка.

— Тихо,— сказал Димка, поглаживая его.— Сейчас рыбку тебе поймаю.

Поплавок едва заметно дрогнул и медленно пошел в сторону. Рекс замер, весь подавшись вперед. Поплавок дернулся и ушел под воду. Димка подсек и рванул удилище. Оно изогнулось, спружинило, выбросило из воды золотистого карася. Рекс бросился к нему, стараясь прижать лапами. Димка испугался, оттолкнул пса:

— Крючок проглотишь!

Он осторожно снял с крючка рыбку, бросил Рексу. Щелкнули крепкие зубы, и пес долго с удовольствием облизывался, потом занял свое место рядом с Димкой.

— Что, понравилось? — тихо спросил отец.— Ишь какой хитрый! Теперь на уху ловить надо!

...А вечером горел на берегу озера ласковый костер, булькала ароматная уха в ведерке, мерцали звезды, и жизнь казалась большой и прекрасной.

Максим Максимович разбудил ребят чуть свет. Поживаясь от утренней свежести, выбрались из шалашика, наспех сооруженного вечером. Предрассветное небо было мутным и серым, над озером клубился туман. Даже здесь, на пустынном берегу, Максим Максимович не отступил от своих правил и заставил Димку делать зарядку. Васька присоединился к ним, Мишка, вдоволь похихикав, тоже стал неловко махать длинными, неуклюжими руками. Помахав, сказал удивленно:

— Во! И не холодно, и жить веселей!

Мальчишки затопали к берегу, разошлись по своим местам. Однако клевало плохо, утро пришло жаркое, безветренное. Ребятам скоро надоело сидеть неподвижно, и они полезли купаться. То-то шум и вопли раздались над тихим озером! Мишка орал громче всех, нырял, мелькая пятками, потом подплыл под обрыв и вдруг, замахав руками, полез на берег. Глаза его были широко раскрыты.

— Ты что? — удивился Димка.

— Там...— Мишка не мог выговорить слово.— Там... мертвец!

Димка лег на высокий берег, свесился, но ничего не увидел в густых кустах. Васька молчком вошел в воду, заглянул под обрыв, затененный кустами, и скоро вернулся, держа в руке человеческий череп с дыркой во лбу.

— Ой, мама! — испуганно глядел Мишка то на череп, то на Димкиного отца.— Что это?

— Это...— Максим Максимович осторожно принял череп, подержал его на ладони. Огляделся.— Здесь бои были... В гражданскую... Видите?

Он показал куда-то, и ребята, поглядев, ничего не увидели, только какие-то бугорки да канавы, наполовину засыпанные, заросшие травой.

— Окопы,— сказал Максим Максимович.— Траншеи. Мишка сбегал, поглядел и вернулся, тяжело дыша:

— Точно! Окопы! — Поежился: — Там небось этих, скелетов, полно валяется!

Отец вздохнул:

— Да, не всех успели схоронить... Сколько солдатских костей по степям да по балкам разбросано...

— И вы воевали? — спросил Мишка, и Максим Максимович молча кивнул.

...Когда усталые путешественники вошли к себе во двор, первым их встретил Лева.

— Эй, пловец! — обрадованно зашумел на него Мишка.— А мы во как время провели! Накупались! Наловились! Я во какого окуня выудил — все руки отмотал! Еле в ведро поместился! А еще мы череп нашли... Не веришь? Нет?

Лева отвел Димку в сторонку и взволнованно прошептал:

— К Юльке... этот приходил! Ну, из домоуправления!.. Всё вокруг болтались да на окна твои глядели... Я боюсь!..

— Слушай, Лева, чего ему надо, а? — нахмурился Димка.

Лева посмотрел по сторонам и увлек товарища подалее, в глубину двора.

— Клад он ищет! Понимаешь? Клад купца Прохорова!

— Какой клад? Откуда он тут? — пожал плечами Димка, и Лева ответил:

— Я тоже не очень-то верю, но все говорят... И мама моя... Купец будто бы клад где-то тут спрятал. Юлька весь флигель перевернула — ничего не нашла...

— Ладно, пока помалкивай,— сказал Димка.

— Ладно, а...

— Помалкивай, Лева!

И Димка решил проверить все сам. Когда оставался один, он лазил по подвалам и чердакам старого дома, в самых паутинных углах находил вместо клада дырявые ведра да банки, пока однажды его не осенило: Пашка искал в их квартире! «Постой-постой,— припоминал каждую мелочь Димка,— он стоял на табуретке вот тут, в углу, и смотрел на голову амура!»

Димка отыскал то место, поставил ту же самую табуретку и взобрался.

Амур лукаво и нахально смотрел прямо ему в глаза. А посреди комнаты, в центре, на потолке, Прометей все так же держал в зубах постылый крюк, и брезгливая гримаса искажала его удалую разбойничью физиономию. Димка посмотрел на Прометея, посмотрел на каждого амура — все амурь одинаковы, у всех такие же носы, глаза, завитки надо лбом...

Димка начал осторожно ощупывать гипсовую головку, надавливал на глаза, на нос. Амур ехидно улыбался, словно хотел сказать: «Что, не удается?»

— Ну и черт с тобой! — с досадой пробормотал Димка и стукнул ладонью по толстой щеке.

Что-то затрещало, посыпалась штукатурка, побежала трещина по потолку, и головка амура медленно поехала вниз. Димка в испуге слетел с табуретки, отскочил.

Открылся тайник в потолке, и какой-то железный ящик с грохотом упал к Димкиным ногам. Мальчишка дрожащей рукой поднял его, оглянулся. В комнате тихо. От Мишки и Васьки ему удалось отделаться на сегодняшний вечер, Рекса тоже не было: мать ушла к подруге на другой конец города и взяла с собой провожатого.

Димка положил ящик на стол и только хотел поднять железную крышку, как на лестнице раздались шаги, не-

запертая дверь распахнулась, и в комнату вошел Пашка Нуль в тех же знаменитых желтых ботиночках. Из-за его плеча выглядывала Юлька.

— Ага! — весело сказал Пашка, зыряка глазами на дыру в потолке, на ящичек на столе. — Нашел все-таки! Молодец!

Он шагнул к Димке, ухватил ящик и дернул к себе. Мальчишка крепко вцепился в свою добычу.

— Убью, гада! — так же весело пообещал Пашка, глядя пронзительно в самую душу. — Отцепись!

Димка бросил беспомощный взгляд в окно, увидел двор, дорожку от калитки, а на дорожке Ваську да Мишку, от которых он так легкомысленно откачнулся сегодня.

Выпустив шкатулку, рванулся к окну, но Пашка цепко схватил его за шиворот, сдавил. Димка захрипел. Но в ту же минуту Пашка выпустил его: это Юлька подобралась к столу и ухватила ящичек и уже сделала два шага к двери...

— Положь, ведьма! — заревел Пашка, бросаясь к ней.

Они тянули добычу каждый к себе, пока крышка не открылась.

— Ой! — вскрикнула Юлька, ожидая, что под ноги ей со звоном упадет золото и, сверкая, посыплется брильянты, но ящичек был пуст.

— Пустая! — закричала Юлька тоненько-тоненько. — Ой, мамочки, пустая коробушка!

Пашка рванул Димку к себе и начал трясти так, что голова мальчишки моталась из стороны в сторону.

— Куда девал, а? — рычал он, бешено глядя Димке в самые зрачки. — Куда, гаденыш?! Говори!

— Васька-а! — из последних сил крикнул Димка и почувствовал оглушительный удар по лицу. Он упал, успев еще раз крикнуть.

В дверь забарабанили. Пашка распахнул ее.

— Здравсте,— сказал вежливый Лева. — Можно мне...

— Здравсте! — Пашка за грудки втащил Леву в прихожую, крепко стукнул по затылку и, захлопнув за собой дверь, загремел по лестнице.

Васька и Мишка, ворвавшись в квартиру, увидели полный разгром: на полу растоптанная штукатурка, валялся какой-то раскрытый ящик. Димка, размазывая кровь по лицу, виновато посапывал. На стуле сидел бледный Лева,

держался за голову, смотрел большими глазами. А посреди комнаты стояла Юлька и бестолково бормотала:

— Пусто. Надо же, а?..

И когда ее уводила милиция, Юлька, как добрым друзьям, пыталась объяснить сотрудицам:

— Понимаешь, пустая, во дела-то!

— Ладно, идите, гражданка,— крепко взял ее за локоть милиционер.— Там разберемся.

В ТАКОЙ ЯСНЫЙ СОЛНЕЧНЫЙ ДЕНЬ

Из квартиры Грановских доносились звуки скрипки. Они звали, манили к себе, и Димка пошел на их зов. Лева перелистывал ноты.

— Ты что играл сейчас?

Лева вздрогнул и оглянулся.

— А-а, это... «Лунная соната» Бетховена. А что?

— Хорошо,— вздохнул Димка.— Сыграй еще, а!

Лева внимательно посмотрел на товарища. Год прошел с тех пор, как они познакомились, а Димка здорово переменялся: стал какой-то задумчивый, серьезный. «Переходный возраст!» — шутит Виолетта, а еще сказала она как-то, уже без шутки, что видный парень выйдет из Димки. «Пожалуй, она права», — думал сейчас Лева, разглядывая Димку, в котором пока что не было ничего видного — неловкий, длиннорукий подросток стоял перед ним. Только лицо хорошо — спокойное, черноебровое, пытливые большие глаза.

— Сыграй!

Это новость! Обычно Димка редко слушал скрипку — может, стеснялся Мишку, который называл Левину музыку «нытьем», а может, не пришло еще его время: «Переходный возраст...»

Лева взял скрипку, Димка опустился на диван, сдвинул бархатные брови. Он смотрел, как играл товарищ, хмурился, улыбался. Кончив играть, Лева опустил смычок.

— Хорошо! — вздохнул Димка.— Я прямо заслушался!

— Правда? — обрадовался Лева.

— Правда. Если не трудно, сыграй еще, а?

Лева полистал ноты:

— Послушай вот это.

Никогда еще не было у него такого терпеливого слушателя, и Лева играл долго и охотно.

Когда Васька с Мишкой, разыскивая товарища, зашли к Грановским, они с удивлением увидели: Димка слушает музыку! Сидит грустный, задумчивый, на себя не похожий.

— Ну и Шопен! — покачал головой Мишка, а потом спросил у Левы: надолго ли такое у Димки?

— Это навсегда! — торжественно взмахнул смычком музыкант. — Это — навечно!

— С чем тебя и поздравляю! — засмеялся Мишка. — Скоро и ты позеленеешь от этой музыки, как Левка! А может, и совсем сдохнешь! А ты кончай-ка пилить, собирайся на рыбалку!

Димка с сожалением наблюдал, как Лева укладывает скрипку в футляр.

— И ты собирайся! — приказал ему Мишка.

— Некогда мне! — огрызнулся Димка, чем опять удивил Мишку — тот долго пучил глаза и разводил руками:

— Ну и дела! Да ты совсем спятил и рехнулся! Каникулы начались! Гулять надо! А ты сидишь! Побледнел совсем! Смотри не проспи!

...Будильник прозвенел, а Димка не просыпался. Тогда Рекс, взматеревший за этот год, потянул край одеяла и легко стащил его на пол. Димка отвернулся к стенке, сжался комочком. Такие фокусы Рексу хорошо известны! Пес встал на задние лапы и ткнул Димку носом в шею. Шея у парня была теплая, приятная, а нос у Рекса — мокрый и холодный. Димка, не открывая глаз, шлепнул по нему ладонью. Рекс залаял и залез на кровать.

В комнату, шлепая домашними туфлями, вошла простоволосая, в халате, Екатерина Николаевна:

— Вы что, с ума сошли?! Третий час ночи! Орут на весь дом!

Рекс полез под кровать, как маленький. Димка пошлепал его слегка и подбежал к окошку. На дворе стояли с удочками Мишка с Васькой. Из подъезда выходил Лева, застегнутый на все пуговицы, с поднятым воротником.

— Давай! — замахали руками, увидев Димку.

Наскоро собравшись, Димка схватил Рекса за поводок

и выбежал. Мать, покачивая головой, ласково смотрела вслед сыну.

Мишка, глядя на зевающего Димку, усмехнулся:

— Хорош! Еще недельку походил бы к этому — и стал бы совсем как он! На скрипочке бы пиликал! Не выучился еще?

— Эх, Мишка, — сказал Васька, — тебе бы хоть чему-нибудь выучиться!

— Ой! — поежился Мишка. — Ты совсем как моя мамаша выражаешься! Вот спасибо! Есть кому в каникулы обо мне заботиться! Мерси!

— Болтун, — проворчал Васька.

Бухая сапогами, ребята шагали к реке. Короткая летняя ночь была на исходе, надо спешить, чтобы успеть на речной трамвайчик.

Улицы еще спали, а на пристани было оживленно. Грузчики носили на берег огурцы в плетеных корзинах, грузили рыбу. Около кассы толпились рыбаки, цепляясь удочками за низкий навес. Ребята взяли билеты и едва успели взбежать на палубу, как матрос убрал сходни. Скрипнув бортом, трамвайчик отвалил от пристани. Мишка и Васька сидели на палубе: один болтал, другой молчал. Лева с Димкой смотрели, как, пенясь и пузырясь, бежит за бортом вода.

Через час трамвайчик был на месте. Первым прыгнул на берег Рекс — дорога эта ему уже хорошо знакома. Продираясь сквозь заросли, Мишка говорил Ваське:

— Знаешь, какое это местечко! Судаки — прямо как собаки! Так и хватают! Пасть у них — во!

— А язык? — хмыкал Васька, и Мишка обижался только на минуту, чтобы потом разговориться с новой силой.

— Вó местечко, гляди! — радовался он, когда ребята выбрались из кустов.

Место и впрямь было замечательное. Кустарник отступал от берега, вода текла тут чистая, спокойная. На дне виден песок. Значит, можно забрасывать закидушки, не опасаясь, что они зацепятся за кусты на берегу или коряги на дне.

— Хорошее утро! — сказал Димка.

— Поэт! — фыркнул Мишка.

А утро и впрямь выдалось тихое, по-летнему радостное.

В кустах позади ребят весело пересвистывались птицы. От тихой огромной реки веяло свежестью. «Вот бы Виолетту сюда, чтоб поглядела!» — неожиданно подумал Димка и покраснел.

Над лесом показался багряный край солнца, ожили деревья и кусты, бросив на песок длинные тени, а ребята еще не поставили закидушки. Мишка ворчал на них и покрикивал. Особенно доставалось Леве: тот никак не мог наловчиться так же шустро, как другие, насаживать червей и исколот пальцы.

— Ага! — непонятно чему радовался Мишка. — Это тебе не на скрипочке пиликать! Это — дело серьезное! А ты куда лезешь!

Под горячую руку досталось и Рексу, которому строго-настрого запрещено подходить близко, пока ребята насаживали червей. Наконец червяки насажены, закидушки заброшены, можно и передохнуть и, выкупаться подальше от места рыбалки. Потом ребята напились чаю и улеглись в тени. Васька и Мишка заснули сразу, задремал и Рекс, положив на лапы большую красивую голову, а Димке все не спалось. «Вот кончу школу, пойду в институт», — думал он про свою будущую жизнь, которая еще вся, без конца и края, лежала перед ним как на блюдечке. Как он будет учиться и какой он, этот загадочный институт, Димка не представлял себе. Хотел подумать об этом, а думалось про Виолетту — стояла она перед мальчишкой, черноволосая и насмешливая, с алой лентой в волосах.

Нет, уснуть невозможно. Димка тихонько встал и пошел побродить вдоль берега. Рекс мигом открыл глаза.

— Спи, спи! — сказал ему Димка, но пес все-таки потащился следом за хозяином.

Кусты затрещали. Димка едва успел схватить Рекса за ошейник, как показался человек. Черные усыки, низкий лоб, бегающие глазки.

— А-а! — заулыбался Пашка, как доброму знакомому. — Давненько не видались! Как жизнь молодая?

— Ничего, — ответил Димка, пытаюсь понять: случайно здесь Пашка или нет. А что, если он постоянно следит за ним, ходит по пятам, ждет удобного случая?..

— А все-таки где золотишко-то? — добродушно улыбнулся Пашка. — Сказал бы по-хорошему, пока не поздно...

— Уходи! — тихо проговорил Димка. — А то...

— Ну ладно,— кивнул Пашка.— Покеда, сморчок вонючий!

Пашка скрылся в кустах. Настроение у Димки упало. Выходной полетел ко всем чертям! Тем более, что все закидушки оказались пустыми, и солнце что-то очень припекало сегодня.

— Это все из-за тебя! — неожиданно напустился Мишка на Леву.— Ты червяков кое-как насадил!

— Ну и хватит,— сказал Васька.— По домам, ребята!

— По домам! — быстро согласился Димка, искоса поглядывая в сторону кустов.

...Когда ребята ждали речной трамвайчик, они обратили внимание на странное обстоятельство: пляж, на котором и в рабочие дни не протолкнуться, сейчас был пустынным, словно вымершим. Валялись бумажки от мороженого, лежала чья-то втопанная в песок панама. Мишка поднял ее, протянул Леве:

— Держи, пригодится!

Трамвайчик пришел с большим опозданием. Мальчишки попрыгали на палубу. Матросы были пасмурны, молчаливы, никто не спросил, как бывало, где же рыбка, на что Мишка обычно отвечал: «В реке!»

— Такое-то дело, ребята,— вздохнул один из матросов, скользнув по ним затуманенным взглядом.

— Что случилось? — спросил Димка, и старик ответил сурово:

— Война!

ВОЙНА

Бегом поднимаясь по лестнице в город, ребята думали, что увидят колонны красноармейцев, танки и пушки — совсем как в кино. Они представляли себе, как по главной улице грозно пройдет коница, но и главная и другие улицы города были пустыны.

Молчаливая толпа загрохотала улицу только возле военкомата. Ребятам показалось, что здесь собрались все жители города: тихо переговариваясь, стояли взрослые мужчины, и подростки, женщины и старухи, на руках сидели младенцы. Среди сугубо штатских выделялись своей выправкой кадровые военные.

Особняком с узелком в руке стояла Юлька, глядела кругом в недоумении.

— Здорово! — печально кивнула она ребятам. — Во чего делается-то... Народу-то куча какая... А меня выпустили... А Пашку никто не видал?

И, не дожидаясь ответа, она побрела куда-то, качая головой.

— Пойдем домой! — сказал Васька. — Торчим тут со своими удочками!

...И началась для Димки новая тревожная жизнь.

Каждый день на вокзале грохотала музыка — это эшелоны уходили на фронт. Каждый день ребята провожали знакомых и близких. Первым ушел Васькин отец, потом пришла очередь Максима Максимовича. Его отъезд был неожиданным и быстрым. Получив назначение, он в тот же день уехал. Даже с матерью не успел проститься: ее не было в городе, и на вокзал его проводили мальчишки. Каждому он крепко пожал руку, а Димку расцеловал и, глядя строго в глаза сыну, сказал:

— Такие, брат, дела... За мужчину остаешься. Помогай матери во всем! Пиши мне почаще. Ну-ну, выше голову! Этого не надо! Ты же взрослый парень...

— Взрослый, — согласился Димка, размазывая слезы кулаком.

Васька и Мишка сутулились поблизости.

Отец еще раз обнял сына и вскочил на подножку. Мимо Димки в голубом тумане пошли-побежали вагоны.

— Пойдем-ка, — тронул Васька товарища за руку, когда тихо и пусто стало на перроне.

— Пойдем... — ответил Димка и побрел, спотыкаясь, не слушая бормотаний Мишки:

— А мой батя у военкомата отирается. Не берут. Говорят, здоровье, годы... Всех берут, а у него — годы... Буза получается.

У калитки все трое остановились: Екатерина Николаевна стояла возле стены, лицо бледнее мела, взгляд отчаянный.

— Димушка! — прижала она к себе голову сына. — Одни мы с тобой остались... Господи! Совсем одни!..

Забыты игры и рыбалка. ребята целыми днями толкались возле военкомата, где собирался весь город. Тут были

развешаны газеты, на столбе висел громкоговоритель, передавал вести с фронтов. Были они неутешительны: враг наступал. Люди слушали, и лица их мрачнели.

Однажды Димка увидел в жидкой тени пыльной акации плачущую девочку лет четырех. Она просила пить, а женщина, не сводя взгляда с дверей военкомата, отвечала:

— Подожди, Леночка, потерпи...

— Ай-ай, зачем же ребеночку терпеть? — раздался голос Юльки, и она подошла к девочке с ведерком холодной воды и кружкой. Была Юлька в том же, выходном, платье, в котором собирала деньги «голодающим», в тех же босоножках.

— Вот спасибо, — с облегчением и благодарностью сказала женщина, беря кружку с водой.

Десятки рук протянулись к Юльке, которая, отпуская воду, весело приговаривала:

— Что спасибо, за спасибо шубу не сошьешь! Гони денежку! Ну-ка веселей!

— Да ты что, тетка! — укоризненно сказала какая-то старушка. — Как можно? За воду-то!

— А ты, бабка, не влезай! Не хочешь — не пей! А ну кому водички холодной! Кружка — гривенник! Дешевле дешевого! Налетай, народ!

— А ну уходи отсюда! — раздался знакомый голос, и ребята увидели Виолетту в гимнастерке, подпоясанной ремнем, в солдатских сапогах.

Юлька попробовала огрызнуться, но на нее зашумели, и она, подхватив ведро, с громоханием скрылась за углом.

Виолетта подошла к ребятам. Черные большие глаза ее были печальны.

— Ну, мальчики, ухожу я. Прощайте!

— Куда? — вылез Мишка, но Васька дернул его за руку: про такие вещи не спрашивают!

— Далеко, — улыбнулась и тут же снова стала строгой Виолетта. — А вы бы водичку принесли, вон какая жарко, люди пить хотят!

— Принесем! — пообещал Димка, во все глаза глядя на Виолетту и не узнавая ее.

Казалось, ничего не осталось от прежней веселой и живой девушки, которая тогда, во дворе, организовала вечер танцев. Похудевшая, очень серьезная стояла

перед ним Виолетта. И слова были другие: жесткие, краткие.

— До свидания! Носа не вешать! Война идет в наш дом, ребята. Враг жесток, битва страшна, надо бороться и побеждать.

Она вдруг наклонилась к Димке и крепко поцеловала его в сухие обветренные губы, потом пожала руки Ваське и Мишке и ушла, твердо ступая. Димка утерся рукавом. Мишка не смеялся. Сдвинул брови Васька.

— Пошли за ведрами! — приказал Димка. — Надо ребят собрать!

И через какой-то час на улице, у военкомата, появились мальчишки с ведрами, полными студеной воды. Люди жадно пили, хвалили находчивых ребят. Какой-то старик сказал взволнованно:

— Вот ругали мы молодежь: такая она да сякая... А она, молодежь-то наша, самая распрекрасная, она себя еще покажет!

— Володя, вот те самые ребята! — подошла к Димке женщина с девочкой.

Рядом с женщиной стоял высокий загорелый моряк.

— Лейтенант Евдокимов! — сказал моряк, протягивая Димке руку.

— Дмитрий! — солидно ответил Димка и, погодя малость, добавил: — Климов! А это мои товарищи.

Васька с Мишкой кивнули, с почтением взирая на моряка.

— Вот что, Дмитрий Климов, помоги-ка! — очень серьезно сказал моряк. — Необходимо нам отлучиться по срочному делу. Не присмотришь за девочкой?.. Леночка, ты останешься ненадолго с этим дядей? Мы с мамой скоро вернемся!

Леночка посмотрела на Димку и скривила рот.

— А у меня собачка есть! — быстро сказал он. — Хорошая!

— Ну и славно! — обрадовался лейтенант Евдокимов. — Собачка — это хорошо! Леночка, мы скоро! Не скучай!

Они поспешно отошли и скрылись в дверях военкомата, а Леночка доверчиво прижалась к парню, взяла его за руку.

Димка растерянно оглянулся. Мальчишки шныряли с

ведрами от колонки и обратно. Сперва эта работа казалась им веселой, а теперь они выдохлись, пропотели, но духа не потеряли.

— А вот водичка! Холодная! — слышались их звонкие крики.

Васька с Мишкой устали на девочку.

— И куда ее теперь? — недоуменно спросил Мишка.

— Туда! — кратко ответил Димка.

Шло время, жара не спадала...

— Есть хочу... — тихо заплакала Леночка. — И спать тоже... Собачку хочу!..

Мальчишки переглянулись.

— Пойдем! — решительно сказал Димка и, крепко сжав маленькую ладошку девочки, зашагал к дому. — А вы ждите лейтенанта!

Первым делом он накормил Леночку — та с удовольствием ела черный хлеб с картошкой и пила холодный чай. Потом она уснула, не снимая руки с теплой шеи Рекса, который, все поняв, стал ласковым и доверчивым псом.

— Не разбуди, — прошептал Димка и пошел в прихожую позвонить.

Он долго не мог дозвониться до больницы, потом мать долго не подходила к телефону, наконец он услышал далекий, очень усталый голос:

— Дима, это ты? Ну как ты там? Поел?.. Ладно, не скучай! Я скоро!

— Мама, погоди! — закричал Димка, прикрывая трубку ладонью. — У меня девочка! Она спит! И кормить мне ее больше нечем. Я не умею кашу варить!

— Какая девочка, что ты говоришь! — не сразу поняла Екатерина Николаевна, а когда Димка толково объяснил, что к чему, мать вздохнула: — Ладно, я, может, скоро приду!

Но она не пришла, и моряк с женой явились нескоро, озабоченные, усталые. Лицо женщины заплаканно.

— Она спит еще! — сказал обрадованный Димка. — Устала очень... Нельзя будить!

— Надо, — помрачнел моряк.

Он наклонился, взял дочку на руки, и она спокойно продолжала спать на его широком плече. Женщина заплакала.

— Ну-ну,— прошептал Евдокимов.— Все обойдется. Я вернусь, вот увидишь!

Он поцеловал девочку, передал ее матери. И вышел. Женщина кусала губы, не могла сказать ни слова, не могла стоять — села, ослабев, на стул посреди комнаты.

— Да вы у нас! — быстро говорил Димка.— У нас побудьте! Ничего! Он вернется! Обязательно! Потом...

— Потом...— пробормотала женщина, и слезы опять полились из ее опухших глаз.— Да ты знаешь, когда будет это потом?..

Так со спящей девочкой на руках и спустилась она во двор. Димка шел рядом. Его нагнал Лева с ведром.

— Лева! — испуганно кричала с балкона Эмилия Наумовна.— Зачем это? Тебе нельзя! Лева!

— Мама...— сконфуженно улыбнулся Лева женщине.— Все беспокоится... Вам не тяжело нести? Давайте я, а?

— Нет-нет, спасибо! — женщина еще теснее прижала дочку к груди и ускорила шаг.

Пыльно, жарко, тревожно было на улице.

...Военком на минуту оторвался от стола, подошел к окну: народ не убывает. «Хоть часок поспать бы», — мелькнуло в усталом мозгу. Но спать некогда. С началом войны привычный ритм работы нарушился, сотрудники военкомата ни днем, ни ночью не знали отдыха, спали здесь же, в кабинетах. Фронт требовал всё новые и новые пополнения.

Вошел с докладом пожилой капитан. Военком, жестом прервав его, спросил, кивая на улицу:

— Что это за мальчишки с ведрами?

— Хорошие ребята, товарищ полковник! Пионеры. Придумали воду носить. А сегодня до меня добрались: давай какую-нибудь работу, хоть повестки разносить. Чудаки...

— Ну а вы?

— Разве можно такое ответственное дело доверить мальчишкам!

— Эх, капитан, капитан! Позовите-ка мне их главного!

Через минуту вошел Димка и звонко поздоровался.

— Здравствуй, здравствуй, товарищ! — пожал ему руку военком. — Фамилия?

— Климов!

— Климов, Климов... Твоя мать — главный врач больницы?

— Да...

— Хороший врач, знаю... А это дело с водой кто придумал? Ты?

— Мы, товарищ полковник!

— Молодцы ребята! Но будем считать, что это только первое ваше боевое задание, а дел у нас с каждым днем все прибавляется.

— Товарищ полковник! — взволнованно начал Димка. — Мы тоже... Мы бы хотели помогать Красной Армии! Только что делать?

— Ну, для первого раза вот вам такой приказ, товарищ Климов. Завтра в восемь ноль-ноль прибыть сюда с надежными хлопцами!

— Слушаюсь! — сказал Димка и смутился: что-то не больно лихо получилось у него это «слушаюсь».

И ребята стали разносить повестки. Дело это оказалось хлопотное: город большой, нужно обегать за день многие улицы и переулки, в которых иной раз попадались и здоровенные собаки. Димка притаскивался домой поздно, наскоро ужинал, кормил Рекса и заваливался спать, чтобы чуть свет вновь проснуться от резкого звона будильника. Матери он почти не видел, только читал ее коротенькие записки и писал ответы. А когда однажды утром открыл он глаза и поглядел на Екатерину Николаевну, устало сидящую на стуле напротив него, то опешил: мать была в военной форме, с ремнем на поясе.

— Ма-ма! — протянул Димка. — Ты красноармеец?

— Военврач Климова, — едва улыбнулась Екатерина Николаевна. — Направлена в военный госпиталь.

— Госпиталь, — пробормотал Димка. — Госпиталь... Мама, значит, эта война надолго?

— Эта война, сын, похоже, только начинается, — ответила мать и стала одеваться.

Когда Димка спустился провожать ее, во дворе встретился им Кузьмич, Мишкин отец. Он оглядел Екатерину Николаевну и задумчиво проговорил:

— Значит, и женщины воевать пошли? Да... Прет он,

значит, супостат проклятый, прет... И нету на него удержу... Тут, видно, как в гражданскую, всем народом надо подниматься.

ЖЕНА

Сталинград еще не знал светомаскировки и воздушных налетов, но страшные отзвуки войны доходили и сюда. На станцию начали прибывать эшелоны с беженцами и ранеными. Беженцев переправляли за Волгу, раненых распределяли по госпиталям, для которых выделялись лучшие здания города. Школу, в которой учился Димка, тоже заняли под госпиталь. Димка видел, как на школьный двор въехала колонна грузовиков, крытых брезентом, с красными крестами на бортах и крыше. Из кабины одного из них выпрыгнула женщина в военной форме. Она поправила золотистые волосы, выбившиеся из-под пилотки, и Димка бросился к ней:

— Мама!

— Димка! — обрадовалась Екатерина Николаевна. — Хорошо, что ты пришел! А то я не знаю, когда выберусь домой!

Начальник снабжения, пожилой капитан интендантской службы, взглянув на Димку, сказал:

— Вот бы помог нам, а?

— А что делать?

Капитан подвел его к сараю, где были свалены кровати и табуретки.

— Надо все это расставить. Времени нету, понимаешь!

— Ладно! — сказал Димка. — Я соберу ребят!

Через несколько часов школьный двор заполнили мальчишки и девчонки.

— Хорошо! — удовлетворенно потер руки капитан и тут же дал задание: хорошенько промыть тумбочки горячей водой с мылом, потом расставить их по палатам.

— По классам! — поправил Мишка, и капитан печально посмотрел на него:

— Нет, парень, по палатам!

В военкомате работы поубавилось, и ребята большую часть времени проводили в госпитале. Трудно было при-

выкать им к боли, стонам и крикам искалеченных войной людей, к виду и запаху крови и йода. Мишка совсем похудел и побледнел; нелегко приходилось и Леве, который старался не отставать от товарищей. Один Васька был, как всегда, спокоен и силен и работал как вол. Ребята помогали раненым писать письма, добывали овощи, фрукты, мыли полы в палатах, а потом, когда пообвыкли, им стали доверять и уход за ранеными. В тяжких хлопотах проходило лето. Наступил сентябрь, а к занятиям еще не приступили.

— А может, и совсем учиться не будем? — вслух размышлял горластый Мишка, драя шваброй пол в палате. — Вó красота! А все может быть: война ведь! Какая там, к дьяволу, учеба!

— Ну и что, если война! — рассердился вдруг на него какой-то пожилой боец. — Раз война, так и вся жизнь на-смарку? Нет, парень! Давай назло Гитлеру так учись, чтоб ему тошно было, проклятому!

Наконец под школу отвели старое двухэтажное здание на высоком волжском берегу. Директором назначили учительницу Софью Александровну, бывшего Димкиного классного руководителя.

— Здравствуйте, друзья мои! — сказала она в первый день занятий, глядя из-под очков на своих повзрослевших, вытянувшихся учеников. — Поздравляю вас с первым днем учебы, которую мы начинаем в такое суровое время...

Она долго еще говорила: о войне, о трудностях, о том, что учиться в такое время надо только хорошо и отлично. Кроме этого, ребятам предстоит немало работы для фронта, для победы.

— Вам надо забыть, что вы просто мальчишки и девчонки, — сказала в заключение Софья Александровна. — Вы — дети своей великой Родины, которую топчут кованые сапоги врага. И ваша обязанность во всем помогать своей стране, чтобы скорее пришла победа.

«Чтобы скорее пришла победа», — вспоминал Димка ее слова, шагая после уроков домой.

По привычке он сунул руку в ящик, вытащил газеты и письмо. Письмо было странное, в конверте: обычно отец присылал маленькие треугольники. Адрес написан незнакомой рукой. Димка вскрыл письмо, торопливо пробежал его глазами и медленно опустился на ступеньки

лестницы. Рекс выбежал, ткнулся носом в ледяные его ладони.

— Пропал без вести...— мертвыми губами прошептал Димка.

Он вскочил, запер Рекса и кинулся к госпиталю...

Вот знакомый школьный двор, машины возле ворот: привезли новую партию раненых. Екатерина Николаевна сердито выговаривает за что-то шоферу...

— Мама,— беззвучно произнес Димка и спрятался за дерево.

Что он делает?! Разве можно говорить матери про письмо! Она так ждет весточки от папы, так ждет. Нет... Этот удар свалит ее... Надо переждать... Все может быть... Может быть...

Димка стал отходить в глубину двора...

Потом он долго сидел на высоком берегу Волги, туманно глядел на заречные леса и думал, думал, думал. Он вспоминал, как ходили они с отцом на рыбалку, как «отвоевывали» у матери кабинет. Зачем теперь кабинет? Зачем? Если папы нет...

— Нет? — вслух повторил Димка, и мысль эта показалась ему страшной, дикой. Он упал на песок и заплакал.

На другой день Димка пришел в школу с большим опозданием. Софья Александровна вела урок. Едва мальчишка открыл дверь, все повернулись и внимательно посмотрели на него. Народ в классе догадливый: если человек так опаздывает да входит с таким видом, значит, что-то произошло у него. А случиться в эти дни могло одно: пришла страшная бумага с фронта, погиб отец или брат, или кто-то еще из самых близких.

— Ничего,— выдавил улыбку Димка.— Рекс убежал... Пока ловил...

— Проходи, садись,— сказала Софья Александровна.— Надеюсь, это случилось в первый и последний раз.

Димка кивнул и уселся рядом с Васькой.

— Что стряслось-то? — не унимался Мишка, тыкая в спину кулаком.

— Да отвяжись ты! — негромко, но внушительно про-рокотал Васька, и Мишка замолк.

Димка сидел нахохлившись, не слышал, о чем говорила Софья Александровна, не заметил, как часто она на него поглядывала.

— Глубже изучая немецкий язык,— вдруг донеслось до Димкиного слуха,— мы будем знакомиться с великими немецкими писателями, поэтами, композиторами. Я принесу вам пластинки, и мы послушаем музыку Баха и Бетховена, будем читать стихи Гете и Шиллера...

— Может, заодно и Геббельса послушаем? — хмыкнул Мишка, и класс, поддерживая его, загудел, а Софья Александровна спокойно стала растолковывать разницу между фашистами и великими сынами немецкого народа, народа талантливого и умного, давшего миру немало замечательных людей.

— Понял? — спросила Софья Александровна, и Мишка, упрямо глядя в стенку, буркнул:

— Понял!

Наступил декабрь. Ветер гнал поземку, швырял в дикой злобе пригоршни колючего снега в лица прохожих, которые застывали у репродукторов. Слушая взволнованный голос диктора, люди улыбались, светлели. То, чего так ждали, наконец-то свершилось: провалилось наступление фашистов на Москву. Красная Армия гнала врага от родной столицы.

В школе по этому случаю был митинг, и Димка бежал домой в приподнятом настроении. Нашупывая в кармане измятый конверт, он почему-то был твердо уверен, что отец жив: мало ли людей пропадало без вести, пробираясь по вражеским тылам, выходя из окружения!

«А может, попал к партизанам и лупит фашистов!» — размышлял Димка, поднимаясь по лестнице. По привычке сунулся в почтовый ящик, и руки его задрожали: знакомый солдатский треугольник лежал на ладони.

Димка ворвался в квартиру и, отпихивая соскучившегося Рекса, развернул письмо, которое начиналось такими словами: «Здравствуй, дорогой друг Дима! Пишет тебе Катя Сорокина, которую ты совсем не знаешь. Твои валенки пришлись мне как раз по ноге...»

Димка вздохнул, припоминая, как накануне Октябрьской они с матерью отсылали на фронт подарки бойцам. Кроме конфет и пачки махорки, Димка вложил в посылку вареники и теплый шарф. А Екатерина Николаевна посоветовала послать еще и валенки. Мальчишка пожал плеча-

ми: вряд ли взрослому бойцу придется впору детская обувь, но спорить с матерью не стал, и валенки поехали на фронт... Вместе с Димкиным письмом.

Он стал читать дальше. Красноармеец Катя Сорокина писала, что она измучилась с обувью: все никак не могла подобрать валенки поменьше, а тут как раз посылка. Катя сообщала, что в Димкиных валенках она уже в одну из своих снайперских засад срезала двух фашистов и записала их на Димкин счет.

— Спасибо тебе, Катя! — от души сказал мальчишка, представив, как на снегу в засаде лежит эта геройская девушка, чем-то похожая на Виолетту, и ждет врага.

Димка решил показать письмо матери и побежал в госпиталь. Здесь царило необыкновенное оживление. Раненые поздравляли друг друга, глаза их светились радостью.

— Ну! Как жизнь молодая? — приветствовали они Димку. — Лупим, говоришь, гада?

— Лупим! — улыбнулся Димка и тут же громко прочитал письмо Кати Сорокиной.

— Ого! Вот это Катя! — смеялись бойцы и наперебой жали Димке руку, словно это он срезал двух фашистов.

Когда оживление немного улеглось, Димка заметил у стены койку с новеньким. Из-за бинта на голове мальчишка не сразу узнал лейтенанта Евдокимова, а узнав, радостно бросился к нему, будто к старому другу:

— Здравствуйте! Ну как вы?!

И смутился: совсем неуместной была его детская радость при виде искалеченного, страдающего человека.

— А-а, это ты, юнга, — посмотрел из-под бинтов Евдокимов. — Здравствуй... Видишь, как встретились...

Димка хотел было спросить про жену и дочку, но вовремя прикусил язык, а лейтенант, словно поняв его, сказал:

— Пропали мои... Не знаю, где они и что с ними...

— Найдутся! — горячо, словно убеждая сам себя, сказал Димка. — Обязательно!

— Конечно, найдутся, — пробормотал лейтенант и за что-то поблагодарил: — Спасибо...

Улучив минутку, Димка разыскал мать и справился о лейтенанте.

— А-а, — суховатым докторским тоном сказала Екате-

рина Николаевна, — Евдокимов? Ранение головы и плеча. Плечо меня не беспокоит, а вот голова... Рана глубокая, боюсь кровоизлияния.

— Ты уж постарайся, — сурово попросил Димка.

— Я уж стараюсь, — улыбнулась она и внимательно посмотрела на сына: худой и большеглазый стоял перед ней Димка, совсем не похожий на того, «довоенного» бесшабашного мальчишку.

— Ты обедал сегодня? — спросила Екатерина Николаевна, и Димка недоуменно взглянул: о каких мелочах говорит мать!

Екатерина Николаевна привела сына в свой кабинет, усадила, налила крепкого сладкого чаю, дала черный хлеб с маслом, и, пока Димка пил, обжигаясь, она все смотрела и смотрела на него, а потом губы ее задрожали, и мать поспешно отвернулась.

— Ты что? — вскочил Димка. Обняв мать за плечи, повернул к себе. Увидел близко мокрые от слез глаза, седую прядку. — Ой, волосы!..

— Ничего, — взяла себя в руки Екатерина Николаевна. — Ничего!

Она даже не спросила, не было ли письма от отца: не смог бы ее бесхитростный сын скрыть радостную весть. Екатерина Николаевна сунула в рот папиросу, щелкнула зажигалкой, и Димка с изумлением уставился на нее, мать никогда не курила!

— Чтоб не уснуть, — тихо сказала она в ответ на его недоуменный взгляд. — Говорят, помогает... Ну, пошли новеньких принимать! Вон и твои друзья идут. Вперед, Димка!

В палату к лейтенанту Евдокимову положили двух танкистов: Шуру Соградова, молоденького, неунывающего, голубоглазого, и пожилого, Филиппа Степановича Мартынюка. Филиппу Степановичу ампутировали ногу, и он лежал теперь, молчаливый, безучастный ко всему, уставив в потолок заострившийся нос.

Проходили дни, а Мартынюк не притрагивался к пище. Напрасно Шура Соградов пытался разговорить его — тот молчал. Когда же Екатерина Николаевна, присев на край койки, строго спросила, хочет ли вообще Филипп Степанович жить на белом свете, тот слегка пошевелился и сказал бесцветным голосом:

— Жить-то что... Смотря как жить... Куда я с одной-то ногой? На трактор не сядешь... Как я, доктор, землю пахать стану, а?

Шура Соградов, немного оправившись, подолгу шептался о чем-то с лейтенантом Евдокимовым. Однажды они подозвали к себе Димку и стали шептаться втроем.

— Верно,— выслушав сына, сказала Екатерина Николаевна.— Музыка тоже лечит! Надо бы организовать концерт для раненых.

— Патефон принесу! — быстро перечислял Димка.— Пластинки! «Барыню» там, «Яблочко», Русланову!

— И Лева пускай придет со скрипкой,— посоветовала мать.

— Пускай,— нахмурился Дима, а сам подумал: будут ли раненные, обожженные, искалеченные люди так же слушать Левину скрипку, как слушал ее когда-то он сам?

Приподнявшись на локте, Шура Соградов с нетерпением дожидался Димку, а выслушав его сообщение, оживился, зашипел:

— Молодец доктор! Все понимает! Патефон, скрипка, Русланова — это здорово! Может, отойдет, а?

Он кивнул на друга, и Димка увидел все ту же картину: Филипп Степанович лежит мертво, неподвижно, глаза в потолок.

«Не поможет Русланова»,— вздохнул мальчишка.

Лейтенант Евдокимов подозвал к себе Димку и задумчиво сказал:

— Как говорят французы: ищите женщину.

— Какую еще женщину? — не понял Димка.

— Самую обыкновенную! — прищурился лейтенант.— Его жену! Ясно? Живет она у родных на хуторе, за Волгой, ничего о муже не знает. Нужно ее тихо сюда доставить. Ясно?

Мишка на предложение Димки ответил сердито и сразу:

— Была нужда тащиться за какой-то теткой за тыщу верст! Да по такой дороге!

— Когда пойдем? — деловито спросил Васька, и Мишка завопил:

— Да разве пехом дойдешь?!

— Ладно, оставим тебя с Левой готовить концерт для

раненых, а мы пойдем за женой,— сказал Васька.— Только не сболтни раньше времени!

— Что я, болтун, что ли! — обиделся Мишка.

Вышли они затемно на следующее утро, в воскресенье. Когда дошагали до Волги, кто-то, скрипя снегом, стал нагонять их.

— Мишка? — удивился Димка.

— Мишка,— совсем не удивился Васька.— Куда он, трепач, без нас денется!

Димка рассердился не на шутку:

— А концерт?! Ему же такое дело доверили!

— Ничего,— шмыгнул носом Мишка,— я это дело Левке доверил! И еще сказал: не справится — башку отвинчу! Во!.. Хлебушка нету?

Васька сунул ему кусок, Мишка зачавкал и на малое время затих.

К обеду добрались до хутора. Был он невелик, домов семь, весь занесен снегом, только к калитке ближнего дома вела расчищенная дорожка, да такие же дорожки бежали к сараям.

Едва ребята двинулись к ближней избе, как разом забрежали собаки. И вот они, выдыхая морозные клубы, обступили мальчишек, присели, разоряются на все голоса.

— У, фашисты! — прятался за Ваську Мишка, а Димка, приложив ладони ко рту, закричал:

— Э-е-ей, люди-и-и!

Заскрипела дверь, на крыльце показалась женщина. Она отогнала собак, молча кивнула путешественникам, и, повинувшись этому кивку, ребята прошли в дом. Живо осмотревшись и осмелев возле теплой печки, Мишка бойко начал:

— А мы, мамаша...

Васька наступил ему на ногу, и Мишка замолчал.

Женщина, скинув шубейку, превратилась в девчонку лет пятнадцати, довольно миловидную, но странно молчаливую: видно, хуторская жизнь наложила на нее свой отпечаток.

— А может, она глухонемая? — громко прошептал Мишка, и девчонка насмешливо оглянулась на него.

Она поставила перед ребятами три кружки молока, положила три ломтя хлеба и сказала первое слово:

— Ешьте! — А подумав, сказала и второе слово: — Раздевайтесь!

Путешественники выпили молока, утерлись и весело посмотрели на девушку.

— Говорите! — приказала она; послушала Мишку только до половины и снова накинула шубейку.

— Ушла,— поглядел в окошко Мишка.— Дикая какая-то девка! Куда ушла, зачем? Я и сказать ничего не успел!

— Куда надо, туда и ушла,— буркнул Васька: ему девчонка как раз понравилась — очень мало говорит и все по делу, не то что этот пустомеля!

Заскрипел снег, вошла женщина, очень похожая на давешнюю девчонку. За ней прошмыгнула молодая хозяйка дома. Обе разделись, чинно уселись и стали смотреть на ребят.

— Ты рассказывай! — ткнула женщина в Димку, и Мишка обидчиво засопел: ну что путного может тот рассказать, как подготовит жену к несчастью!

— Нам нужна эта... как ее... Мартынюк! — не вытерпел Мишка, и обе хозяйки переглянулись.

— Ну! — нахмурилась старшая.— Я и есть Анастасия Семеновна Мартынюк. А это Нюрка!

— Мы, собственно, из госпиталя,— начал Димка, покашливая, и женщина на глазах стала бледнеть, судорожно теревить скатерку на столе. Димка в испуге замолчал.

— Живой? — глухо спросила Анастасия Семеновна, овладев собой.

— Живой, живой! — в один голос быстро проговорили Васька и Димка.

— Только без ноги! — брякнул Мишка, и наступило долгое зловещее молчание: не ко времени влез парень, ох не ко времени!

— Ну а как он там, папка? А? Да говорите вы, господа! — раздался слезный голосок девушки.

Запинаясь и путаясь, перебивая друг друга, ребята повели долгий и грустный свой рассказ. И не успели они еще закончить, как мать с дочерью засуетились, стали собираться. Пока жена Мартынюка набивала сумку, дочка запрягла лошадь, и скоро зашуршал снежок под полозьями саней. Ребята завалились в сено. Дочка причмокнула, лошадка напряглась — поехали!

Народ в саях молчал, Анастасия Семеновна все вздыхала и поправляла на груди цветастую шаль, а Мишке такое молчание неважноту: черз версту начал ерзать, черз другую засопел, черз третью повернулся к девушке:
— Слушай, дай мне, а?

Нюра передала ему вожжы. Мишка переполз на место кучера, схватил вожжы рукавцами и молодцевато заорал:
— Н-но, кляча милая!

Когда подъехали к госпиталю, уже смеркалось. Вошли в коридор — сверху слышится музыка: концерт, видно, был в разгаре.

...Раненные лежали, сидели, стояли, слушая не патефон, не пластинки, а Левину скрипку.

Лева увидел в дверях ребят, и большие глаза его стали совсем огромными. Он слегка кивнул головой, показывая на Шуру Соградова, который, весь напрягшись, нетерпеливо глядел на Димку.

— Ну? — прошептал он. — Где она?

— Вот они, — тоже шепотом ответил Димка.

Васька в дверях посторонился слегка, и в палату вошли мать и дочь, очень друг на друга похожие. Лева как раз кончил играть. Кто мог, тот захопал, а кто не мог, просто улыбался. И под этот шум женщины прошли в угол палаты, к Мартынюку: тот растерянно хлопал глазами, приподнимался...

Когда черз полчаса концерт закончился и раненные разбрелись, Димка заглянул в «свою» палату. Там, у постели мужа, сидела жена Мартынюка, что-то тихо говорила ему, а он гладил ее большую сильную руку и улыбался. А дочка, подперев кулачком щеку, примостилась напротив, смотрела во все глаза.

— Вот, супруга моя, — сказал Филипп Степанович, — приехала. — И Димка вежливо поклонился ей:

— Здравствуйте!

ТАНКИ И ПОДКОВЫ

Повеселел, начал есть и спать Филипп Степанович. И Шура Соградов, слушая сводки Информбюро, торопил врачей:

— Скорей лечите, пожалуйста! Там же товарищи мои, ждут!

Шура, человек общительный, со всеми уже перезнакомился, был с врачами на дружеской ноге и через месяц-другой собирался отправиться на фронт, к «своим ребятам».

— А что, если подарить Шуре танк? — как-то спросил Димка Ваську.

Тот подумал и сказал: что «это дело треба разжуваты». И на школьном митинге было решено собрать металлолом для «тридцатьчетверки» Шуры Соградова. Отрядили делегацию к директору тракторного завода. Тот выслушал ребят мрачно и сказал, что план выпуска танков и так увеличен почти вдвое, что он рад бы помочь, но...

Димка повел делегацию к военкому. Тот обрадовался старому знакомому, подвел его к столу, у которого сидел какой-то полковник, представил:

— Это тот самый Климов, о котором мы толковали!

— Очень приятно! — Полковник из-под седых бровей внимательно посмотрел на Димку, улыбнулся и еще раз повторил: — Очень приятно!

— Ну садитесь, рассказывайте! — Военком усадил ребят, и Димка поведал о танке.

— Металлолом — это отлично, — сказал военком. — Сколько собрано?

Васька неторопливо достал блокнот, стал называть цифры.

Военком и незнакомый полковник переглянулись.

— Да-а, — сказал военком. — Для танка пока что маловато, а вот для подков в самый раз!

— Каких подков? — высочил Мишка, и незнакомый военный, поднявшись из-за стола, объяснил мальчишкам, что сейчас, зимой, как никогда, возросло значение конницы.

— Наши кавалеристы как снег на голову обрушиваются на врага, преследуют его, громят. Но с подковами туговато. Заводы выпускают танки, самолеты, снаряды, а производство подков приходится налаживать заново. Не хватает металла — вот тут и нужна ваша помощь. Чем больше будет металла, тем больше подков получит Красная Армия и тем быстрее разгромит она врага.

— Ясно задание? — спросил военком, давая понять, что разговор окончен.

— А танк? — нахмурился Мишка.

— А вы и на танк собирайте! И танк построим! Это я вам обещаю. Давайте больше металла, ребята! В этом и будет заключаться ваша огромная помощь фронту!

И опять митинг в переполненном школьном зале. Ребята шумели, узнав про подковы, и Димка с большим трудом утихомиривал их. Васька, разводя руками, басил:

— Дак что ж нам рассуждать, ежели это приказ! Нам же маршал так прямо и сказал: подковы — это сейчас все! Ясно?

«Какой маршал?» — смотрел, недоумевая, Димка, но встречать не стал: маршал так маршал, лишь бы дело сдвинулось!

Решение о сборе металла для подков было принято единогласно. И почти месяц мальчишки рыскали по самым глухим пустырям, по дворам и квартирам, тащили и ненужное, и нужное, пока наконец маленький механический заводик не справился со срочным фронтовым заказом.

Мишка, держа на ладони блестящую подкову, покачивал головой: не больно верилось, что такая штуковина очень поможет бойцам — это тебе не танк, не пушка.

— Ладно,— сказал он решительно.— А теперь и за танк примемся!

Димка неделю не был в госпитале, а когда прибежал туда, новости оказались неутешительными: лейтенант Евдокимов, которому недавно была сделана операция, раздобыл где-то обмундирование и пытался сбежать на фронт. Под утро его доставили в госпиталь в тяжелом состоянии. Евдокимов метался, командовал, никого не узнавал. Медсестра не отходила от него; рядом лежал Шура Соградов, качал головой, вздыхал. Тяжело стуча костылем, пыхтя, ходил по коридору взмокший Филипп Степанович, ежеминутно заглядывал в дверь, шепотом спрашивал:

— Ну?

И Шура молча разводил руками.

Мрачный и убитый сидел Димка.

Накануне Евдокимов узнал, что эшелон, в котором должны были уезжать в тыл его жена и дочка, разбомбили. Среди мертвых и живых их не оказалось...

Димка присел рядом с Шурой и стал смотреть на синее лицо Евдокимова, не зная, чем помочь человеку. Мальчишка не заметил, как задремал; когда открыл глаза, был уже вечер. Он лежал на койке рядом с кроватью Евдокимова. Горела синяя лампочка на тумбочке, а лейтенант, повернув голову, смотрел на него провалившимися глазами.

— Как, что? — вскочил Димка, намереваясь бежать и звать народ на помощь.

Евдокимов приложил палец к белым губам:

— Тихо, юнга! Все в норме, мы еще повоюем...

А мать твердо сказала:

— Будет жить! Это железный характер!

И прогнала сына домой.

Во дворе Димку встретила суматоха. Эмилия Наумовна бежала куда-то, путаясь в долгополом халате, который вылезал из-под пальто. Васька вылетел из парадной, наткнулся на Димку и, ничего не сказав, только махнул рукой, поспевая следом за Левиной матерью.

— Что тут? — похолодев от дурного предчувствия, спросил Димка Мишку, который один, казалось, хранил какое-то тупое спокойствие.

— Ничего, — шевельнулся товарищ. — Папку разорвало... А мамка там... помирает...

Он немного ожил и побрел в дом. Димка поспешил за ним следом.

В комнате лежала Мишкина мать — запрокинутое лицо белей подушки. Возле нее суетился растерянный носатый Лева. Пахло лекарствами.

Появились Васька и Эмилия Наумовна, стали совать под нос женщине пузырек. Веки ее слабо дрогнули, она открыла туманные глаза.

— Вот и хорошо! — быстро забормотала, бестолково суется, Эмилия Наумовна. — Вот и хорошо! Все пройдет! Все уладится...

Потом Васька рассказал Димке, как погиб Мишкин отец. Он вел состав с боеприпасами. Неожиданно появились «юнкеры» — зашли из-под солнца, ударили из пулеметов, сыпанули бомбами. Загорелись два вагона в голове состава. Кузьмич приказал помощнику отцепить их и, прогнав парнишку, один повел паровоз и горящие вагоны подальше от эшелона... Взрыв слышали далеко. От вагонов

остались щепки, от паровоза — искореженный почернелый остов.

— Миша, Миша, как же нам теперь, а? — слышались за стеной жалобные вопли Мишкиной матери. — И похоронить-то нечего! Мишенька-а-а!

Мишка, слушая эти крики, вздрагивал всем своим тощим телом и таращил телячьи глаза.

Димка горбился, засунув руки в карманы, шуршал тем проклятым письмом, от которого тошно было на сердце... Он хотел что-то сказать другу, но так и не сказал ничего, только молча погладил Мишку по худой спине.

К весне лейтенант Евдокимов, едва оправившись, ушел на свой бронекатер.

— Прощай, юнга! — сказал он Димке. — Может, увидимся!

— Может... — пробормотал мальчишка, глядя, как шагал лейтенант, сутуля плечи.

А веселый Шура Соградов так и не дождался своего танка — он умер в начале весны, когда первые ручьи побежали в Волгу.

— Ничего, — тихо сказал Димке военком, когда понурый мальчишка поведал ему об этом. — Ничего... Ваш танк отомстит за смерть Шуры. Кстати, можете посмотреть свой танк!

Всей школой пришли ребята на завод. Мишка уже красочно расписал им, какой он, этот танк, собранный из пионерского металла, — мощный и зеленый, с широкими гусеницами, с длинной пушкой, а на башне крупно выведено: «Пионер».

— Обязательно внутрь залезу! — громогласно рассуждал Мишка. — Сам все проверю! Чтобы в бою не подвел!

Но танка «Пионер» на широком заводском дворе не было. Не стояли там и другие танки, собранные вместе с ним, — остались только широкие следы их гусениц да глубокие колеи в грязи за воротами.

Ребята еще не знали, что немцы прорвались под Харьковом, и все танки ночью погрузили на платформы и отправили на фронт.

— А как же? — удрученно бормотал Мишка, огляды-

ваясь на товарищей.— Как же наш «Пионер»? Как же проводы? Оркестр?

— Какие там проводы, парень,— покачал головой незнакомый старый рабочий.— Враг у ворот.

ВРАГ У ВОРОТ

Всю ночь ребята грузили баржу. Они пришли в порт по призыву городского комитета комсомола, чтобы помочь речникам. Мальчишки с трудом поднимались по шатким сходням, таская мешки с зерном. Ноги у Димки подкашивались от усталости, трещала спина от непосильного груза, но он держался изо всех сил, с завистью поглядывая на крепыша Ваську: тому, казалось, и усталость нипочем! Только капельки пота блестели на широком лбу да резче обозначились скулы. Тощий Мишка шатался под тяжестью мешков, тонкие длинные ноги его подгибались, но он тоже не хотел отставать от товарищей и отмахивался, когда Димка предлагал ему отдохнуть.

Ребята спешили потому, что с минуты на минуту могли прилететь фашисты. Димка знал, что гитлеровцы форсировали Дон и перерезали железную дорогу, которая связывала Сталинград с Москвой, с центральными областями страны. И родная его Волга превратилась в ту главную, единственную магистраль, по которой можно было еще перевозить продовольствие и боеприпасы. Авиация врага стремилась парализовать движение по реке и бомбила портовые города и караваны судов на всем протяжении от Астрахани до Саратова. Особенно доставалось Сталинградскому порту.

...Сигнал воздушной тревоги прозвучал сразу после полуночи. Заплясали лучи прожекторов, оглушительно ударили зенитки, загревели пулеметы. Со свистом ринулись к земле бомбы, леденя сердце и заставляя вжиматься в берег. Димка, лежа в щели у самой воды, втискивал голову в песок и совсем не видел, как вставали над Волгой грохочущие пенные столбы и с гулом опадали. Кричал что-то шкипер с баржи, где-то в городе занимались пожары. А мальчишке казалось, что все бомбы летят прямо на него.

Когда самолеты улетели, бледные оглушенные ребята

опять собрались у баржи. Длинное Мишкино лицо заострилось и посерело. Димка чувствовал, что и он выглядит не лучше, только невозмутимый Васька смотрел, сощурился, на черную воду да ерошил свои лохмы, часто сплевывая.

— Ух,— поежился Мишка,— рядом со мной ка-ак бомба врежет!

— «Врежет»! — нервно засмеялся Димка, радуясь тому, что налет кончился и он уцелел.— Да от тебя бы мокрое место осталось!

Васька по обыкновению помалкивал.

— Ну и всё, давай грузить,— остановил он Мишкину болтовню.

Погрузку закончили только к обеду следующего дня и долго без сил валялись на пыльной траве, на почерневшем песке. Говорить не хотелось, вяло текли мысли.

Первым поднялся Васька. Сказал кратко:

— Пошли!

Димка с Мишкой молчком двинулись следом. Путь их лежал мимо госпиталя. Через весь двор — от ворот и до крыльца — вытянулась вереница санитарных машин и армейских повозок.

— Новых раненых привезли,— сказал Димка и тут же понял, что случилось необычное: раненых выносили из госпиталя и поспешно грузили на машины и повозки.

— Чего рты разинули! — прикрикнула на ребят Екатерина Николаевна.— Девчонки надрываются! — И она кивнула на молоденьких санитарок, с трудом тащивших тяжелые носилки.— Живей! — приказала сурово.— Пароход ждать не будет!

Димка поймал умоляющий Мишкин взор и понял, о чем безмолвно просил вконец уставший товарищ.

— Ничего,— хриловато сказал он ему.— А ты по-маленьку. Давай-ка со мной вместе!

И Мишка благодарно посмотрел на него.

Ребята подхватили носилки, ручки которых были мокры от пота...

Когда отправили последнюю машину, Димка едва притащился домой. Он уже привык к одиночеству. После того как город объявили на военном положении, Екатерина Николаевна возвращалась из госпиталя поздно, а последние дни и вовсе не приходила ночевать.

Сейчас Димку встретил соскучившийся Рекс — повизгивал, гремел пустой чашкой.

— Пить хочешь? — разлепил мальчишка сухие губы.

Он налил Рексу воды, напился сам и без сил упал на диван. Сон мгновенно сморил его. Димка не слышал ни шагов матери, ни радостного визга пса, не почувствовал, как Рекс тормозит его.

— Зачем будишь? — шепотом сказала Екатерина Николаевна. — Вот возьму веник!

Рекс отскочил от дивана. Веникобоязнь он страдал с детства.

На улице слышались гудки автомобиля, мычание коров, ругань. Мать подошла к окну. Грузовик пытался пробиться через стадо, запрудившее улицу. Коровы, испуганные гудками машины, с ревом шарахались в стороны, натыкались друг на друга. Мальчишки-пастухи, хлопая кнутами, тщетно старались навести в стаде порядок. Старик в шапке на чем свет стоит ругал шофера. Дико, нелепо выглядело это стадо на городской улице. «Бедные, — подумала Екатерина Николаевна, разглядывая запыленных, охромевших коров. — Бедные, и вам достается...» Несколько минут горестно стояла она у окна, размышляя о том, откуда бредут эти бедные буренки и куда еще им брести, по каким дорогам, без воды и пищи, под бомбами и пулями фашистов.

Темнело. Екатерина Николаевна закрыла окно, и комната погрузилась во мрак. Это был не тот, обычный «довольный» полумрак, когда с улицы в комнату проникал свет фонарей и блеск луны, — теперь затемненные шторами окна не пропускали ни искорки света.

Мать ощупью пробралась к печке, где стояла «аварийка» системы Мишки-изобретателя. На блюде крепилась свечка, а вместо абажура — стеклянная банка со срезанным дном. Абажур закрашивали синькой, и «аварийка» давала слабый свет, невидимый с улицы.

Екатерина Николаевна подошла к сыну и долго с грустью всматривалась в его похудевшее лицо. Она поразилась, как повзрослел Димка за эти нелегкие недели. Щеки его впали, меж бровями залегла морщинка.

— Мужичок ты мой... — пробормотала мать и ненадолго присела к столу, подперев щеку рукой.

Муж в последнем письме настойчиво советовал им

уехать из города. Куда уехать? Она — военный врач, имеет и воинское звание, и высокий свой долг. Без приказа не может ни шагу. А вот Димку надо бы переправить за Волгу, пока не поздно. Только с кем?

Одичавшей собакой взывала сирена. И ее леденящий душу вой слился с хором паровозных гудков. Мать вздрогнула: никак не привыкнуть к сиренам! Рекс кинулся к Димке: будить хозяина по сигналу воздушной тревоги было его первой обязанностью. Димка отбивался, мычал невнятное. Только что приснились ему пироги с капустой: в рот-то он их взял, да откусить не успел. И мальчишка ошалело хлопал спросонья глазами.

— Скорей, Дима! — торопила мать, а он, глотая слюнки, пробормотал:

— Пирожка бы...

— Какого тебе пирожка! — рассердилась она. — Немцы над городом!

Димка встал, шатаясь. Сунул в карман пару огурцов, горбушку хлеба.

— В убежище! Немедленно! — прикрикнула Екатерина Николаевна и поспешила к двери: ей нужно быть в госпитале.

— Ладно! Бегу! — успокоил ее сын и, малость подождав, выпустил Рекса во двор, а сам полез на крышу.

Здесь было прохладно. В звездной россыпи тихо плыла луна. Лучи прожекторов на шаривали врага, где-то уже резко бухали зенитки.

Димка примостился у трубы, разложил на коленях нехитрую снедь.

Загрохотали шаги по железу: это бежали ребята. По сигналу воздушной тревоги они всегда собирались здесь. Мишка вслух мечтал о том, как будут они следить за воздушными боями, засекают места приземления фашистов, выпрыгнувших из подбитых самолетов, места падения зажигалок. А может, посчастливится заметить и диверсантов-ракетчиков...

Но воздушные бои шли в основном на подступах к городу, а самолеты врага, прорываясь сквозь плотный заградительный огонь зениток, бомбили заводские районы и порт. По ночам там металась лучи прожекторов и остервенело били зенитки.

— Хотя бы дожди пошли,— проворчал Васька, и Димка понял его: сухим и жарким выдалось нынешнее лето, ночи стояли лунные, очень удобные для вражеской авиации.

Ребята разделались со скудным Димкиным ужином и стали молча смотреть на ночной город — черный и мрачный, без единого мирного огонька. И в этой черноте еще ярче разгорались огни пожаров где-то на окраине. Отсвет этих пожаров блестел в реке. Ночь рвали зенитки и прожектора.

Внизу залаял Рекс.

— Чего он? — спросил Мишка.— Айда поглядим?

Ошупью спустились ребята с крыши. Рекс, почуяв хозяина, залаял тревожно и призывно, припадая на передние лапы. Димка сунул руку в чахлую траву и нащупал осколок зенитного снаряда с рваными краями. Мальчишка поднял осколок: он был тяжел и груб и еще обжигал пальцы.

— Такой долбанет — сразу конец,— поежился Мишка, а Васька, вздохнув, заметил:

— Раньше сюда не долетали... Значит, подходят...

Красноватые близкие разрывы вспыхнули, казалось, над самой головой. Зенитки рывкнули где-то совсем близко. Застучали по крыше осколки. Димка прыгнул к стене дома. У ног его повизгивал Рекс.

— А ну домой! — крикнул ему хозяин, и пес юркнул в темноту.

Сквозь грохот орудий отчетливо пробивался тяжелый гул моторов.

— Из-за Волги прорвались,— определил Васька, задрав голову.

И в ту же минуту над крышами взлетели две зеленые ракеты. Они прочертили огненные дуги и погасли, указав дорогу к корпусам механического завода.

— Ракетчики! — возбужденно крикнул Мишка.— Вот гады!

Заводик был небольшой, он находился далеко от Димкиного дома, но когда на его цехи посыпались бомбы, земля, казалось, заходила под ногами и стены закачались. Сразу вспыхнули близкие пожары, осветив завод, и новая волна бомбардировщиков накинута на свою жертву.

— Бежим! — закричал Мишка, когда самолеты улетели и зарево встало в полнеба.

Куда и зачем надо бежать, ребята не спрашивали, они помчались за Мишкой, карабкаясь через кучи битого кирпича и перепрыгивая поваленные столбы.

Заводик горел. По пламени метались люди, и черные их тени были видны издалека. Едва мальчишки подбежали к проходным, как раздался оглушительный грохот — и Димку швырнуло в придорожную канаву. Это рванула бомба замедленного действия. Страшная сила вырывала с корнем деревья, валила столбы, сметала стены. Оглушенный, задыхающийся от дыма и пыли, Димка выбрался из канавы.

— Димка-а-а! — метался очумелый Мишкин крик, его перебивал Васькин хриловатый басок:

— Чего орешь, вот он, живой ведь...

— Живой... — сплевывая, ошарашенно бормотал Димка. — Живой...

В ушах у него позванивало, в горле стояла тошнота.

Напротив завода горел рабочий поселок.

В глубине дворов, за деревьями, кричали люди, с треском бушевал огонь. Маленькие деревянные домики, палисадники, кусточки — все было сметено и исковеркано.

— Помогите! — явственно раздался рядом чей-то голос.

Человек не кричал — он молил, и ребята, спотыкаясь о комья вывороченной земли, обогнув дымящуюся воронку, наткнулись на развалины летней кухни. Дощатые стены, обмазанные глиной, рухнули, снесенные взрывной волной, и, видно, завалили погреб, откуда доносился плач.

— Дочка... — прошептала какая-то женщина, сиюсь поднять целиком упавшую стену

Во дворе было светло как днем.

Пока Мишка ошалело махал руками и суетился, пока Димка, в кровь обдирая руки, хватался за доски, чтобы вместе с женщиной поднять стену, Васька отыскал здоровенную жердь, подsunул ее, навалился с кряхтеньем.. Стена подалась. Подбежали еще люди, помогли.

В черном прямоугольнике погреба показалась голова старухи в платке. Губы ее что-то шептали, глаза были огромны, а руки протягивали к людям маленькую босо-

ногую испуганную девчонку, которую бережно принял Васька.

И тут Димка узнал в девочке дочку лейтенанта Евдокимова, ту самую Леночку, с которой он познакомился возле военкомата, а в женщине, простоволосой и оборванной, он едва признал ее мать.

Васька передал девочку ей, и Леночка обхватила руками шею матери, прижалась к ней всем телом, в ее широко раскрытых глазах плясали отсветы зловещего пламени.

— Господи, да что же это такое... — бормотала, трясясь, старуха, а Леночкина мать в упор глядела на Димку, не узнавая его.

— Чего встал! — услышал он сердитый Васькин голос и обернулся.

Васька нагнулся у самодельных носилок, на которых лежала какая-то женщина. Грудь ее, неумело перевязанная, тяжело и часто вздымалась, сквозь белый бинт проступали черные пятна.

«Кровь!» — с ужасом глядел Димка: ему показалось, что женщина сейчас умрет.

В небе опять загудели самолеты. Леночкина мать побежала.

— Подождите! — поспешил следом Димка.

— Бери! — заорал на него Васька.

Димка схватился за ручки носилок, сбоку пыхтел и мешался неловкий Мишка.

— Понесли!

Васька зашагал впереди, уверенно и осторожно.

РАКЕТЧИК

Полная луна висела в бездонном небе, заливая улицу призрачным светом. Причудливые тени деревьев и столбов, разрушенных стен и кирпичных груд протянулись по улице. Димка с опаской брел мимо развалин. Наконец по обеим сторонам дороги встали невредимые здания, показались знакомые переулки... А вот и Димкин дом. Паренек облегченно вздохнул и проскользнул во двор. Здесь было темнее, чем на улице, только четко выделялась белая стена флигеля, на которой Димка заметил чью-то воровскую тень. Недоброе предчувствие сжало сердце. Димка присел за ку-

стами, горько пожалев, что нет с ним Мишки и бесстрашного Васьки, которые затерялись где-то в этой страшной ночи.

Залааял, почуяв хозяина, Рекс, и в тот же миг кто-то пробежал мимо Димки, и мальчишка узнал Пашку, встречая с которым совсем не входила в его планы.

«Зачем он здесь?» — подумал Димка. Неужели опять привела сюда Пашку мечта о сокровищах купца Прохорова? Вряд ли... Какой теперь клад, когда кругом такое творится! Димка, не зная зачем, крадучись пошел за Пашкой, стараясь идти неслышно, как тень.

Воздух опять наполнился гулом авиационных моторов, опять залаяли зенитки, в этом грохоте Димка вдруг услышал четкий металлический щелчок. Из переулка, куда скрылся Пашка, ударил выстрел и, шипя, роняя искры, взлетела зеленая ракета. За ней — другая. Свистнули бомбы, качнулась земля.

Грохоча сапогами, Пашка пролетел мимо отшатнувшегося к темной стене Димки.

— Стой! — не помня себя, закричал мальчишка, бросаясь за ракетчиком. — Стой!

Пашка нырнул куда-то за угол, но тут же выскочил обратно и пронесся мимо Димки в другой переулок, а следом за ним выбежали военные. Грянул выстрел, раздался окрик: «Стой!»

Наткнувшись на Димку, военные остановились, тяжело дыша. Кто-то цепко схватил его за плечо, на миг ослепил глаза лучом фонарика.

— Пацан? Ты чего тут?

— Там! — задыхаясь, бормотал Димка. — Там Пашка! Он ракетой! Он!.. Туда побежал!

— Ага! — кивнул один из военных. — За мной!

Они побежали, а вместе с ними бежал и Димка — никто его не прогонял, никто не останавливал. И только когда из темноты сверкнула вспышка и над Димкиной головой тоненько свистнуло, один из военных рванул его за руку к стене и, хрипя горлом, приказал:

— Домой!

— Не! — так же коротко ответил Димка, стуча зубами. — Я с вами!

Ему страшно было оставаться одному в этом незнакомом переулке.

Пашка уходил проходными дворами, заброшенными огородами к северной окраине города. Когда преследователи подбежали к оврагу, ракетчик уже карабкался по другому склону. Военные, сдернув с плеч винтовки, начали стрелять по нему. Старший стрелял из нагана и после каждого промаха страшно ругался. Пашка пропал во тьме.

Патрульные закурили, держа самокрутки в рукаве, отдышались, потом старший, придавив окурочек, сказал Димке:

— Считай, повезло тебе, парень! Он бы тебя придушил, как котенка! Как, говоришь, зовут гада?

— Пашка Нуль! Он бандит и ворюга!

— Жалко, что упустили,— мрачно сказал красноармеец, до той поры молчавший.

— Ладно,— сказал лейтенант, поднимаясь с земли.— Пойдем в комендатуру, паренек. Там все расскажешь.

...Едва волоча ноги от усталости, Димка только на рассвете притащился домой. Рекс облизал его лицо, повизгивая, как щенок.

— Соскучился,— лениво отбивался Димка, пожалев, что Рекса не было с ним ночью: уж от него-то Пашка не ушел бы!

Все тело у Димки болело, ныла каждая жилочка и просила отдыха. Не хотелось ни пить, ни есть, в душе одно желание: бухнуться на постель и закрыть глаза. Однако уснуть ему так и не пришлось.

Рекс, обернувшись к двери, вдруг ошетинился и зарычал.

— Кто? — вздрогнув, глуховато спросил Димка.

— Я это, не бойся!

Димка щелкнул замком.

Дверь дернулась, нехотя приоткрылась, просунулся Юлькин нос.

— Привет,— сказала она, воровато стрельнув глазками.— Попридержи пса-то!

Димка успокоил Рекса, и тот уселся у ног хозяина, подрагивая ушами. Димка вопросительно смотрел на Юльку.

Последние дни он мало видел ее, но, по слухам, Юлька развила бурную деятельность, таская в свою комнату вещички уехавших соседей. «Для верности! — приговаривала она.— Люди вернутся — а вещи-то и целехоньки! Спасибо скажут!»

Сейчас Юлька не похожа сама на себя: пропала нахальная манера, вся она как-то съежилась и беспрестанно облизывала губы, словно во рту у нее пересыхало.

— Слышь,— пробормотала она,— пойдем-ка, во флигель!

— Зачем? — настороженно спросил Димка.

— Васька зовет,— быстро и как-то заученно ответила Юлька и протянула было руку, норовя схватить Димку за рукав. Но Рекс коротко зарычал, и соседка отдернула ладонь.— Васька там,— пробормотала она, оглядываясь и вздрагивая.— Раненый, понимаешь! Ждет тебя! Скорей!..

Димка, услышав про такое, не мог усидеть на месте. Ну конечно, что-то особенное стряслось, если Васька не может прийти и прислал Юльку. А если так, нужно немедленно бежать к другу, нужно помочь.

— Ну, господи! — с какой-то мукой произнесла Юлька, и этот вопль души окончательно добил Димку.

Он вскочил и, приказав Рексу сидеть, побежал за соседкой.

Во дворе никого. Рассвет ли, пожары ли окрашивали небо на востоке... Стлался над крышами черный дым. И удивительно тихо кругом, словно и не было ночью беды и бомбежки.

Юлька, зябко подняв плечи, торопливо семенила впереди. На ней была какая-то затрапезная кофтенка, и эту кофтенку почему-то накрепко запомнил Димка. Кофтенку, и неровную Юлькину походку, и поднятые плечи.

У низенькой двери флигеля она остановилась. Лицо ее показалось Димке слишком бледным.

— Не бойсь,— тихо и как-то очень просительно сказала она, пропуская Димку вперед.

Мальчишка вошел, дверь за ним захлопнулась.

— Ну, здорово! — раздался насмешливый голос, и Димка отпрянул, узнав Пашку.

Сильная рука схватила его за грудки так, что треснула материя и отлетела пуговица. Рука подтащила его к Пашкиному лицу, слабо освещенному огарком свечи: окошки во флигеле были зашторены плотно.

— Здорово, гаденыш! — прошептал Пашка, обдавая Димку запахом водочного перегара.— Вот и посчитаемся. За всё... За золотишко, тобою припрятанное, за нынешнее твое подлое поведение...

Димке было противно и почему-то совсем не страшно.
— Пусти-ка! — сердито сказал он, норовя отвернуться. — Водкой пахнет!

— Ишь ты, — удивился Пашка и выпустил мальчишку.
Димка отступил к двери, слегка навалился спиной — заперто.

— Не дурей тебя, гаденыш, — пробормотал Пашка, медленно вытягивая из рукава финку, тускло блеснувшую в полутьме.

— Сволочь! Фашист чертов! — взвизгнул Димка, пока не закрыли ему рот потной лапой.

Напрасно рвался мальчишка — хватка у Пашки медвежья.

Димкин крик будто разбудил Юльку, до сих пор стоящую неподвижно у стены. «Не приведешь — убью!» — сказал ей только что Пашка, и страх погнал Юльку в Димкину квартиру, страх сдавил ей глотку, притиснул к земле. Она чувствовала ту точку под левой лопаткой, куда войдет холодная сталь Пашкиного ножа. Однажды она видела, как ловко делает это Пашка: короткий, мгновенный взмах руки, и человек, странно всхрипнув, валится, запрокинув голову. Ватные колени, тяжелое тело... И черное пятно на истоптанном полу. «Не приведешь — убью!» И ноет, болит спина в том самом месте, под левой лопаткой... Она знала, что Димка будет так же падать, подгибая коленки и запрокидывая голову, а потом, потом Пашка убьет и ее — не оставит свидетеля...

Димка закричал, и Юлька опомнилась: она тоже закричала, рванулась к двери, загремела замком.

— Стой, зараза! — заорал Пашка и, отбросив Димку, схватил Юльку за волосы.

Она кусалась, царапалась, как бешеная кошка. Димка прыгнул на спину Пашки. Зазвенела, упала финка... Дверь распахнулась... Свет ударил в глаза, утренний, синий свет со двора. Высокий моряк идет по дорожке...

Сзади тонко зазвенело стекло, и стало тихо.

— Здравствуй, юнга! — улыбнулся лейтенант Евдокимов. — Еле нашел тебя — пришел проститься. Что с тобой?

Он только теперь как следует рассмотрел Димку: тот стоял потный, почерневший, в разодранной рубаше, щека окровавлена.

— Там...— безразличным тоном сказал Димка, кивая на выбитое окно.— Там ракетчик... Ушел... не поймать теперь...

Залаял в комнате Рекс. Димка мимо опешившего лейтенанта метнулся в дом, вывел собаку и, тыча ее носом в порог флигеля, забормотал:

— След! Рекс, след!

Рекс рванулся вперед, Димка побежал за ним. Лейтенант Евдокимов, быстро взглянув на бледную Юльку, стоящую у стены в каком-то отупении, крикнул:

— Постой-ка!

И, нащупывая рукоятку пистолета, пустился догонять мальчишку — раны, плохо еще зажившие, мешали бежать.

За высокой насыпью железной дороги раздался выстрел, потом другой. Евдокимов, стиснув зубы, рванулся из всех сил...

У бетонной стены, за которой затихал гул удаляющегося состава, стоял на коленях Димка. Перед ним лежал мертвый Рекс. Димка гладил его большую красивую голову и плакал. Открытые глаза собаки уже начали стекленеть.

— Где? — задыхаясь, спросил Евдокимов.

Димка, размазывая по лицу грязь, указал на стену:

— На платформу прыгнул... Ушел... А Рекса в упор... Прямо в голову...

...Рекса хоронили во дворе, под Димкиными окнами. Димка с упрямым ожесточением долбил твердую, ссохшуюся землю, ничего не замечая вокруг. Слез у него не было, душа закаменела, как и эта земля, в которую он яростно вгрызался лопатой. Мишка все суеился, все норовил выхватить лопату из его рук, но Димка отмахивался, нахмутив брови.

Молчун Васька посмотрел-посмотрел да и отнял инструмент у Димки, а когда тот потянулся было за лопатой, рассудительно сказал:

— Мозоли вон... Руки береги, еще пригодятся.

Васька думал о будущих трудных днях и готовился к ним. Он и могилу выкопал не глубже положенной, чтобы даром не расходовать силы — таков уж Васька, железный человек.

Когда яма была готова, Димка опустился на колени и, обхватив руками голову Рекса, долго стоял так, что-то беззвучно нашептывая.

После Димки с Рексом простились Мишка и Васька. Потом труп верного пса завернули в простыню и опустили в могилу. Глухой стук земляных комьев болью отозвался в Димкином сердце. На глазах чувствительного Мишки стояли слезы, Васька был суров и насуплен.

— А ты, это, поплачь,— тихо сказала Юлька, все время стоящая в сторонке.— Поплачь, Димка, полегчает.

Димка туманным взглядом повел в ее сторону: та же кофтенка, тот же пук волос на голове, кое-как скрепленный шпильками.

— Люди вон окопы роют,— сказал ей Мишка, и Юлькины глаза стали злыми, как всегда.

Она тонким голосом зачастила:

— Ты ж знаешь, больная я! Болезнь моя внутренняя, опасная!

— Алкогольная,— хмыкнул Мишка.

— Сам дурак! — отрезала Юлька и ушла от греха.

Ребята посмотрели на Димку. Ни растерянности, ни тоски на лице его, губы твердо сжаты, брови сведены.

Во двор вошел лейтенант Евдокимов. Взглянул на свежий холмик, на ребят, все понял и вздохнул. Потом тихо сказал Димке, вопросительно поднявшему глаза:

— Ушел, ловок...

Димка кивнул, стиснув зубы, и лейтенант поразился, как посуровел мальчишка за эти дни, как повзрослел. «Эх, ребятки, ребятки,— с горечью подумал он.— Мячик бы вам гонять...»

Тронул Димку за плечо:

— Ничего, юнга, жизнь впереди хорошая!

— Хорошая! — упрямо, словно отвечая кому-то, сказал Димка.— Хорошая!

— А пока давай лапу! — протянул ладонь лейтенант Евдокимов, и по лицу Димки пробежала тень: «Дай лапу!» — говорил он, бывало, Рексу, и тот охотно подавал ее своему другу — большую, теплую, надежную лапу.

— Счастливо вам, всего вам хорошего! — от души сказал Димка, пожимая руку лейтенанта.— Ваших я обязательно найду!

— Спасибо! — вздохнул Евдокимов.

Они помолчали. Лейтенант Евдокимов весь день отыскивал следы жены и Леночки, но никто толком не мог ничего сказать.

— Прощай! И тебе, юнга, всего самого светлого! — чуть улыбнулся лейтенант Евдокимов.

Он пожал руки ребятам, и те долго, грустно смотрели ему вслед.

Резкий вой сирены вспорол тишину.

ВОЛГА ГОРИТ

Все чаще и чаще налеты вражеской авиации, все меньше в городе тишины. Многие здания разрушены. Днем и ночью движутся военные машины, повозки беженцев, идут измотанные боями солдаты, бредут мирные жители со своим нехитрым скарбом. Больно глядеть Димке на детей — усталых, голодных, испуганных. Он всматривается в их лица в надежде увидеть Леночку, но она как в воду канула.

Однажды пришло сообщение: немцы прорвались к северной окраине города, бои идут в двух-трех километрах от тракторного завода. Воины и ополченцы сдерживают яростные атаки вражеских танков и автоматчиков. Батареи зенитчиков прямой наводкой бьют по бронированным чудовищам. Городской комитет обороны призвал сталинградцев к оружию. Тысячи жителей записывались в батальоны народного ополчения. Те, кто по возрасту или по болезни не могли стать в строй, рыли окопы и рвы, возводили баррикады, устанавливали железобетонные колпаки огневых точек и противотанковые ежи.

Ребята рыли оборонительные сооружения, которые начинались за городом. Прямо по бахчам, по арбузам и дыням, шли изломанные линии траншей, и первое время Мишка объедался, а потом не мог смотреть на перезрелую мякоть. Работали с утра и до вечера, еле притаскивались домой и валились с ног. Весь день висело над головой жаркое, совсем не осеннее солнце, а под ногами гудела задубевшая от зноя земля. Ладони у парней покрылись кровавыми мозолями. Прав был Васька, когда говорил: «Руки береги, еще пригодятся». Вот и пригодились...

Фашисты бомбили Сталинград, доставалось и строителям — ребята ежились в траншеях, когда бомбы со свистом неслись к земле, встающей на дыбы.

Как-то на рассвете они услышали гром канонады. Поднимая тучи пыли, по степи мчались военные грузовики. За ними — подводы. Ездовые гнали коней во весь опор.

Низко над степью пронеслись черные самолеты.

— Ложись! — раздался хриплый крик, и все попадали на дно окопов.

Снова рвущий душу вой, треск, вопли...

Когда Димка, отплеываясь, поднялся, он увидел в степи среди частых снарядных разрывов бегущих красноармейцев. Из балки вывернулась «эмка». На большой скорости, увертываясь от снарядов, проскочила она зону обстрела и подкатила к траншеям. Командир в пропыленной потной гимнастерке выскочил из машины.

— Почему здесь люди? Уходить немедленно!

Инженер, руководивший работами, пытался что-то возразить, но командир устало махнул рукой:

— Отходят наши, понимаешь? Отходят!

Он указал на редкую цепь красноармейцев, откатывающихся к недостроенному рубежу.

Вражеские артиллеристы перенесли огонь. Дымные вихри разрывов встали впереди траншей. Женщины бросились врассыпную.

Мишка поспешно натягивал на плечи тощий свой рюкзачишко. А Васька, переждав артналет, подошел к командиру и мальчишеским, тоненьким голоском сказал:

— А нам можно с вами, а?

Красноармейцы, подбегая, прыгали в окопы, жадно глотали воздух черными, широко раскрытыми ртами. Девушки-санитарки тащили раненых. Группа бойцов суежилась возле маленькой пушки.

— Чего тебе? — нетерпеливо спросил командир.

— С вами, — повторил Васька, и Димка тоже подошел к нему, стараясь пошире расправить свои совсем не богатырские плечи.

В глазах командира, красных и воспаленных, засветилась добрая искорка и погасла.

— Нельзя, хлопцы, не положено. Не подлежите призыву. По возрасту. — И вдруг рассердился: — А ну марш по домам, огольцы!

Ребята сыпанули к городу. За их спиной звонко ударила пушка.

В пустом доме тишина. Димка вспомнил, как радостно встречал его Рекс, и поморщился, словно от боли. Пошарил в шкафу, нашел корку хлеба, луковицу, очистил, захрустел. И тут только увидел на полу чемодан и записку на нем. Размашистый почерк матери: «Никуда не уходить! Ждать меня!» Раньше ее записки начинались не так. Она волновалась за сына, спрашивала о здоровье, писала, где и что покушать, сообщала, когда будет дома. Теперь же ни единого лишнего слова, точный, ясный приказ. И, глядя на чемодан, Димка понял: они оставляют этот дом и этот город.

«Бежим!» — с горечью подумал он. Дом уже был пуст: уехал Мишка с матерью, пропали Грановские.

Раздался под окном Васькин свист. Димка высунулся. Товарищ махнул ему рукой, а когда Димка выскочил во двор, Васька удрученно сообщил:

— Всё! Сбегаем.

— Куда?

Васька пожал плечами:

— На хутор. К тетке. И Мишка где-то на хуторе...

Помолчали. Близко гремели орудия. Стлался дым. Только тихая их улица, казалось, была островом среди бушующего океана: домики здесь целые, деревья в листве.

— Ну, давай прощаться! — Васька протянул руку. — Может, свидимся.

— Свидимся! — твердо сказал Димка и, обняв товарища, ткнулся губами куда-то в щеку.

— Ну-ну, обслюнявил! — недовольно отодвинулся Васька и пошел не оглядываясь.

Опять завывли сирены. За госпиталем ударили в обломок рельса. В тревожный звон вплеся жалобный крик гудков. Димка по привычке полез на крышу — здесь он чувствовал себя как-то уютней, чем на земле. Посмотрел на небо и обмер. Такого еще не было. С запада летели самолеты. Их было много, очень много, и шли они плотным сомкнутым строем, закрывали полнеба, затмевали солнце. Редкие разрывы зениток, бледные в ясном небе, казалось, не причиняли вреда этой армаде. Из-под крыльев само-

летов срывались темные капли, неслись вниз, быстро увеличиваясь. Ураганный вихрь пронесся над городом, взметнулись столбы разрывов, налетел черный горячий ветер, сметая все на пути. Дом заходил ходуном. Димка вцепился в трубу...

Из дыма и пламени вылетела подвода, понеслась по улице. Бешеные лошади не разбирали дороги. Подводу нагонял грузовик. В кузове, плотно прижавшись друг к другу, стояли ополченцы. Земля на дороге вздыбилась. Подвода, отброшенная взрывом, перевернулась набок. Женщины, дети, узлы — все полетело в кювет. Грузовик, круто свернув, влетел в палисадник и, ломая кусточки и деревца, врезался в угол дома. Из-под капота брызнуло пламя. Ополченцы выпрыгивали из кузова, падали на землю, бежали в укрытия, в щели...

Из-под телеги выползла девочка и тоже побежала по улице. Яркое красное платье ее живым огоньком мелькало в дыму. Кто-то схватил девочку на руки, и тут же и ее, и спасителя скрыл черный грохочущий султан. Когда он опал, Димка с ужасом увидел только дымящуюся яму.

— Гады, гады! — кричал мальчишка и не слышал своего голоса.

Скатившись к слуховому окну, он прыгнул на чердак, выскочил во двор, полный дыма и огня. Все здесь, казалось, было сметено. Тяжелая фугаска разворотила угол флигеля и, не разорвавшись, ушла в землю у самой стены. Горел грузовик, возле него лежал ополченец, силясь подняться. Руки его подламывались.

«Сейчас рванет!» — подумал Димка, глядя на торчащий из-под обломков стабилизатор бомбы.

Ополченец пополз, оставляя за собой кровавый след. Димка, чувствуя смертный холодок на спине, подбежал к нему и, ухватив под мышки, надсаживаясь, поволок дальше от грузовика, от бомбы.

— Сюда, хлопец! — крикнули ему с улицы.

Кто-то подхватил ополченца, положил его на повозку. Туда же втащили и плохо соображающего Димку. Повозка загромыхала. Ополченец слабо стонал.

Наконец повозка остановилась. Пахнуло прохладой с реки. Димка выбрался. Над рекой кружили «мессеры», бомбя баржи и пароходы. На берегу собрались повозки и машины, с которых ополченцы и девчонки-санитар-

ки снимали раненых и тащили их в ближние воронки и щели.

— Димка! — окликнул кто-то, и мальчишка увидел Юльку, вернее, одну ее голову, торчащую из воронки. — Димка! Разве ты не на пароходе? Разве без матери? А она уехала! Ей сказали: ты уже на том берегу!

— Где мама? — схватил Димка соседку за рукав. — Где? Говори толком!

Но толком Юлька ничего сказать не могла — только таращила глаза и охала. Наконец пробормотала:

— На «Калинине» она... Во-он он... Там семьи, дети переправлялись...

Димка во все глаза смотрел на реку. «Мессеры» улетели, но из-за тракторного ударили по реке орудия. От первых же снарядов пароходик загорелся, его завертело, понесло на мель. Вот он врезался в песок, накренился, и по нему ударили из пушек и пулеметов. Видно было, как люди стали прыгать в воду, плыли среди разрывов и огня. Волга горела.

Тихо стало на берегу. Юлька плакала позади Димки, с трудом выговаривала:

— Ой-ой, горе какое... Детишки там...

— Мама... — прошептал Димка. — Мама!..

— Ну-ну, чего, чего ты! — бормотала Юлька, гладила его по вздрагивающим плечам. — Может, и не уехала она вовсе, может, дома! Может, я обозналась! Чего реветь-то!

И зубы ее стучали.

Скоро от пароходика остался один обгорелый, исковерканный остов.

— Бежи домой! Бежи! — толкала его Юлька. — Может, она там, может, там дожидается!

К ОРУЖИЮ, СТАЛИНГРАДЦЫ!

Димка бежал... Смоленская улица лежала перед ним в руинах и черных проплешинах пожарищ. Только что отгулял по ней огненный вихрь, оставив дымящиеся груды развалин. Там, где были недавно дома, зияли глубокие воронки. Обломки мебели, изрубленные, переломанные деревья разбросаны по улице, перемешаны с землей. От

старой школы, где жил Васька, остались только черные закопченные стены да груды битого кирпича возле них. Здание новой школы уцелело. Чудом уцелел и Димкин старинный приземистый дом, хоть взрывной волной и выбило окна да стены сделались рябыми от выбоин, оставленных осколками.

Димке показалось, что в окне второго этажа мелькнула чья-то тень. Он бросился наверх. Навстречу ему шел по лестнице невысокий военный с нерусским узкоглазым лицом. Увидев запаленного мальчишку, он нахмурился, спросил певуче:

— Зачем ты здесь, а? Ты отсюда уходи! Совсем уходи, понял?

— Куда ж мне уходить? — печально ответил Димка, поняв, что матери здесь нет. — Это мой дом...

Незнакомец помолчал.

— Как твой? Совсем твой?

— Ну да, — сказал Димка. — Мой! Тут я живу! И мама...

Мимо солдата Димка медленно прошел в комнату. Чемодана не было, на полу белел листок. Димка поднял его. Несколько слов: «Немедленно на пристань! Я — на «Калинине»!»

Сам не зная, зачем он это делает, Димка медленно открыл шкаф. На вешалках висели платья матери, рядом — вещи отца. Димка прижался щекой к платью, спрятал лицо в мягком шелке.

— Не надо, а? — попросил его военный. — Зачем? Совсем не надо! — Он повел Димку, как маленького, за руку, на ходу приговаривая: — Сейчас кушать будем, да? Ты кушать хочешь, а?

Димка ел, давился слезами, а узкоглазый солдатик, вздыхая, смотрел на него и покачивал головой.

Стрелковая рота, в которой осталось около полусотни бойцов, готовилась к обороне Димкиного дома. В подвале разместили раненых, возле которых копошилась девушка-санитарка. Сюда же узкоглазый солдатик привел и Димку, сказав серьезно:

— Тут твое место, понимаешь? У нас каждый человек на счету

— Не! — тихо ответил мальчишка, нахмутив брови.— Я — у окна! Как все!

— Это ты не говори! — отрезал солдатик.— Это не надо! Как я сказал, так и будет, понял?

— Командир какой! — пробормотал Димка.

— Командир! — кивнул тот, а усталая санитарка сказала Димке:

— Ты не ершишь, парень. Ему передал командование лейтенант Иванов. Перед смертью передал. Понял? Так что запомни: командир роты сержант Урузбаев!

— Точно! — щурил зоркие глазки сержант.— А ты — рядовой боец Димка!

— Тогда винтовку дайте!

Урузбаев почесал затылок и пообещал, быстро уходя из подвала:

— Ладно, дадим, дадим, потом! А ты пока тут...

— Ну чего стоишь? — сердито спросила растерянного, подавленного Димку девушка, ладная, молоденькая, коротко подстриженная, в гимнастерке и юбке защитного цвета. Ремень туго перехватывал тонкую ее талию. Глаза девушки то и дело закрывались: видно, сил у нее не осталось.— Чего стоишь? Думаешь, раненым удобно на голом полу лежать? Тащи матрацы, перины, одеяла!

— Откуда? — хмуро уставился Димка.

— Господи, какой ты!.. Из квартир, конечно! Ну, давай живей!

Димка, вздохнув, побрел выполнять приказание. Начал он со своей комнаты, собрал все с постели, и комната сразу сделалась голой, сиротливой...

Раненых уложили на мягкое, и они немного повеселели. Потом Дина, так звали девушку, показала Димке, как разрезать простыни на узкие полоски, чтобы готовить из них бинты. Потом погнала за водой, пока какой-то немолодой красноармеец не проворчал сердито:

— Дай передохнуть парню! Совсем ты его заездила!

— Ладно, передыхай! — разрешила Дина.— Только далеко не убегай.— И улыбнулась через силу, показав белые ровные зубы.

«Красивая,— подумал Димка.— Как мама». И сразу опустились руки, горько стало во рту.

— Сынок, помоги-ка,— попросил его тот же пожилой красноармеец. Он сидел у стены с забинтованной правой

рукой и левой пытался свернуть самокрутку. Пальцы не слушались его, и он посмеивался над собой: — Вот молодец, никак не приспособлюсь.

Димка подсел к нему, свернул самокрутку.

— Ловко! — покачал головой боец. — Давно куришь?

— Не! — сказал Димка и почему-то покраснел.

Красноармеец внимательно посмотрел на него.

— Ты здешний?

— Здешний. В этом доме живу! Жил...

— Вот оно что, — вздохнул пожилой. Задумался, затянулся и попросил: — Сходил бы наверх, как они там, а?

Димка оглянулся на Дину.

— Ладно, иди! — отпустила она. — Но недолго.

— Я мигом!

Димка поднялся на второй этаж в гостиную. Там былолюдно. У стен сидели красноармейцы. Ручной пулемет стоял на окне, растопырив ножки. Другой пулемет, станковый, примостился под окном на полу, глядя в продолбленную дыру. Красная кирпичная пыль скрипела под сапогами. Лента с желтыми патронами заправлена в прорезь пулемета.

— А-а, Димка! — встретил его улыбкой сержант Урузбаев. — Как дела внизу, а?

— Внизу все в порядке, — ответил мальчишка, ощущая вдруг спокойствие при виде всех этих людей, пулеметов, и патронов, и гранат, лежащих у стенки. — А у вас как? — И он захотел высунуться в окно, но сержант схватил его за руку:

— Стой! Стреляют! Немцы рядом!

— Немцы? — удивился Димка — диким и чудовищным показалось это: немцы, фашисты, на улице Смоленской, у ворот собственного дома.

— Смотри сюда! — подозвал Димку русоволосый паренек и, уложив рядом с собой, показал на узкую пробитую щель.

Димка прильнул к ней. На противоположной стороне улицы мелькали какие-то фигуры. Они то появлялись за разбитыми стенами, то пропадали. В горле у Димки пересохло.

— Немцы? — спросил он шепотом.

— Они! — небрежно протянул паренек, словно речь шла о чем-то мелком, незначительном.

— Внимание! — раздался голос сержанта. — Приготовиться к бою. Стрелять по моей команде, да-а...

На дороге остановился грузовик. Немцы в кузове его что-то горланили, размахивали руками, наигрывали на губных гармошках.

— Пьяные! — удивился Димка.

— Радуются, сволочи! — стиснул зубы русоволосый паренек. — Думают, взяли Сталинград. Концерт устроили!

Он поставил поплотнее сошки ручного пулемета, прицелился. Остальные красноармейцы, стоя у окон, тоже приготавлились к бою.

Димка оглянулся на сержанта. На скулах Урузбаева ходили желваки, глаза превратились в щелки. Он словно приклеился к трофейному немецкому автомату и замер так.

Димка посмотрел на фашистов в грузовике. Загорелые, здоровенные, с закатанными рукавами, они, охваченные пьяным весельем, казалось, ничего не замечали вокруг.

— Огонь! — крикнул Урузбаев, и пулемет в руках русоволосого паренька задрожал.

Повел свою грозную строчку «максим», ударили дружно винтовки и автоматы. Кинжальный огонь буквально сметал фашистов с грузовика. Они падали, корчились в предсмертных судорогах, прошитые свинцом. Иные удивленно вскидывали вверх глаза: видно, никак не ожидали, что в этом доме с выбитыми окнами кто-то еще остался.

«Вот вам,— мысленно приговаривал Димка.— Это за маму! За всех!»

Не прошло и получаса, как из глубины квартала выкатились цепи вражеских солдат. Фашисты не стали проводить разведку, выяснять, сколько русских засело в доме. Нет. Наглые от своей силы, от побед, они шли в полный рост, шли молча, без криков и выстрелов. Впереди — офицер в фуражке с высокой тульей и начищенных до блеска сапогах. Он шагал с показной беспечностью, высоко вскидывая ноги. Как на параде.

По команде сержанта снова ударили пулеметы, захлопали винтовки, цепь атакующих редела. Одни солдаты продолжали идти вперед, другие падали, прижимались к земле, скатывались в воронки, некоторые побежали обратно. Офицер, размахивая пистолетом, останавливал бегущих.

— Ай, шайтан! — крикнул вдруг Урузбаев и выстрелил в офицера. Тот схватился за бок и упал. — Ага! Бей!..

Прижимаясь щекой к прикладу, бил из пулемета русоволосый солдат. Гулко ахали винтовки, трещали автоматы. Стреляные гильзы со звоном катились под ноги Димке.

Новая цепь атакующих показалась на улице. Однако и она, попав под губительный огонь из дома, не выдержала, залегла. Немцы теперь двигались перебежками, ползком.

На противоположной стороне в развалинах заговорили крупнокалиберные пулеметы. Пули щелкали по стенам дома, взвизгивали на разные голоса.

— Патроны давай! — крикнул кто-то.

Димка бросился в соседнюю квартиру. Там тоже стоял сизый туман от пороховых газов и так же щипало глаза. Гулко гремели выстрелы. Какой-то боец, стоя на коленях, крутил ручку полевого телефона.

— Ромашка! — кричал он. — Ромашка, черт ты дери!

— Патроны! — тоже закричал Димка, и на него оглянулись бойцы.

Телефонист кивнул в угол, где у глухой толстой стены лежали ящики, накрытые плащ-палаткой. Димка схватил один ящик и, кряхтя, потащил к двери. Потом сбегал еще и еще.

— Отвалили пока, — подмигнул ему русоволосый паренек после очередной атаки. — Эй, все живы?

Два красноармейца лежали ничком у стены. Один боец, поблуднев, пытался перевязать себе руку. Кровь крупными каплями стекала на пол. Дина с помощью Димки отвела раненого в подвал.

— Как там? — жадно спрашивал пожилой боец мальчишку.

— Пока отбились! — сказал Димка и опять поспешил наверх; Дина что-то крикнула ему вслед — он не слушал.

Урузбаев усадил Димку и показал, как заряжать пулеметные диски. Работа сперва не ладилась, потом проворные пальцы мальчишки заходили веселей.

— Здорово получается! — одобрил русоволосый. — Как тебя звать?

— Димка.

— Сталинградец?

— Коренной! — ответил тот с гордостью, и русоволосый похвалил его:

— Молодец! А меня Петром зовут. Я из дальней деревни. Ольховка называется. Небось не слышал?

— Не слышал,— честно признался Димка.

— Ну и ладно! Зато теперь мы с тобой земляки! Сталинградцы! Так ведь?

— Ой, верно! — сказал Урузбаев.— Все мы, значит, братья, да?

— Верно говоришь,— произнес молчавший до этого степенный боец с висящими усами, и Димка подивился его густому сочному басу.— Верно говоришь, все мы земляки. Все.

— Дядька Степан,— прошептал Петр Димке.— Ух, сильный, черт! Я с ним в разведку ходил.

И Димка с уважением посмотрел на дядьку Степана и с еще бóльшим уважением — на Петра, который где-то там, в ночи, в двух шагах от врага, ходил в разведку.

— Опять пошли,— загудел дядька Степан.— Ну давайте, давайте!

...Димка забыл счет времени. Немцы яростно атаковали дом и здание новой школы, откуда тоже отвечали огнем. Бои шли, казалось, по всему городу — везде гремели взрывы и трещали пулеметы. Мальчишка едва успевал заряжать диски, а со всех сторон то и дело слышалось:

— Патроны!

Задыхаясь, Димка бегал с ящиками. «Когда же это кончится?!» — билось в мозгу. Ноги подкашивались, горло раздирал кашель. Дышать было нечем.

А немцы лезли. Уверенные, что гарнизон скоро сложит оружие, они атаковали непрерывно. Подступы к дому были усеяны трупами фашистов, защитники дома потеряли счет атакам.

— Патроны!

В очередной раз вбегая в комнату с ящиком у живота, Димка услышал взрыв. Дядька Степан, закрыв лицо руками, медленно опускался у стены. Меж пальцев его просачивалась кровь. Немецкая граната рванула под самым окном, брызнув осколками. Близко раздалась чужая речь. Ударил автоматная очередь. Потом дом задрожал от разрывов снарядов.

— Все вниз! — приказал Урузбаев, и защитники

спустились на первый этаж, где оконца были узкие, удобные для обороны.

— Ничего, еще подвал остался! — сказал кто-то.

Орудия и минометы непрерывно били по дому, снаряды и мины рвались на чердаке, в комнате, где еще минуту назад оборонялись красноармейцы. Наверху трещало и падало что-то. Люди с тревогой смотрели на потолок, с которого осыпалась штукатурка. Димка подумал, что это, наверное, падают гипсовые головки амуров.

— Ничего,— раздался вдруг спокойный бас дядьки Степана, которому Дина бинтовала лицо.— Раньше хорошо строили. Авось выдержит...— Он посмотрел на Димку одним глазом, другого не было видно из-под бинтов.— Ничего, хлопчик, живы будем — не помрем! — продолжал он.— Бери-ка автоматик, не бойся. Вот так, а то мне что-то неловко стало.

И он уселся поудобнее у стены. Руки его не слушались.

— Бери! — разрешил Урузбаев. — Стрелять-то умеешь?

— Умею,— кивнул Димка: он уже ко всему пригляделся.

— Огонь! — закричал Урузбаев.

И опять начался ад.

Свистели пули, кроша штукатурку и отбивая куски от стен, кричали и ругались совсем рядом враги. Дядька Степан все ниже и ниже клонил свою голову и вдруг неловко привалился у стены.

— Умер! — оглянулся на него Димка. И все тоже оглянулись.

Над головой мальчишки прошла автоматная строчка, сбивая штукатурку. Димка пригнулся. На подоконник вскочил фашист, на минуту заслонил свет. Мальчишка, вскрикнув, выставил навстречу ему автомат дядьки Степана и нажал на спусковой крючок. Очередь получилась длинной, до последнего патрона в рожке. Автомат рвался из рук. Пули дырявили мундир солдата, с короткими всхлипами входили в его тело, и он при каждом их ударе конвульсивно дергался, медленно запрокидывался назад. Цепляясь пальцами за стену, упал на улицу. Димка попятился, выронил автомат из ослабевших рук, его душила тошнота.

— Патроны! — яростно закричал Петр, и Димка, шатаясь, побежал за новым ящиком.

Навстречу ему из подвала тяжело брел пожилой солдат, с трудом волоча винтовку.

— Жарко? — спросил он Димку, приваливаясь к стене.

— Ничего, — ответил тот, криво улыбаясь. Его бил нервный озноб.

К вечеру немцы вроде бы успокоились, дали передышку. Люди обессиленно лежали у стен. Сержант Урузбаев, шевеля губами, записывал что-то в блокнот: видно, считал убитых, подсчитывал патроны, гранаты, а потом озабоченно сказал:

— Придется у фашистов патроны брать, а? Вон их сколько валяется.

— Точно! — откликнулся Петр. — Как стемнеет, мы с Димкой и полезем. Как Гавроши! Что с тобой, парень? У тебя зуб на зуб не попадает!

Сержант Урузбаев поднял Димкин автомат, отдал ему.

— Ничего... Привыкнешь... А оружие не бросай, ладно?

— Не брошу, — прошептал Димка.

В глазах его стояло искаженное болью лицо фашиста. Он еще слышал, как пули со всхлипами входили в тело вражеского солдата...

ПРОРЫВ

Ночь опустилась как-то сразу, без сумерек. Черные клубы дыма, поднимавшиеся над Волгой, сделались багровыми, подсвеченными отблесками пожаров. Только успели защитники дома перевязать и отнести вниз раненых да накрыть шинельками убитых, как над немецкими позициями взлетели ракеты, повисли пылающими гроздьями. Раздался надсадный, надрывающий душу рев — это ударили шестиствольные минометы.

— У-у, ишак проклятый! — в сердцах выругался сержант Урузбаев.

Дом дрожал, мины рвались густо.

Вдруг грохот прекратился, и в призрачном свете ракет появились гитлеровцы. Фигуры фашистов, неясные, расплывчатые, нереальные, выплывали из-за развалин,

медленно приближались. Враг атаковал крупными силами.

На этот раз немцы шли в атаку не цепями, как днем, а валили нестройной толпой, горланя и паля напрапалую из автоматов.

— Во дает фриц! — покачал головой Петр, прилаживаясь к пулемету. — С песнями прет!

— Сейчас будет им песня! — Пожилой перебинтованный солдат, дядя Федя, вытащил из кармана шинели гранату, скривившись, рванул зубами кольцо и левой рукой швырнул ее в окошко.

Со второго этажа, куда в темноте опять перебралась группа бойцов, тоже полетели гранаты в нападающих фашистов. Рванули взрывы, свистнули осколки.

— Давай, братцы! — крикнул Петр, поливая фашистов из пулемета. Баском заговорил «максимка». Внизу раздались крики и вопли. Немцы залегли.

— Прекратить огонь! — приказал сержант Урузбаев. — Беречь патроны!

Димка, пока длилась суматоха, выскользнул из узкого окошка и пополз. Блеснули перед ним подковки немецких сапог. Фашист лежал на боку, скрюченными руками норовя ухватить сталинградскую землю. Это был тот самый немец, которого срезал Димка. Опять к горлу его подкатила тошнота, и пришлось минуту-другую полежать, приходя в себя и слушая в развалинах пьяные голоса:

— Иван, сдавайсь!

— Сталинград капут!

— Русс, ком, иди плен!

Над головой Димки ударили автоматы и пулеметы. Бойцы били короткими очередями, экономя патроны. Они прикрывали Димку. И, поняв это, он пополз быстрее. Вот и автомат, тяжелый, черный, вот магазины с патронами торчат из голенища сапога. Вот граната с длинной ручкой — тоже пригодится.

Сзади раздался шорох. Димка похолодел, сжался.

— Это я! — слышался шепот Петра. — Где ты тут? Ого, уже с оружием! Молодец! А ну-ка попробуем вон туда!

И Петр пополз ловко, как ящерица, извиваясь всем своим ладным худощавым телом. Димка едва поспевал за ним. Вдвоем дело пошло веселей, и скоро они набрали с

десяток автоматов и кучу магазинов. Петр прихватил с собой и фляжки.

— А как потащим? — недоумевал Димка.

— Давай возвращайся! — подтолкнул его Петр, и Димка пополз, волоча тяжелую противогазную сумку, набитую рожками от автоматов. Петр возился среди развалин. Потом нагнал Димку с двумя автоматами в руках.

Немцы, видно, услышали возню перед домом и открыли беспорядочный огонь. Из окон тотчас же ответили товарищи. Димку и Петра втащили в окно, стали ощупывать, обхлопывать:

— Целы?!

— Целы! — отдувался Петр, наматывая на руку какой-то провод. — Тащи, ребята!

Дружно потянули. В камнях раздался звон, и еще яростней ударили немецкие автоматы. Опять заревел миномет, осыпая дом минами. Бойцы втащили в окошко несколько автоматов, крепко связанных проводом.

— Ну молодцы, а? — радовался Урузбаев. — Прямо молодцы!

Бойцы разобрали автоматы и патроны, и как раз вовремя — фашисты полезли в очередную атаку.

Димка не слышал команды открыть огонь. Ударил пулемет Петра, рядом с мальчишкой заработал станковый пулемет, затрещали автоматы. Димке хотелось тоже резануть длинной-предлинной очередью, чтобы срезать побольше гитлеровцев. Палец так и тянулся к спусковому крючку. Но он, поборов желание, выбрал немца потолще да поближе и затаив дыхание нажал курок. Треснула короткая очередь. Немец бежал как ни в чем не бывало, широко разевая рот. Блестела под луной крутолобая его каска.

— Что ствол задрал? — спросил дядя Федя. — В голову метишь?

— Ага! — боднул Димка воздух, хотя он и сам не понял, куда метил.

— Бей по туловищу — больше шансов! — приказал дядя Федя. — И не бойся: фашист не белка — шкуру не испортишь!

Димка провел горячим языком по губам, подвел мушку «своему» фашисту под грудь и надавил на спуск. Немец упал и остался лежать темным бугорком.

— Вот так! — сказал дядя Федя, осторожно приподнимаясь и выглядывая из окна. — Давай дальше. Только не больно высовывайся! Выстрелил — и прячь голову. Она у тебя одна!

— Еще один! — прошептал Димка, но радоваться вместе с ним было некому: дядя Федя рвал кольцо у гранаты — немцы подходили совсем близко.

Группа автоматчиков прорвалась в развалины старой школы и под прикрытием ее толстых стен готовилась к новому штурму.

Настал критический момент. Пьяный гвалт фашистов, трескотня автоматов слышались у самых стен дома, во дворе и на улице. Окруженные красноармейцы отбивались гранатами, несли потери. Сержант Урузбаев понимал: если гитлеровцы ворвутся в дом — это конец. Малочисленный гарнизон не сможет выбить врага.

— Товарищи! — крикнул он пронзительно. — Отступить нам нельзя, да! На шаг назад! Понятно?

— Понятно, — проворчал дядя Федя, деловито подтаскивая к себе последнюю гранату. — Димка, — вдруг обратился он к мальчишке, — ты этот район хорошо знаешь?

Тот мотнул головой.

— Так... — продолжал дядя Федя. — Тогда слушай! В случае чего — дуй отсюда подальше! Понял?

— Не-е! — замотал мальчишка головой. — Не понял! Здесь мой дом, и мама моя...

Он отвернулся. Дядя Федя крикнул.

— Ладно, хлопец! — сказал он. — Сверни-ка мне еще сигарочку!

Хотел сказать «последнюю», но поостерегся.

Из руин старой школы высыпали автоматчики и бросились к Димкиному дому.

И вдруг небо за их спиной, над развалинами, откуда били пулеметы и взрывал миномет, осветилось, сверкнуло молниями и раскололось громом. Взметнулись там языки пламени, поднялось зарево. Немецкий крупнокалиберный пулемет захлебнулся и замолк. Послышались деловитая скороговорка автоматов, разрывы гранат, и неожиданно в расположении немцев взметнулось, нарастая, родное русское «ура».

Сержант Урузбаев вскочил. Димка далеко высунулся.

— Наши! — заорал он, размахивая автоматом.— Наши! Ура-аа!

Видно было, как перед домом испуганно заметались фашисты.

— За мной! — крикнул сержант Урузбаев.— Димка — на месте!

Бойцы попрыгали в окна, за ними, а может, и впереди их бежал Димка и во все горло вопил «ура», паля из автомата. Кругом кипела рукопашная схватка. Димка упал, сбитый крепким ударом приклада. Перед глазами его пошли огненные круги, он на какое-то мгновение потерял сознание. Перед лицом его топтались ноги в сапогах с широкими голенищами.

— Димку убили! — громко крикнул кто-то, и мальчишка вяло подумал: «Это меня...» — и закрыл глаза.

Когда он пришел в себя, было светло, вокруг стояли бойцы, свои и незнакомые. Дина держала холодную ладонь на его лбу.

— Ну? — спрашивала она участливо.— Как ты себя чувствуешь? Как голова?

— Тошнит,— пожаловался мальчишка.— Где мы?

— У тебя дома! — быстро ответил сержант Урузбаев.— К нам ребята из второй роты прорвались! И еще моряки!

— Димка! — удивленно охнул кто-то, и он, скосив глаза, увидел лейтенанта Евдокимова в грязном, разодранном кителе.— Димка! — Евдокимов сгреб его по-медвежьи, обдав запахом пороха и гари.— Живой! А Васька, Мишка? Мама твоя где?

Димка высвободился, опустил тяжелую голову. Бойцы угрюмо молчали...

К лейтенанту Евдокимову подошел сержант Урузбаев, лихо приложил руку к каске:

— Товарищ лейтенант! Бойцы первой роты держат оборону дома Климовых! Исполняющий обязанности командира роты сержант Урузбаев! В наличии тридцать бойцов, десять тяжелораненых!

Вольно! — скомандовал лейтенант и крепко пожал руку сержанту.— Здорово вы деретесь! О вашем доме в штабе полка известно. Большие силы врага здесь держите!

— Мы такие! — весело отозвался Петр и подмигнул Димке: — Сталинградцы!

Евдокимов оглядел солдат, похудевших, чумазных, в разодранных гимнастерках, в кровавых бинтах. Последним у стены стоял Димка с трофейным автоматом на груди...

Над разбитой улицей опять взлетели ракеты, повисли зловещими фонарями, заливая все вокруг мерцающим зеленоватым светом.

— Пошли, товарищ лейтенант! — сказал Петр, прилаживаясь поудобней к пулемету.

— По местам! — скомандовал Евдокимов. — Сержант Урузбаев, вы с пулеметом — наверх! Димка — проверить, как раненые! Помочь водой и чем нужно. — И, видя, что мальчишка открыл рот, закончил: — Выполнять приказание!

— Ладно, — пробормотал Димка, спускаясь в подвал.

МЫ — СОВЕТСКИЕ ЛЮДИ

Пожалуй, это были самые тяжелые дни обороны Сталинграда. Гитлеровцам удалось захватить большую часть города, выйти к Волге. Жестокие бои шли в северной части. Линия фронта проходила по цехам тракторного завода, в Ворошиловском районе немцы прорвались на территорию лесозавода и грузового порта. Яростная схватка разгорелась за элеватор. Невозможно было определить, в чьих руках он находится: на верхних этажах засели немцы, на нижних — краснофлотцы из бригады морской пехоты.

Тяжелейшее положение сложилось в центральной части города, где гитлеровцы вышли на набережную и наши войска, прижатые к Волге, удерживали узкую полосу берега. Казалось, немцам стоит сделать еще усилие, и защитники города будут сброшены в реку.

Командование врага уже готовилось к торжественному параду на главной площади города, но проходили дни, недели, а до победы было все так же далеко.

Защитники города сражались за каждый дом, за каждую улицу, за каждый этаж, за лестничную клетку. И если фашистам удавалось продвинуться вперед на шаг, захватить хотя бы метр сталинградской земли, то там оставались горы трупов врага и мертвые защитники города.

Живые не отступали ни на шаг. Бои гремели везде. Советские воины сражались и в окружении, каждый дом стал крепостью.

Шли бои и на Смоленской улице, где остатки стрелковых рот защищали школу и дом Климовых, как значился он теперь на картах. Шесть дней и ночей дрались бойцы, отбивая до десяти атак в сутки.

Особенно тяжело приходилось защитникам дома: немцы пытались во что бы то ни стало овладеть им, как плацдармом для захвата школы. А от школы их удар пришелся бы по набережной. Бойцы еле держались на ногах от усталости. Спать приходилось урывками, в перерывах между атаками.

На седьмой день сержант Урузбаев раздал последние сухари — по одному на брата. Для раненых нашлись две банки тушенки. Все труднее было Димке отыскивать воду и поить бойцов. Но люди держались, и раненые, пытаясь помочь товарищам, из последних сил сжимали оружие.

— Не уговаривай нас, лейтенант,— сказал однажды Евдокимову немолодой колхозник Снитко, которому Дина только что перевязала раны на голове.— Мы — советские люди и должны быть всегда такими!

А когда очередная атака была отбита, Снитко, пощупав кровавый бинт, проговорил, вынимая из кармана листок:

— Вот, прошу рассмотреть, товарищ командир!

Евдокимов взял листок: это было заявление о приеме в партию.

— Хорошо! — сказал лейтенант, бережно пряча листок в планшетку.— Я передам ваше заявление замполиту, и мы обязательно рассмотрим его. В самое ближайшее время. Когда кончится обстрел.

Когда кончился обстрел, Снитко был мертв: шальная пуля ударила в висок, отлетев рикошетом от стены.

Димка, хоть и по привычке за эти дни к мертвым, но все равно с содроганием смотрел на коченеющее большое тело человека, смотрел, не переставая удивляться, как это получается: только сейчас жил он, дышал, и — нету его, лежит под шинелькой деревенеющий труп. Ощувив на плече чью-то руку, мальчишка вздрогнул.

— Страшно? — тихо спросил Евдокимов, и Димка честно ответил:

— Дико все... Жил человек, и вот...

— Идут! — закричал сержант Урузбаев.

И прежде чем припасть к своему окошку, Евдокимов не приказал, а попросил Димку:

— Ты уж поосторожней, а?

...Бойцы маленького гарнизона отбили очередную атаку и в очередной раз полезли в темноту собирать патроны. Не успели отползти и десятка метров, как ночь распорол автоматные очереди, сверкнули смертоносные строчки. Кто-то вскрикнул... Сержант Урузбаев вернулся злой, как шайтан. Ругался сквозь зубы, узил зоркие глаза.

— Засада! — доложил он Евдокимову. — Двое убиты.

— Да, — протянул лейтенант. — Дело дрянь.

— Разрешите, товарищ лейтенант! — Петр положил на стол перед Евдокимовым толковую шашку с обрывком запального шнура. — Вот, нашел... Можно вместо гранат использовать, только наловчиться!

— И сколько их у вас?

Петр пожал плечами:

— Пяток, товарищ лейтенант!

Димка высунул нос из-под шинели и спросил осторожно:

— А бомба пригодится?

— Какая бомба?

— Здоровенная! — стал объяснять Димка, досадую, что в суматохе он совсем позабыл про нее. — С тонну, может, будет! Вон там, у флигеля!

— А ну-ка показывай! — приказал Евдокимов.

Флигель, вернее, его обломки, находился как бы на «нейтральной полосе».

Добрались до бомбы ползком, осмотрели засыпанный стабилизатор.

— Пожалуй, и вправду тонная. Вот уж подложили фрицы свинью под бок, — сказал, возвратясь, Евдокимов. — А что, если замедленная?

— Нет, я часового механизма не услышал! — заверил сержант Урузбаев. — Вот бы нам ее использовать, а?

За восточной стеной дома вспыхнула перестрелка. Бойцы мигом заняли свои места. Стрельба шла где-то в глубине расположения врага, это озадачивало, настора-

живало. Чаше обычного взлетали ракеты, немцев явно что-то встревожило.

— Новую штуку придумали, что ли? — бормотал сержант Урузбаев, стараясь разглядеть что-то во дворе.— Он вдруг привстал: — Товарищ лейтенант! Ползет кто-то!

— Хлопцы, помогите! — раздался снаружи чей-то голос.

Хлестнули пулеметные очереди.

— Давай сюда! — сержант втащил кого-то в окно.

Человек был в советской морской форме, без каски и оружия.

— Вивтоненко! — взглядевшись, узнал Евдокимов.— Старшина!

— Он! — обрадовался прибывший.— Товарищ лейтенант! Живой! А мы думали...

И они крепко обнялись.

Потом старшина Вивтоненко стал докладывать. Приказ был краток: утром в пять ноль-ноль необходимо взять дом на набережной за школой.

— Наши пойдут в лоб, а вы с тыла,— говорил Вивтоненко.— В пять ноль-ноль. Сигнал — две красных ракеты!

Евдокимов надвинул каску на брови.

— Задача ясна? — спросил он, оглядывая своих.

— Ясна,— сказал Урузбаев.— А раненых как же? С собой?

— С собой! Раненых понесут...— И, оглядев бойцов, лейтенант Евдокимов начал называть фамилии самых рослых и сильных товарищей, и бойцы молча кивали.

Помолчав, лейтенант начал называть бойцов штурмовой группы, которые штыком и гранатой должны проложить путь остальным.

— До берега метров пятьсот,— прикинул он.— Нужно преодолеть этот участок как можно быстрее. В этом наше спасение. Приготовиться!

— А я? — тихо спросил Димка, когда все разошлись по местам.

Евдокимов посмотрел на него:

— А ты держись-ка, парень, поближе ко мне и к старшине! Понял?

— Понял,— ответил мальчишка, сжимая автомат.

— Ну и хорошо,— улыбнулся ему Евдокимов и спро-

сил вдруг, не отрывая глаз от окна и прислушиваясь к чему-то: — Ты комсомолец?

— Нет,— вздохнул Димка.— Мне в этом году вступать... А тут — война...

Брезжил рассвет. И вдруг за окном что-то щелкнуло, захрипело, потом донесся усиленный динамиком голос:

— Русские солдаты! Слушайте! Передаем важное сообщение! Через несколько дней Сталинград падет! Одумайтесь! Вы страдаете от голода и жажды! Ваши раненые умирают без медицинской помощи. Немецкое командование во избежание излишнего кровопролития предлагает вам сдаться! Каждый, кто выйдет без оружия, получит хорошие условия и питание три раза в день. Раненым будет оказана медицинская помощь!

Сержант Урузбаев стиснул пулемет:

— Заткнуть ему глотку?

— Отставить! — приказал Евдокимов.

Динамик, похрюкивая, гремел на весь квартал:

— Выходить без оружия, с белым флагом! На размышление — один час! Все оставшиеся по истечении часа в здании будут уничтожены!

Евдокимов завернул край рукава: было три часа утра. Еще час, отпущенный немцами,— это четыре. Не хватает часа, шестидесяти минут...

— Ничего,— тихо сказал лейтенант своим.— Час — это очень даже неплохо. Подготовимся, передохнем. А там и двинем!

— Чихали мы на этот час! — сказал с насмешкой Петр.— Неделю взять не могут, а час им ничего не даст! Нам бы патронов побольше да гранат!

Несколько минут все лежали молча. Даже раненые не стонали, прислушивались. Молчание становилось тягостным.

— Товарищи! — сказал лейтенант.— К нам поступило заявление от Димитрия Климова с просьбой принять его в комсомол!.. Урузбаев!

— Я! — откликнулся сержант.

— Вы, по-моему, комсорг роты. Мы можем сделать это?

— По Уставу — нет, но, учитывая обстановку...

— Да чего там! — подал голос Петр.— Пускай биографию расскажет!

— Чего? — не понял Димка, всерьез или нет говорят люди о таком деле накануне штурма. — Ведь прорыв...

— До прорыва еще сорок девять минут, — сказал Евдокимов. — Так что рассказывай, Димка, свою биографию!

— Родился я, — начал мальчишка, и голос его преврался: о чем мог рассказать он, обыкновенный школьник, никуда из города не переезжавший, никаких подвигов не совершивший.

— Смелей! — весело сказал Урузбаев. — Как в классе! Ну!

Димка вздохнул и начал говорить. А люди, слушая чистый, звонкий мальчишеский голос, на какой-то миг забыли про войну и прорыв.

— О родителях расскажи! — попросил кто-то, и Димка помрачнел:

— Отец пропал без вести, мама погибла... когда через Волгу...

— Ясно! — поспешно сказал Урузбаев. — Я, как комсорг роты, предлагаю принять Дмитрия Климова в ряды Ленинского Союза Молодежи! Кто «за»?

Поднялись корявые солдатские руки, обожженные порохом и огнем.

— Единогласно! — сказал Урузбаев. — А билет ты, Климов, получишь чуть-чуть позже! Ясно?

— Ясно! — ответил Димка и с той минуты твердо поверил, что война кончится, что будет хорошая, светлая жизнь, и ему в просторном зале на виду у всех торжественно вручат комсомольский билет.

— Поздравляю! — стиснул его руку Петр. — Молодец!

Сержант Урузбаев тоже хотел было пожать Димке руку, но слышался гул танковых моторов. Все переглянулись.

— Час еще не кончился! — почему-то шепотом сказал Урузбаев.

— Танки, — прислушался Евдокимов. — Приготовиться!

Сержант Урузбаев вытащил противотанковую гранату, положил перед собой.

Танк, лязгая гусеницами, показался у флигеля. Башня его развернулась, пополз вверх орудейный ствол. До истечения срока ультиматума оставалось десять минут —

целая вечность. А в развалинах, напротив дома, начала накапливаться пехота противника.

— Внимание! — привстал Евдокимов.

И в ту же минуту сержант Урузбаев, схватив белую рубаху убитого, вдруг выпрыгнул в окно и побежал в сторону немцев, спотыкаясь и крича:

— Стой! Не стреляй, слушай! Стой!

— Товарищ лейтенант! — вскочил Петр. — Чего это он?!

— Тихо! — приказал Евдокимов. — Приготовиться к прорыву!

И Димка на всю жизнь запомнил, как бежал к фашистам, к танку, поводящему стволом, маленький сержант, размахивая белой рубахой, в лохмотьях которой была спрятана граната!

Немцы стали высовываться из развалин, самые смелые и нетерпеливые, перебегая, приближались к сержанту. А он приблизился к зарытой бомбе, оглянулся на миг и резко взмахнул рукой.

Ослепительная вспышка осветила двор, взметнулась под хмурое небо. Дрогнула земля, грохнул оглушительный взрыв, ударило по окнам горячей волной, Димка упал. Ему показалось, что дом рушится, но он, старый, крепкий, надежный, только покачнулся и устоял.

А перед домом, во дворе был ад. Там, в клубах пыли и дыма, раздавались крики и стоны, там горела земля, а из огромной воронки торчали гусеницы перевернутого танка.

Едва прошла ударная волна, как лейтенант Евдокимов, выглянув в окно, увидел, что за снесенным флигелем от стены старой школы осталась только груда битого дымящегося кирпича. Путь был свободен!

— Вперед! — крикнул Евдокимов. — Бери раненых! Вперед!

Бойцы выскочили на искореженный двор. Послышался топот ног, взрывы гранат, треск автоматных очередей. Димка, спотыкаясь и хрипя легкими в удушливом смраде, тоже бежал вместе со всеми, стиснув в руках автомат. Ошеломленные фашисты, казалось, совсем не сопротивлялись, но, едва группа миновала воронку, разнесенный флигель и развалины старой школы, как с другой стороны улицы из полуподвальных окон брызнули пулеметные очереди.

Димка увидел, как упали бегущие впереди бойцы, как Евдокимов, пригнувшись, метнул гранату, но тут под ногами мальчишки взметнулась черная земля, и он упал...

Димка лежал без сознания неизвестно сколько времени. Когда открыл глаза, увидел, что рассвело. Он лежал в воронке, видно отброшенный взрывом. Тут же — его автомат: видно, Димка намертво стискивал его. Пошевелил руками-ногами — целы. Крови нигде нет, только в горле тошнота и в ушах далекий непрерывный звон. Он осторожно высунул голову. Впереди, у набережной, гремел бой.

«Прорвались», — с облегчением подумал Димка, и в ту же минуту в небе над Волгой взметнулись огненные хвосты реактивных снарядов. Они взлетали из заволжского леса, непрерывно, один за другим и сразу по нескольку штук, неслись к набережной, туда, где бойцы лейтенанта Евдокимова штурмовали дом на берегу. И Димке казалось, что через Волгу перекинулся огненный мост. Там, где мост этот упирался в правобережье, гремели взрывы, сливаясь в сплошной грозный гул, клочкотало багровое дымное пламя.

— Прорвались! — шептал Димка и плакал от радости, размазывая слезы кулаками по щекам и совсем не думая о том, куда же теперь деваться ему и что будет с ним...

Весь день пролежал Димка в воронке, дождался темноты и пополз среди развалин, сжимая оружие: автомат был теперь его единственным другом и опорой. То и дело наткнулся он на трупы фашистов, разнесенных взрывом на куски. Попадались и наши, и Димка, ужом скользая мимо них, на секунду вглядывался в лица бойцов.

У срезанной снарядом липы лежал Петр, русые волосы его слиплись от крови. Оружия с ним не было. Димка, прижимаясь к мертвому, попробовал достать из кармана документы, но и их не было тоже: может, наши успели забрать, может, обшарили фашисты.

Стиснув зубы, Димка осмотрелся. Пятиэтажный дом на далекой набережной жил, в его окнах вспыхивали огоньки выстрелов. И Димка верил, что там, среди защитников этого дома, господствовавшего над высотой, есть и бойцы лейтенанта Евдокимова, с которыми он бок о бок сражался столько дней и ночей.

Димка стал переползать улицу, но тут откуда-то удари-

ли автоматы, и мальчишка скатился в подвал какого-то разрушенного здания. Взошла мертвенно-бледная луна, и в ее призрачном свете Димка увидел пустырь, обгорелые остовы печей да пни на черной земле. Валялась исковерканная, обожженная домашняя утварь.

Луну закрыли тучи дыма. Черное небо над Волгой вновь прочертили огненные кометы. Димка вздохнул: ему было страшно одному, без товарищей. Хотелось есть. Нашупав сухарь, Димка вытащил его из кармана и съел до последней крошечки. Такого вкусного сухаря он не едал никогда. После еды захотелось пить, но воды нигде не было.

Димка, стиснув автомат, пополз у самой стены, настороженно замирая у каждого полуподвального черного окна.

Пролетела ночь, опять забрезжил рассвет.

Димка скользнул в какое-то окно и, тяжело дыша, стал пробираться в полутьме подвала в самый дальний угол.

Неожиданный шорох заставил его сжаться в комок. Димка напряг зрение. В углу у стены полулежал немец! Он тоже смотрел на Димку и медленно поднимал руку с пистолетом.

Димка вскинул автомат. Глухо пророкотала очередь в подземелье. Немец замер, уронив пистолет.

Димка, преодолевая дрожь, стуча зубами, приблизился. Фашист был мертв. Мальчишка протянул руку к фляжке, валявшейся рядом с врагом, схватил ее и тут же бросил — она была легкой, пустой. Облизнув пересохшие губы, Димка стал пробираться в другой подвал: он не мог целый день быть тут, вместе с мертвым фашистом.

Переползая от дома к дому, скрываясь от пуль за кучами кирпича, Димка упорно продвигался к набережной, к своим.

Но, видно, где-то он приблизился к невидимой черте, к линии фронта, которую невозможно перейти: пулеметные очереди прижали его к земле, пришлось опять искать укрытие в подвале, который оказался битком набит мирными жителями. Никто не обращал внимания на мальчишку, женщины, старухи, малые дети стонали, причитали и плакали.

Вдруг слышались резкие слова команды, и Димка увидел немцев: они поднимали людей, прикладами вы-

гоняли их из подвала. Димка схватился за автомат, но понял, что ничего не сделает один против стольких врагов. Осторожно сунул оружие под кирпичи и прибил к группе женщин.

— Димочка! — услышал он плачущий голос и с трудом узнал в седой старухе когда-то красивую, ухоженную Эмилию Наумовну. — Димочка! Это ты, милый мой мальчик!..

Фашисты выгнали всех жителей, построили их в колонну и погнали к западной окраине города. Измученные люди еле передвигали ноги, но шли молча, даже дети не плакали. Конвоиры подгоняли народ прикладами, без пощады били отстающих.

— Димочка, что же это делается... — шептала Эмилия Наумовна, дрожащей рукой обхватив мальчишку за плечи и двигаясь из последних сил. — Это ж не люди, Димочка!..

В голове колонны произошло замешательство, движение приостановилось. Конвоиры, расталкивая людей, бросились туда и выволокли на обочину маленькую старушку. Высокая худая женщина в зеленой кофте, хватая конвоиров за руки, пыталась объяснить что-то. В старушке Димка узнал Софью Александровну, свою учительницу, а женщина в кофте была ее дочь, Надя. Димка, не зная, что будет дальше, рванулся к ним, пробираясь среди людей, напрасно Эмилия Наумовна что-то говорила ему вслед, даже крикнула что-то отчаянное.

— Куда! — схватил Димку за руку какой-то старик. — Им все одно не поможешь!

Софья Александровна сидела на краю дороги: видно, совсем выбилась из сил. Дочка напрасно пыталась ее поднять. Подошел офицер, и солдат стал что-то докладывать ему, часто повторяя слово «юде».

— Всё, — тихо сказал Димке старик. — Теперь всё... Она — еврейка. А фашисты страх как евреев не любят.

Димка видел, как офицер медленно расстегнул кобуру и, отпихнув Надю, выстрелил Софье Александровне в голову. Она упала.

Димка закричал, звон в его голове усилился, в глазах потемнело. Надя, словно разбуженная этим криком, кинулась на офицера и вцепилась ему в волосы. Фуражка фашиста упала на землю. Солдат безуспешно пытался оттащить женщину — она словно застыла. Раздался еще

один выстрел, и Надя, охнув, опустилась у ног своей матери... Офицер заорал на конвоиров. Те заорали на людей, колонну погнало дальше.

Старик подталкивал Димку, не давая ему остановиться. И никак не ожидал этот старик, что мальчишка, за минуту до этого вялый и полумертвый, вдруг окажется таким прытким. Шел он повесив голову, глядя под ноги, а едва поравнялись с развалинами — рванулся и нырнул в обломки стен. Не сразу спохватились фашисты, не сразу открыли огонь, а когда зашелкали пули по кирпичам и железным балкам, Димка был уже далеко.

ГОЛОД

Западный район Сталинграда, расположенный за железной дорогой, был забит немецкими войсками, техникой: гитлеровцы спешили захватить город до наступления холодов и непрерывно подтягивали резервы. Солдаты и офицеры размещались в уцелевших домах, в подвалах разбитых и сгоревших зданий, в блиндажах и палатках. Прижавшись к стенам, стояли замаскированные танки, бронетранспортеры, машины и повозки, зачехленные пушки и минометы. Во дворах и на пустырях высились штабеля ящиков и мешков, накрытых брезентом и маскировочной сеткой.

Гражданскому населению запрещалось показываться на улицах с шести вечера и до шести часов утра, солдаты стреляли без предупреждения. Возвещая о «новом порядке», на каждой стене висели приказы военного командования. С немецкой аккуратностью перечислялось в них все, что не разрешалось делать гражданскому населению, за нарушение запретов одна кара — расстрел. Казалось, что все приказы состоят только из «нельзя» и «не разрешается», советскому человеку не разрешалось жить и дышать на родной земле.

...Вот уже несколько дней Димка скитался как неприкаянный: куда ни сунется — везде немцы. Наконец он набрел на какую-то щель, которую кто-то вырыл на краю выгоревшего дотла поселка. Совсем недавно здесь шумел

лиственной фруктовый сад, кроны яблонь и вишен радовали хозяина, сейчас от сада остались одни обгорелые пни. Деревья, срезанные снарядами, разбросаны по земле.

Закопченные печи стояли как памятники над порушенным человеческим жильем.

Сразу за садом начинался овраг, а за ним — выжженная черная земля, перепаханная железом войны.

Димке понравилось это относительно тихое место, и он решил устроить здесь свое жилище. Потрудиться пришлось немало, пока выкопал щель пошире, накрыл ее сверху кусками железа, досками — чем придется, оставив только скрытый, узкий лаз. Получилось хоть и тесновато, зато безопасно. Немцы, к счастью, сюда не заглядывали: сожженный квартал лежал в стороне от дорог и был окружен оврагами, поэтому Димка чувствовал себя пока в безопасности. Днем он отсиживался в щели, вечерами выходил в поисках еды, рыская по огородам. Иногда в пересохшей, перестоявшей ботве удавалось найти сморщенную морковь, свеклу, пожелтевший огурец или переспелый помидор. Но этого было мало, и голод изводил мальчишку. Он не давал покоя ни днем, ни ночью, мучил даже во сне. Стоило прикрыть глаза, как перед глазами вставали разные кушанья. Снились они так ясно, и запах и вкус ощущались так сильно, что Димка, проснувшись, долго глотал голодную тягучую слюну. Он ворочался, кряхтел, вдыхал запах сырой земли и плесени и пил ржавую воду из котелка, чтобы как-то обмануть желудок.

Однажды под вечер у края сожженного квартала появился вездеход. Офицеры походили, что-то рассматривая, потом укатили, и на другой день на пустыре развернулось какое-то строительство. Грузовики привезли солдат, доски, бревна, а в полдень приехала кухня, и до Димки долетел дурманящий запах супа и мясных консервов.

«Суп гороховый с тушенкой», — узнал мальчишка и понял, что долго он так не выдержит. Нужно что-то предпринимать, а то помрешь с голода. Как на грех, строили немцы какой-то склад — видно, продуктовый. Соорудили наспех навесы, обтянули колючей проволокой, поставили часовых. Ящики и мешки были уложены на доски и накрыты брезентом. Весь склад походил на прямоугольник, в одной стороне были проходные и конторка для начальника. В этой же конторке отдыхали часовые после смены.

Сколько раз, разглядывая склад, Димка размышлял, как проникнуть туда. На первый взгляд дело несложное: подкопаться под проволоку — и хватай мешок! Но мальчишка понимал, как обманчива эта кажущаяся простота. Местность вокруг склада открытая, подходы как на ладони, рядом — воинская часть. Заметят, никуда не убежишь — прошьют очередь.

А голод глодал его душу, высасывал силы, притуплял бдительность, осторожно, исподволь подводя к той страшной грани, за которой лежит безразличие, равнодушие к собственной судьбе. Тогда приходит апатия, тогда все равно, жить или умереть.

И Димка решился. Однажды темной ночью, прихватив какой-то железный прут на всякий случай, он пополз к складу. Не так-то темна оказалась ночь, не так-то бесшумно полз Димка, как хотел: от слабости он шумно дышал и часто останавливался. Дополз до середины пути и, отдыхая в воронке, увидел над краем ее чью-то лохматую голову.

Человек скатился к нему и, схватив Димкину взметнувшуюся руку, стиснул. Железяка упала.

— Тихо! — прошипел незнакомец. — Замри!

Димка сообразил, что фашист не стал бы ползти, прижимаясь к земле. Он постарался унять бухающее сердце. Сделать это ему, однако, не удалось: вышла луна и осветила соседа в воронке, и Димка едва не заорал от радости: на него очумело глядел Васька!

Через несколько минут, сидя в тесной Димкиной норе, ребята, перебивая друг друга, рассказывали о том, что с ними произошло за эти страшные дни. Вернее, рассказывал Димка, Васька помалкивал, отделиваясь двумя словами, только однажды вздохнул с горечью:

— Эх, зря автомат оставил!

— Ну, а ты как? — беспрестанно спрашивал Димка, радуясь, что теперь их двое, что с Васькой он не пропадет. — Ты ведь на хутор собирался? Добрался, да?

— Добрался! — односложно отвечал Васька и, взглянув из щели, сказал деловито: — Ну, пойдём-ка! Пора!

Они выбрались из логова и поползли, но только когда отползли подальше, Васька разрешил подняться на ноги. Мальчишки нырнули в овраг.

— Уф! — облегченно сказал Васька. — Не люблю на пузе елозить! Тут ничего, тут можно и в рост!

— Постой! — остановился Димка. — А ты-то зачем у склада оказался?

— За делом! — кратко ответил Васька: он был какой-то другой, взрослый и суровый и знающий какую-то тайну, которую Димке пока знать было не положено.

— Погодь-ка! — сказал Васька, когда они прошагали оврагом довольно долго. — Погодь!

И полез по склону. Димка испугался, что опять останется один, и стал карабкаться следом за ним. Высунул голову. Оказывается, они обошли склад с другой стороны.

Здесь близко видна была улица, а на ней слышался шум танковых моторов.

— Васька! — прошептал Димка, и тот дернулся.

— Тихо! — прошипел товарищ так остервенело, что Димка в страхе замолчал.

А Васька лежал долго, шевелил губами, что-то бормотал, а потом опять скатился в овраг. Губы его растянулись в улыбке. Он посмотрел на Димку, словно впервые увидел его.

— Есть хочешь? На!

— Васька!..

Димка обеими руками ухватил хлеб и луковицу, стал есть, давясь и чавкая, а Васька печально смотрел на него и больше не улыбался.

— Спасибо, — мигом проглотил последний кусок Димка. — И только тут опомнился: — Ой, а ты-то как же?!

Стыд ожег его щеки: сам все съел, ничего не оставил другу!

— Ничего! — успокоил Васька. — Ничего... Пошли!

Они вошли в кусты, которые сухо шуршали и трещали. Вдруг из глубины кустарника навстречу им шагнула женщина, показавшаяся Димке знакомой.

— Стой! — приказал ему Васька и, подойдя к женщине, о чем-то пошептался с ней.

Потом женщина скрылась в кустах, а Васька вернулся к Димке.

— Ой, это же она! Помнишь? — обрадовался мальчишка. — Ну, дочка Мартынюка! Да? Нюрка!

Глаза Васьки стали жестокими и злыми.

— Дурак! — отрезал он. — Какая тебе дочка! Вот болван! Болтун чертов!

— Вась, а Вась, — пробормотал Димка примирительно, — я и вправду дурак... Мне показалось...

— А когда кажется, креститься надо! — отрезал Васька уже более мягким тоном.

Димка уже не понимал, сколько они шли и куда ведет его неутомимый Васька. Ноги его цеплялись за корни и бугорки, и Васька то и дело недовольно останавливался и смотрел на него, хмуря брови.

Наконец вошли они в темный глубокий овраг, в котором еще плавала серая предрассветная муть. В застоявшемся воздухе никакого движения, пахло сыростью и тиной. Над ручьем, струящимся на дне балки, клубился туман. Ниже по ручью темнели норы, и Димка догадался: здесь живут люди.

Димка увидел женщин, которые искали что-то на склонах, поросших травой. Слабо дымили две печки, грубо сложенные. Девочка лет пяти сидела на бревне и сосредоточенно толкла что-то в медной ступке. Она подняла на Димку внимательный недетский взгляд, и мальчишка медленно опустил перед ней на колени:

— Леночка! Здравствуй! Ты помнишь меня? Я — Димка! Димка!

Девочка разжала тонкие губы, сказала медленно, равнодушно:

— Димка...

— Ну да! Еще собака у меня была, помнишь? Рекс?

Глаза девочки на миг оживились, она сказала побыстрее:

— Мягкая...

— Мягкая, мягкая! — обрадовался Димка. — Мягкая!

— Здравствуй, Леночка! — появился как из-под земли Васька и протянул ей горбушку хлеба.

Девочка откусила кусочек, остальной хлеб отдала Ваське. Тот замахал руками:

— Не! Это тебе! Всё! Ешь, ешь! Я вот как налопался!

— Спасибо. — Девочка кусала хлеб и смотрела на Ваську, тот отворачивался, прятал глаза.

— Вася, ты маму не нашел, нет?

— Найду! — не поворачиваясь, горячо отвечал Васька. — Знаешь, как в городе! Все развалено! Но я найду!

И, отведя Димку в сторону, Васька поведал страшное: Леночкину мать убили фашисты, а саму девочку в беспамятстве подобрали местные жители и принесли сюда.

— Кто подобрал, кто принес? — спросил Димка и напоролся на тот же отчужденный Васькин взгляд.

— А Мишка? — спросил Димка, чтобы как-то перевести разговор, и Васька, вздохнув, сказал, что пока никаких сведений насчет Мишки у него нет.

Димка осмотрелся. Женщины по-прежнему лазили по склонам оврага.

— Чего они? — кивнул он, и Васька сказал:

— Крапиву собирают, лебеду...

Туман помаленьку расходился, и Димка наконец-то разглядел женщин — худых и бледных, с потухшим взглядом.

— Ничего, — пробормотал Васька. — Немного осталось терпеть...

— Склад, да? — понял Димка, и товарищ на этот раз не обругал его за язык, а молча кивнул.

В голове у Димки тьма вопросов, но он сдержался. Ему ясно главное: за Васькой стоят другие люди, для которых совсем не безразлична судьба этих женщин и этих ребятшек.

— Слушай, Васька, — сказал Димка твердо, — если тебе нужна моя помощь, я всегда готов! Понял? Куда надо, туда и пойду! Меня в комсомол даром, что ли, приняли!

Васька посмотрел на друга по-доброму. Хмыкнул. Улыбнулся.

— Ладно! Там видно будет! Пока отдохнуть тебе надо.

НАЛЕТ

Слегла Леночка. Она таяла с каждым днем, и с каждым днем Димка ждал: вот-вот придут люди и принесут продукты, добытые с того склада. Васька с утра пропадал где-то, возвращался вечером, злой, голодный, не отвечающий на Димкины вопросы. Он сразу проходил к Леночке в холодную пещеру и долго сидел возле нее, с болью всматриваясь в похудевшее личико.

Однажды Леночка открыла глаза и горько заплакала, а когда Димка склонился над ней, она, протянув к нему тонкие прозрачные руки, простонала:

— Мама... мамочка...

Димка вскочил, пулей вылетел на воздух. Васька подошел к нему, тронул за плечо. Димка резко повернул голову, губы его прыгали.

— К черту! — зашипел он, ощерясь. — Я сам пойду! Сам, один! Или еду принесу, или сдохну! Понял? Ты смотри на нее — ведь умрет! А? А что я лейтенанту Евдокимову скажу, что?!

— Не шуми, — вздохнул Васька. — Что-нибудь придумаем...

Он ушел ночью и вернулся на рассвете с мешком на плече.

— Картошка! — коротко сказал Васька, сбрасывая мешок на землю и сам валясь рядом.

Его тотчас окружили молчаливые, похожие на живые скелеты женщины.

— Где взял? — Димка засунул руки в мешок, и пальцы его задрожали, когда нащупали картофелины, крупные, бугристые, полновесные.

— Там, — вяло ответил Васька, не поднимаясь с земли. — Сварить надо... Леночке... И всем.

Картошки хватило на три дня, а потом снова пришел мучительный, подтачивающий силы голод.

И наконец однажды вечером Васька с хитрым видом вызвал из мрачной норы Димку. Он молча провел его тайными тропами куда-то в глубину оврага и там сказал какой-то женщине, вышедшей из кустов:

— Вот он!

— Ну, здравствуй! — протянула руку женщина, и Димка сперва увидел на ее груди вороненый немецкий автомат, от которого он не в силах был отвести взор, а уж потом — лицо.

— Ой! — обрадовался он, узнав Анастасию Семеновну, жену Мартынюка. — Это вы?

Она внимательно, пытливо вглядывалась в Димкино лицо, которое ей, видно, понравилось; женщина слегка улыбнулась и перевела взгляд на Ваську. Если раньше она была немногословной, то теперь и вовсе показалась Димке замкнутой, нелюдимой. Васька кратко докладывал ей про

склад, про Леночку, она только кивала, а выслушав все, сказала единственное слово:

— Сегодня!

Васька сразу повеселел и, шагая в обратный путь рядом с Димкой, даже насвистывал.

— Ну, Димка, сегодня идем на склад! — сказал он, когда показались впереди черные дыры горемычных людских жилищ.

— Ясно! — кивнул Димка, хотя ничего ясного для него не было: кто будет убирать часового, кто прикрывать нападающих, кто таскать продукты?

А Васька старательно сматывал длинный телефонный провод, осматривал какие-то мешки, помалкивал. А потом велел Димке ложиться спать и набираться побольше сил — они ему вот как пригодятся! А еще он сказал, что разбудит товарища, когда надо.

Димка послушно ушел в свою нору, но спать не стал: лежал, слушал ночь.

Где-то затопали сапоги, кто-то тихо разговаривал, потом зафыркала лошадь, и Димка удивился: откуда тут лошадь? И заснул. Показалось, что он едва закрыл глаза, а Васька уже светит в лицо карманным фонариком, ворчит:

— Ну и дрыхнуть здоров! Вставай, соня!

Димка вскочил, как был: в пиджачке, изрядно потрепанном, в кепчонке, в ботиночках. Васька стоял перед ним в солдатских штанах, в гимнастерке с ремнем, в сапогах, а на груди его поблескивал немецкий автомат. Рядом с Васькой стояли еще какие-то люди, по росту и голосам угадывались подростки. У кого был автомат, у кого винтовка, у кого штык.

— Пошли! — сказал Васька, оглядев свое малочисленное воинство, и группа пропала в ночи.

Сначала Димка все время спотыкался, едва не падал, пока не привык к темноте. Спереди и позади него, посапывая, шли ловкие, осторожные люди. Изредка чуть постукивало оружие, и снова наступала тишина.

Они вылезли из оврага в том самом месте, где Васька лежал тогда с Димкой, подсчитывая немецкие танки в переулке. Сейчас там, где были танки, ни огонька, ни шороха. Тихо и на складе, только слышно, как поскрипывает песок под сапогами часового.

Долго лежали молча. Неожиданно где-то в черном небе

послышался слабый комариный писк. Он нарастал, становился отчетливей, и вот уже Димка услышал близкий рокот самолетов. Рокот этот не был мощным, как у тяжелых бомбовозов, не могли с таким стрекотом мчаться и штурмовики, и истребители. Нет, это летели маленькие, легкие самолетчики, вчерашние учебные «этажерочки», а ныне ставшие ночными бомбардировщиками.

Вспыхнули прожекторы, судорожно заметались по небу, ударили зенитки, раскатисто затрещали очереди крупнокалиберных пулеметов, в небо понеслись огненные трассы. Но сквозь этот гул и треск настойчиво пробивался, нарастал стрекот самолетиков.

— Сейчас дадут! — пробормотал Васька и сунул в руки Димке свой автомат. — В случае чего — прикроешь! Понял?

И сам пропал.

— Понял! — кивнул Димка, жадно хватая оружие. И едва только руки его коснулись холодного металла, как в душу пришло спокойствие. Димка поудобнее улегся на краю оврага и положил перед собой автомат.

Откуда-то вылетела ракета, точно указав в переулоч, на немецкие затаившиеся танки и машины.

Раздался резкий свист — это бомбы полетели к земле. Раз за разом огненно лопнула ночь, свистнули осколки. В переулочке у разрушенных стен взвился огненный смерч — одна из бомб попала в бензовоз, и он взорвался, разбрызгивая вокруг себя языки огня. Сразу стали отчетливо видны танки и машины. Они двигались, пытались уйти от бомбежки. Сквозь грохот прорывались отрывистые слова команды, Димка видел, как бегут и падают фашисты. Слышался лязг металла, рев моторов. Танки сталкивались друг с другом, иные машины горели, и от них, как крысы, бежали в разные стороны фашисты.

Две или три бомбы рванули у самого склада, и часовой упал. Дверь конторки распахнулась, вспыхнула желтым пятном, и из этого желтого стали выскакивать люди. Раскатисто грохнуло в скоплении танков, взлетел столб огня. Димка увидел, как отбросило в сторону тяжелую башню. Другой танк на полном ходу врезался в машину и смял ее.

— Ага! — бормотал Димка, стискивая кулаки. — Бей гадов! Бей!

Он не заметил, что стоит на коленях. Появившийся Васька сильной рукой придавил его к земле. Васька что-то крикнул, и его группа, пригибаясь, метнулась к складу. Рядом с Димкой очутилась лошадка. Ловкие, как чертенята, мальчишки таскали на телегу мешки и ящики. И Димка не сразу заметил, что стрельба пошла по всему городу, что ожил на далеком берегу и тот самый дом, в который прорывались бойцы лейтенанта Евдокимова.

Налет прекратился неожиданно, как и начался. Горели танки и машины, растекалась от бензовоза огненная река. Лошадка пропала, голоса возчиков слышались позади Димки, в овраге. Рядом с Димкой шлепнулся запыхавшийся Васька. Он дышал с хрипом, кашлял и плевался — видно, надышался дымом.

— Всё? — тихо спросил Васька темноту.

— Всё! — ответили несколько голосов.

— Отходи! — приказал он и потянул у Димки свой автомат.

Тот крепко вцепился в оружие.

— Ты чего? — удивился Васька. — А-а! Ну ладно, погоди!

И он побежал к складу, где на самом свету лежал мертвый часовой, а возле него валялся автомат. Ловкий Васька успел добежать до фашиста, успел схватить его оружие и еще пару рожков успел вытащить из-за голенища, как вдруг Димка с ужасом заметил черные тени, метнувшиеся по пламени. Они окружали Ваську, бежали наперерез, а он, ослепленный пламенем, не видел врагов.

— Васька-а! — отчаянно закричал Димка и, встав на колено, вскинул автомат.

Очередь его была неожиданной — фашисты то ли залегли, то ли упали, сраженные. Васька на бегу послал длинную очередь и, крикнув Димке: «За мной!» — помчался не в ту сторону, куда уехала лошадка, а совсем в другую.

Димка понял, что Васька отвлекает фашистов, уводит их от своих. Скоро они оказались на знакомом пустыре, и Димка узнал свою нору.

— Васька! — потянул он друга за руку, но тот отмахнулся:

— Погоди-ка! Смотри, что там?

Димка увидел самолет. Маленький «кукурузник»

стоял, накренившись, в тени разрушенной стены, и его не сразу можно было разглядеть.

— Наш! — прошептал Димка. — Ты куда?

— Слушай! — дохнул ему прямо в лицо Васька. — Я пойду, а ты, если что, полосни по мне, понял?

— Сдурел?! — опешил мальчишка.

— А если к ним попаду? Станут измываться... Лучше, да?

— Ладно, — пробормотал Димка.

— Ну гляди! — Васька кивнул ему и стал пробираться к самолету.

Видно, летчик хотел дотянуть до своих, но врезался в развалины. Еще слабо крутилось колесо самолета. Одно крыло было сломано, хвост задрался. У самолета лежал летчик, другой свесился из кабины, повиснув на ремнях.

Васька подбежал к лежащему, стал теревить его, рука окунулась во что-то теплое, вязкое. Васька отшатнулся: у летчика был раскрыт череп.

Он, вскочив на обломок крыла, стал отстегивать ремни, никак не мог второпях справиться с ними и, вырвав финку, разрезал их. Летчик обмяк, уронил голову в шлеме и в больших очках. Васька стал тормозить его, и летчик застонал. Подбежал Димка.

— Ты?! — закричал было Васька, но, продохнув, приказал: — Помогай!

С трудом они перетаскивали летчика в узкую Димкину щель. Долго сидели отдуваясь. Потом сняли с человека шлем и очки, и длинные черные волосы рассыпались по плечам летчика. Васька осветил фонариком.

— Виолетта! — узнал Димка, и девушка, открыв черные глаза, туманно, словно издали взглянула на него, потом глаза ее, дрогнув длинными ресницами, снова закрылись.

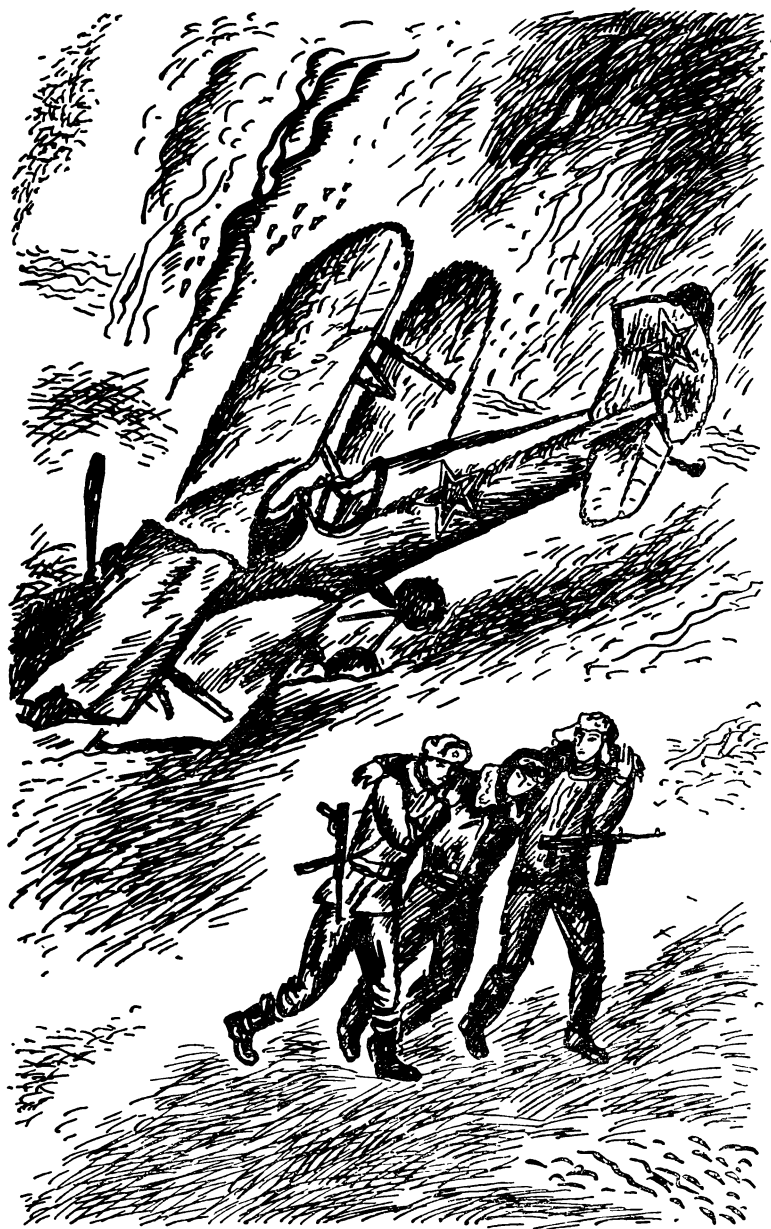
— Умерла? — испугался Димка.

Васька послушал неровное дыхание девушки, сказал уверенно:

— Нет! Не умрет! Помоги-ка!

Он ловко стянул с Виолетты сапог, как умел, перевязал рваную рану на ноге, туго затянул повязку. Летчица застонала в забытии.

— Да-а, — пробормотал Васька. — Надо ее отсюда вытаскивать! Пока не поздно.

— Поздно! — показал Димка.

В конце улицы появились немцы.

Васька пошарил в карманах Виолетты, вытащил пистолет, щелкнул курком.

— Держи! — сунул он пистолет Димке, а сам положил перед собой рядом с автоматом круглую рубчатую «лимонку». — Дурачье, надо бы нам пулемет снять!

Немцы медленно приблизились к самолету, склонились над трупом летчика. И Васька похвалил себя за то, что забрал его документы.

— Вроде пронесло, — вздохнул он, видя, что фашисты не собираются прочесывать развалины.

Но тут в предрассветных сумерках они увидели, как из-за угла вывернулся крытый грузовик, из которого стали выпрыгивать гитлеровцы. Было видно, что это прибыли настоящие мастера облав и прочесываний: все в их движениях четко и отлаженно. Офицер подал команду, и солдаты, блестя тяжелыми касками, цепью быстро пошли в сторону ребят. Рвались с поводков огромные овчарки.

— Всё, — сказал Васька. — Влипpli!

Он высунул голову из щели, поудобнее приладился к автомату и приказал:

— Стрелять по моей команде. Пускай подойдут поближе... Бей по собакам, понял?

— Понял, — прошептал Димка, вспомнив любимого Рекса. Зубы его стучали, но страха не было.

— На всякий случай запомни: вон там, за развалинами, начинается овраг, — сказал Васька. — Пойдешь по нему до ручья. Понял?

— Понял, — кивнул Димка и подумал с тоской, что вряд ли придется ему увидеть овраг, и ручей, и Леночку.

В темной норе застонала Виолетта. «А она как же?!» — обожгла Димку отчаянная мысль. Нет, они должны спасти ее, спасти даже ценой собственной жизни. Он вспомнил сержанта Урузбаева: как бежал тот, размахивая обрывками рубахи, и как ударил гранатой по бомбе. Эх, если бы тут была такая же бомба! Но впереди, на пустыре, возле угла развороченного склада, бежали солдаты в тупых касках, и рвались на поводках оскаленные собаки.

— Ну, прощай, Димка! — яростно заорал Васька и дал очередь.

Димка тоже припал к автомату, задрожавшему в его

руках. Упали два фашиста, завизжала, завертелась собака. Гитлеровцы прижались к земле. Брызнули ответные очереди, высекая фонтанчики пыли.

Васька, широко размахнувшись, швырнул гранату. Охнул взрыв, и еще одна собака, подброшенная вверх, упала и замерла на земле. Из кузова машины ударил тяжелый пулемет.

Под прикрытием его огня солдаты вскочили и кинулись вперед во весь рост, поливая свинцом развалины.

— Не стреляй, — тихо сказал Васька. — Побережем последние патроны. Пускай гады подойдут.

И тут случилось чудо. Низко над складом, над улицей, над развалинами пролетел маленький «кукурузник», неведомо откуда молчком вынырнувший. Видно, подруги Виолетты не хотели оставить ее в беде. Пронесясь над головами фашистов, самолетик засыпал пустырь мелкими бомбами и гранатами, которые рвались в самой гуще обезумевших врагов. Не давая им опомниться, «кукурузник», взревев мотором, пошел на второй заход.

— Бери ее! — приказал Васька.

Ребята, подхватив Виолетту, выскочили из щели и из всех сил побежали в сторону развалин, за которыми начинался овраг. Сзади гремели взрывы, слышались крики фашистов и истошный лай собак.

Навстречу мальчишкам из какого-то окна, из подвала, ударил пулемет. Они метнулись в сторону. Залегли. Уходили драгоценные минуты, сейчас немцы опомнятся и схватят их.

— Смотри! — указал Димка на едва заметную щель в стене, вернее, под стеной, и ребята протиснулись туда сами и протащили Виолетту.

Сразу за стеной, за кучами битого кирпича, шелестели сухие кусты, а за кустами была бездна.

— Давай туда! — приказал Васька.

Раздумывать было некогда. Мальчишки, задыхаясь, из последних сил бросились к кустам и замерли на гребне глубокого оврага.

— Спускайся! — прошептал Васька, и ребята, обдираясь о колючие сучья, стали спускаться по откосу, стараясь не очень трясти раненую.

В овраге было душно и сумрачно; утро начиналось наверху, сюда, в глубину, оно не успело еще добраться.

Мальчишки брели, еле волоча ноги. Хотелось пить. Но останавливаться было нельзя: дорога каждая минута.

— Стой! — раздался из кустов грозный окрик, и Васька мгновенно упал, выпустив Виолетту. Голова ее стукнулась о землю, девушка застонала. А Димка так и стоял, ухватив ноги девушки — одну в сапоге, другую босую, перебинтованную кровавым тряпьем.

К ним подошли какие-то люди — мужчины, женщины, и одна из них, вглядываясь, сказала радостно:

— Вот они, чертенята! А мы уж не чаяли!..

— Анастасия Семеновна! — пробормотал Димка.

Ноги его подкосились, он без сил рухнул на сухую траву.

ВИОЛЕТТА

Продукты спасли «пещерных жителей». Однако немцы, заподозрив что-то, начали обыски и облавы по всему району, и оставаться здесь дальше, а тем более с раненой летчицей было опасно. Пока что солдаты прочесывали развалины, сгоревшие подворья и не больно лезли в мрачные, казавшиеся бесконечными овраги. Только однажды группа фашистов появилась у крайней пещеры и затопталась в нерешительности у входа.

— Там никого нет: дети, — сказала им женщина.

Оттолкнув ее, солдат вошел в тесную нору, поводя автоматом. Офицер осветил фонариком бледное лицо Леночки.

— Внучка, — сказала женщина. — Болеет. Тиф у нее, тиф.

Офицер понял. Он бросил подозрительный взгляд на Леночку и попятился к выходу, за ним выскочил солдат.

На сей раз немцы ушли, но кто поручится, что завтра не нагрянут они снова, не выгонят всех, не расстреляют?

— Будем перебираться! — сказал Васька, сбегав куда-то за советом. Шепотом он сообщил Димке, что по всему городу развешаны объявления о розыске советского летчика. — Награду обещают! Гады!.. Паршивые!..

— Пускай обещают! Разве кто выдаст!

— Всекие есть, — пробормотал Васька. — Такие, как Пашка Нуль или Юлька-воровка.

— Пашка? — совсем забыл про него Димка. — Ты что, видел его, да?

Но Васька перевел разговор.

— Когда перебираться? — спросил тогда нетерпеливо Димка, и друг ответил:

— Скажут! А сейчас пойдём-ка поищем местечко получше. — Он посмотрел, как шарит Димка в укромном месте, как вытаскивает бережно завернутый в тряпку автомат, и сказал: — А вот это оставь. И вообще никакого оружия, никаких бумажек мы с собой не возьмем. — Оглядев его, хмыкнул: — А вид у тебя самый подходящий, бродяжный вид! Сойдешь!

Тут только Димка заметил, что и Васька одет в какие-то лохмотья, на голове соломенная шляпа.

— Ясно, — сказал он, снова запрятывая автомат.

— Документы есть? — спросил Васька, и Димка вытащил из кармана потёртое письмо. Дрогнувшей рукой подал его другу. Васька прочитал и насупился.

— Оставь тоже, — пробормотал он, возвращая письмо, и, помолчав, спросил: — Ты ел сегодня?

Димка кивнул и отвернулся. Васька искоса взглянул на него:

— Тебе есть надо... Вон какой тощий... На!

И сунул ему горбушку. Димка жевал, и что-то больно соленым казался ему черствый кусок...

К вечеру ребята забрели в такую глухомань, что небо над головой казалось им маленьким и очень далеким.

— Ух, мрачно тут! — поежился Димка, потирая ободранную щеку и присаживаясь на корточки.

После того прорыва, когда мальчишку отбросило на камни взрывной волной, у него часто болела голова и поташнивало. Звон в ушах временами пропадал, а иной раз становился невыносимым.

И теперь все звенели и гудели в голове колокола, голос Васьки доносился издали:

— Зато местечко надежное! Гляди!

Васька скрылся в кустах, покрывающих все склоны оврага, и позвал Димку. Когда тот протиснулся следом, он увидел дыру за кустами. Дыра вела в глубокую просторную пещеру.

— Как? Нравится? — Васька зажег сухую ветку и осветил дальние углы. — Я про это мстечко давно знаю! Сюда и перенесем Виолетту, и Леночку, и других!

...Они возвращались, когда начало темнеть. На полдороге у родничка увидели женщину, сидящую к ним спиной. Глазастый Васька дернул Димку за рукав. Оба присели.

— Не наша, — прошептал Васька. — Зачем она тут?

Осторожно приблизились. Женщина вздохнула, встала с коряги, повернулась, и Димка узнал Юльку-воровку.

Не прячась, шагнул из кустов. Юлька подпрыгнула:

— Ой, ктой-то?!

— Я! — успокоил Димка, глядя в испуганные Юлькины глаза.

Она присела, схватившись за сердце:

— Ох, мама, чуть не подохла! Чего вас тут носит?

— А вас? — сурово, по-хозяйски спросил Васька. — Как твоя торговлишка?

Юлька махнула рукой:

— Сгорела!

Они стояли друг против друга, еле узнавая один другого. Да, перед Димкой была Юлька-воровка, живая и невредимая, но от прежней нагловатой Юльки ничего, пожалуй, не осталось: была только страшно похудевшая, смертельно уставшая женщина с поседевшими волосами.

Васька был прав: Юлька действительно не могла расстаться с мечтой о наживе. Когда пришли немцы, ловкая баба занялась торговлей. В дело шло все: и барахло, и зажигалки, и шнапс. Поначалу Юльке показалось, что жизнь ее наконец-то налаживается, она с благословения фашистов даже открыла в каком-то подвале что-то вроде лавочки, которую охотно посещали гитлеровские вояки и полицаи, чтобы пропустить стаканчик-другой. Но однажды пьяные «гости» сожгли ее «магазин». Юлька побежала было жаловаться властям — ее избили и выгнали. И осталась она одна-одинешенька. И Пашка Нуль, к которому Юлька обратилась за помощью и советом, презрительно посмеялся над ней, сказав:

«Дурой ты была, дурой и осталась! Нету в тебе мечты, фантазии, размаху нет!»

У самого Пашки были мечта и размах: он состоял при немецком складе продовольствия в какой-то неведомой Юльке, но, видно, очень важной должности, носил сапоги со скрипом и форму полица.

«Дура! — еще раз повторил Пашка. — Времена переменялись, не упусти момента!»

— Слушай, Димка, — прошептала теперь потерянным голосом Юлька. — Неужто времена переменялись, а? И это навсегда?

— Ничего не навсегда! — хмуро ответил ей Васька. — Погоди! Накостыляют наши твоим поганым фашистам! И Пашке твоему! Только перья полетят!

— Хорошо бы, — вздохнула Юлька. — Новая бы жизнь началась...

Мальчишки смотрели на нее и не понимали, о какой новой жизни мечтает она. О новом, что ли, хождении по базарам, о новых проделках, как раньше?

— Чего глядите? — усмехнулась Юлька, поняв их мысли. — Думаете, нету уж для меня новой жизни, да? Я, может, работать пойду... Ребеночка возьму на воспитание, девочку...

— И куда ж ты теперь? — спросил Васька.

Юлька пожала плечами. Все та же на ней кофтенка, все та же прическа: никакой прибыли не дала Юльке война.

— Возьмите с собой, а? — тихо попросила вдруг Юлька, и мальчишки переглянулись.

— Да куда ж мы тебя возьмем? — хмуро пробормотал Васька. — Что у нас, гостиница? Или, может, ресторан?

— Врешь ты все, — вздохнула Юлька. — Знаешь, куда идешь! Я же вижу... А мне податься некуда... Пропаду...

— Возьмем ее, а? — шепнул Димка, и Васька больно ткнул его локтем.

Димка вспомнил, как Юлька спасла его от Пашкиного ножа, и твердо сказал:

— Пойдем с нами!

— Дурак! — Васька треснул его по затылку.

Звон наполнил, расколол голову Димки, настала ночь...

Очнулся уже под звездами. На коленях стояли возле него Васька и Юлька, дышали в лицо, брызгали водой.

— Ты что, Димка, а? — суетился Васька. — Больно? Да я же чуть-чуть!

— Это от нервов,— убежденно сказала Юлька.— Бывает! Я вот тоже не раз так грохалась!.. Дойти-то сможешь?

Димка кивнул и поднялся. Юлька и Васька подставили свои плечи, и мальчишка, опираясь на них, побрел, еле перебирая ногами.

Когда подошли к пещерам, услышали вдруг резкий пистолетный выстрел.

Васька бросился в дыру. На постели из сухой травы, слабо освещенная ночником, лежала Виолетта, а рядом с ней — Анастасия Семеновна. В руке она держала маленький дамский браунинг.

— Кто стрелял? — кинулся к ней Васька.— Зачем?

— Она,— кивнула женщина на Виолетту.— Как я успела!..— И покачала головой.

— Зачем она? — недоуменно смотрел Васька.

Виолетта туманным взором посмотрела на него, на Димку, возникшего из темноты, и отвернула голову, видно, никого не узнавая. Ее четкий профиль, словно выточенный из белого мрамора, резко выделялся на темном фоне «подушки» — рюкзака, набитого сухой травой. «Красивая»,— подумал опять Димка. А Виолетта, взглянув на него горящими больными глазами, сказала:

— Обуза я... А тут дети...

— Лежи уж,— ворчливо проговорила Анастасия Семеновна.— Скоро к нашим тебя переправим!

— Как? — пробормотала Виолетта.— Кругом фронт... Враги...

— Ладно, помолчи-ка, давай я тебя перевяжу лучше,— сказала Анастасия Семеновна и прогнала ребят из пещеры.

— Плохо,— сказал Васька Димке.— Горит вся. Бредит... Лекарства нужны...

— Ой-ой-ой! — проойкала Юлька.— Беда-то какая... Я тут девочку видела, ма-аленькую... Тоже такая плохая... Помрет... И все мы тут подохнем...

— Не карчай! — разозлился Васька.— А сиди и помалкивай! Для тебя же лучше! И никуда отсюда ни ногой, ясно?

— Ясно, ясно! — покорно согласилась Юлька.— Я молчу! А кто эта тетка, а? — кивнула она на Анастасию Семеновну.— У нее небось наган есть?

— Пушка! — отрезал Васька и так взглянул, что Юлька прикусила свой длинный язык.

После перевязки Виолетта затихла и уснула. Ребята вытащили из кустов приготовленные самодельные носилки, взяли оружие, при виде которого у Юльки округлились глаза, и стали дожидаться команды.

Ночь стояла не по-осеннему ясная. Ветер гнал по Волге дым. Небо над городом черное, словно затянутое крепом, а здесь, на окраине, вдали от боя, оно было чистое, в звездах. Луна заливала ярким светом все вокруг.

— Ох, хо-хо! — вздыхала Юлька. — Грехи наши тяжкие!..

— Шла бы ты спать! — сердито сказал Васька. — Место тебе выделили. И дрыхни!

— Страшно, — призналась Юлька. — И мыши там небось... И сыро... Бррр! Я лучше тут посижу, а?

Димка сидел на холодной земле, потирал пальцами брови. Болела голова, опять поташнивало, и что-то творилось с глазами. Он встал, отошел подальше и вдруг упал. Показалось, что голову стянул стальной обруч. Началась рвота.

Анастасия Семеновна поспешила на помощь. Отвела в сторону, чем-то напоила и, когда Димкины зубы перестали стучать о край кружки, спросила, давно ли это у него.

— С прорыва, — тихо ответил Димка. — Как ударило тогда...

— И тошнит? И голова болит, да? И глаза болят? Плохо видят в сумерках?

Димка кивал: все было так, как говорила женщина. А она, задумавшись, вздохнула:

— Это контузия... Тебе бы сейчас питание, покой... лечить бы тебя...

Димка улыбнулся:

— Ничего, мне лучше... Вы только никому не говорите, а?

Подошел Васька, снаряженный по-боевому:

— Скоро?

— Сейчас! — взглянула на часы Анастасия Семеновна.

На гребне оврага показались быстрые тени. Васька вскинул автомат:

— Кто идет?

— Свои!

В овраг бесшумно скатились люди, в плащ-палатках, с немецкими автоматами. Яркий луч карманного фонарика на миг ослепил Димку, а густой бас прогудел радостно и взволнованно:

— Ты?! Живой, парень?!

Фонарик погас, и Димка, поморгав, разглядел наконец скуластое лицо с пышными усами под крупным носом.

— Вивтоненко! — крикнул он, а его уже тормозили, тянули к себе другие бойцы.

— Ну-ка, ну-ка покажись, герой! Да-а, видок у тебя!.

— Ничего, были бы кости...

— Мы его живо откормим!

Димка хотел было расспросить про лейтенанта Евдокимова, про других, про то, как взяли тот дом, на набережной, но ему помешала Анастасия Семеновна, которая кратко доложила о каких-то танках и машинах, о складе снарядов, о чем Димка не имел ни малейшего понятия. Зато теперь ему было ясно, куда это скрывается Васька по целым ночам и дням. Стало обидно: почему Васька ведет себя с ним, как с младенцем, и ничего не говорит ему, никаких серьезных заданий не доверяет. Утешило одно: Вивтоненко крепко разнес Ваську за тот автомат, который чуть было не испортил все дело, не сорвал операцию.

— Мальчишка! — резал старшина. — Щенок! Кинулся на самый свет! А? А если бы сюда фашист нагрянул?! Ведь чудом женщины и дети уцелели! Не-ет, снять тебя надо с задания!

— Товарищ старшина... — тянул Васька школьным голосом и совсем по-ребячьи просил: — Я больше не буду...

— Ладно, веди к ней! — приказал старшина, и бедный Васька потащился в нору к Виолетте.

Женщины и дети собрались на дне оврага. Привычные к молчанию, они не проронили ни слова, только слышался в толпе голосок Юльки: она несла на руках Леночку и что-то говорила ей, подбадривая то ли ее, то ли себя.

— Товарищи женщины! — сказал, выйдя вперед, старшина Вивтоненко. — Мы знаем, как тяжело вам сейчас, но верим, что скоро ваши беды кончатся и врага погонят с

родной земли. Скажу только, что Сталинград стоит и будет стоять вечно!

Общий вздох облегчения был ему ответом.

Вивтоненко продолжал:

— Пока все, что может сделать командование,— это помочь вам продовольствием и медикаментами, а также эвакуировать больных и детей. Остальным необходимо перебраться отсюда подальше: оставаться здесь опасно. Вас поведет вот этот человек!

И Вивтоненко указал на Ваську.

— Ну, в путь! — сказал тот.

Димка взялся было за носилки, но Анастасия Семеновна остановила его:

— Ты будешь в распоряжении разведчиков!

— Ой! — обрадовался Димка.— Слушаюсь, в распоряжении! А Васька?

— А Васька в моем распоряжении! Прощайтесь!

«Почему прощаться?» — подумал Димка, но к Ваське подошел, протянул руку.

Васька крепко пожал ее и сказал странные, непонятные слова:

— Ну, бывай! Может, увидимся!

«Как так «может»?» — нахмурился Димка, но его уже торопили, и он, не успев проститься с Вioлеттой, полез по склону оврага наверх, почти ничего не видя перед собой. Стиснув зубы, боялся одного: только бы не случился припадок. Тогда все пропало, тогда не возьмут в разведку.

Сколько часов шли они, Димка не знал, чувствовал только страшную, все возрастающую усталость. Он не видел, кто идет рядом, только старался не упускать из виду высокую фигуру старшины.

Наконец вышли на ровное поле. Вдали стлался дым над городом, блестела Волга. Ярko светила луна.

Раздался рокот самолета, Димка уже узнал по звуку: «кукурузник». Взлетели с земли ракеты. Самолет, неожиданно вынырнув из-за облаков, пошел на снижение.

— Скорей! — крикнул старшина, подхватывая носилки.— Димка, за мной!

Димка, спотыкаясь, едва не падая, подбежал к самолету. Дверца распахнулась, кто-то спустил лесенку.

— Раненая здесь? — спросили из черной дыры.

— Здесь! — ответил Димка.

— Давай ее!

В самолет втащили носилки с Виолеттой. Она бредила. Потом старшина велел Димке влезть и принимать детей.

— Дай-ка автомат, чтобы не мешался! — добродушно сказал он, едва ли не силой отбирая оружие.

Димка нехотя забрался в самолет. Боль нарастала, все плыло перед глазами.

— Эй, спишь, парень? — старшина передал ему на руки Леночку.

Она спала, и Димка не знал, куда положить ее в темноте и тесноте.

Неожиданно загремела лестница, дверца захлопнулась, самолет, подпрыгивая, побежал по земле.

— Стойте, а я! — заорал Димка.

Колокола в голове загудели, он полетел в пропасть...

ГОСПИТАЛЬ

Под окнами палаты затарахтел мотоцикл. Димка застыл, онемев от боли: показалось, что по голове прошлись отбойным молотком. Боль сковала не только голову, но и все тело, ставшее вдруг тяжелым и непослушным. Сказывалась контузия и истощение. Ему нужна была свежая кровь, но нужной группы не оказалось: машину с бесценными ампулами разбили «мессеры». Виолетте повезло: сразу же после операции сделали переливание, и ей стало немного лучше. Однако в сознание девушка не приходила, хотя уже не бредила и дыхание было спокойнее.

Димка открыл глаза. У его постели стояла усталая женщина в белом халате. Показалось, что это мать. Димка напряг зрение, лицо женщины прояснилось, выплыло из тумана. Это была чья-то чужая мать, не его. Димка вздохнул, боль понемногу стала отступать.

— Ну, как ты себя чувствуешь? — тихо спросила врач.

— Ничего, — ответил Димка и поразился своему еле слышному голосу.

Подошли еще какие-то люди в белых халатах.

— Видите! — сказала одна из них и придавила Димкину ногу у щиколотки, потом быстро отдернула палец. — Ясно выраженные отеки. Хорошо, что не пошли выше. Та-

кие явления наблюдаются у всех, кто побывал в концлагерях и в оккупации. Дистрофия...

Димка закрыл глаза: слушать и смотреть было тяжело. Вдруг, вспомнив что-то, он попытался вскочить, его удержали сильные и ласковые руки.

— Что ты, успокойся...

— Леночка?! Что с ней?

— Все в порядке. Леночка поправится.

Опять нахлынула боль. Димка уже плохо понимал, что с ним происходит. Вроде бы отвернули край одеяла, провели чем-то холодным по груди, потом взяли его руку, сдавили: слушали пульс.

— Вера Федоровна! Кровь! Кровь привезли! — раздался чей-то голос.

Все пропало, ушло... Потом Димка почувствовал, как руку стянули жгутом, легко укололи выше локтя... Сколько времени прошло, Димка не знал, только тело вдруг обрело непривычную легкость. Случилось это как-то сразу, неожиданно. В ушах раздался щелчок, и звуки придвинулись, оглушили. Димка открыл глаза. Вера Федоровна сидела склонив голову. Из-под белой докторской шапочки выбивались золотистые, как у мамы, волосы. Лицо было чистое, спокойное, только очень-очень усталое.

Справа, в конце кровати, торчала металлическая стойка с цилиндрическим стеклянным сосудом, чуть меньше тех, какие бывают у газировщиц. Стоило вспомнить о газировке, как Димке захотелось пить. Во рту пересохло, язык высушен в гороховый стручок, внутри все ссохлось от жажды.

— Пить,— внятно сказал Димка, и Вера Федоровна наклонилась к нему.

— Очнулся, да? Как ты себя чувствуешь? Не лихорадит? Озноба нет?

— Не... Пить...

— Потерпи, пожалуйста. Сейчас закончим переливание.

Через несколько минут Вера Федоровна приказала кому-то:

— Вот и все. Можно убрать! — Она потрепала Димку по щеке: — Теперь скоро поправишься, герой!

— Еще,— тихо попросил Димка: ему показалось, что это рука матери.

И Вера Федоровна опять ласково провела по щеке мальчишки, потом вышла.

Пришла молоденькая медсестра. Вынула иглу, прижгла ранку спиртом и весело сказала:

— Повезло тебе, выкарабкался! Ну, будем знакомы! Я — Маша!

Димка, не слушая, смотрел на графин с водой. Маша напоила его. Димка выпил стакан, другой — пил и не мог напиться.

— Хватит дуть, лопнешь! — улыбнулась сестрица. — Теперь отдохни.

Димка уснул и проснулся только перед отбоем. Сестрица Маша раздавала раненым таблетки, поила, укладывала спать. Подошла она к Димке, улыбнулась, и мальчишка тоже скривил губы в ответ.

— Как они? Виолетта, Леночка?

— Леночка — хорошо, Виолетта — похуже, — певуче отвечала Маша, подавая Димке какую-то микстуру, которую тот выпил, сморщась.

«А Васька? — погрустнел Димка, вспомнив друга. — Где он теперь, верный его Васька?»

А Виолетте было очень плохо, она металась в жару...

Утром нагрянули шефы: несколько девчонок, беленьких и отмытых. Весело поздоровавшись, они занялись ранеными: помогали умываться лежачим, измеряли температуру, раздавали лекарства, поили.

К Димке подошла белобрысенькая девчонка в белой кофточке с красным галстуком и синей юбке. Она протянула термометр. Димка сунул его под мышку и отвернулся. Девочка пыталась заговорить с ним, но Димка притворился спящим.

Начался завтрак. Белобрысенькая принесла что-то Димке. Он взглянул на тумбочку и широко открыл глаза. Там стояла тарелка, наполненная манной кашей, с ямочкой, в которой плавало желтое расплавленное сливочное масло. На бумажной салфетке лежали тонкие ломтики настоящего белого хлеба!

— Давайте градусник и кушайте! — деловито сказала девчонка, смешливо и любопытно глядя на Димку вишневыми глазами.

Тот почувствовал запах каши, масла, сглотнул слюну, моментально заполнившую рот. Он сел на кровати, свесив ноги на пол и прикрывшись одеялом. Едва взялся за ложку, подошла Маша, приказала есть лежа: постельный режим!

Она поправила подушку, подложив ее повыше, подвинула тарелку на край тумбочки. Димка помешал кашу, принялся за еду, не переставая думать о Васке: его бы сюда сейчас!

Тарелка опустела мигом, и Димка разочарованно вздохнул. Он облизал ложку, корочкой хлеба вытер тарелку и не спеша стал жевать.

Девчонка, все это время наблюдавшая за ним, подошла и спросила:

— Еще хотите?

— Ну да! — нахмурился Димка. — Смеешься! Может, ты еще и хлеба белого принесешь?

— И хлеба, и каши сколько хотите!

Димка почесал нос:

— Ну, если ты не врешь...

— Я мигом!

Девчонка исчезла, и через минуту влетела опять в палату, поставила перед Димкой полную тарелку замечательной ароматной каши с ямочкой посередине, в которой так же плавало масло.

Димка смотрел на кашу, и перед ним стояли лица тех женщин из пещер... Там они погибают от голода, едят крапиву, лебеду, идут под пули ради горстки горелой пшеницы.

Димка отодвинул тарелку, отвернулся и закрыл глаза. Девочка озабоченно покачала головой, переглянувшись с Машей.

— Ничего, — шепотом сказала сестрица. — Отойдет он, только дай срок...

На другое утро девчонка пришла одна. Она села перед Димкой, достала из сумки крупное розовое яблоко и положила на тумбочку:

— Вот, мама тебе прислала... Ешь. В яблоках витамины и железо! А тебе как раз нужно железо!

«Мама» — ударило это слово по сердцу. Димка едва не заревел: слабый он какой-то стал, нервный. Однако сдержался и тихо сказал:

— Слушай, не надо мне... Там где-то девочка лежит, маленькая, Леночка, вот ей и отнеси... Ну, чего смотришь? Иди, говорят!

Девочка обиженно отошла, Маша печально смотрела то на нее, то на Димку.

Однажды, когда Димке разрешили первый раз встать и он сбегал навестить Леночку (к Виолетте его не пустили), приехал красноармейский ансамбль. Ходячие раненые и те, кто мог хоть как-то передвигаться, с помощью товарищей добрались до столовой. Димка упросил врача взять с собой Леночку, и теперь они сидели в первом ряду, таращились в нетерпении на сцену.

Постепенно затихли кашли, стук и скрип костылей, и в пропитанном лекарствами воздухе устоялась тишина.

Димка ждал, что выйдет, как бывало, солидный дядя и объявит номер, но когда занавес раскрылся, на сцену вышел Лева в солдатском, неловко сидевшем на нем обмундировании, со скрипкой в руках.

— Дядя,— тихо и счастливо сказала Леночка, ерзая на коленках у Димки.

Лева посмотрел в ее сторону, заморгал черными огромными глазами и шагнул в зал. Димка осторожно опустил девочку с колен, встал. Мальчишки обнялись.

Раненые сначала недоуменно зашумели, потом кто-то захлопал, потом раздались аплодисменты, стук костылей об пол, крики. Люди поняли, что встретились давние друзья, и радовались за них от всей души.

Потом Лева неуклюже взобрался на сцену и сказал негромко:

— Вот... Димку встретил... Жили на одной улице, в одном доме... в Сталинграде... Теперь нету дома, и многих... нету... но город наш стоит! И врагу не взять его! Никогда!

И, прижав скрипку подбородком, Лева стал играть.

Димка сидел, вспоминал то довоенное время, когда он впервые услышал эту музыку, и сердце его наполнялось болью и радостью. Мальчишка верил, что выстоит Сталинград, что он еще увидит своих друзей и родных.

Потом они долго сидели в коридоре, тихо разговаривали, перебивая друг друга. Лева сказал, что от мамы никаких вестей, и Димка не посмел рассказать, как он

встретился с Эмилией Наумовной в тот страшный день: пускай Лева живет без боли, пускай дарит людям радость своей музыкой. Может, мать его еще найдется.

Они вспоминали Мишку, Ваську, Юльку-воровку и тихие мирные улочки родного города.

Простились сердечно. Решили писать друг другу и никогда друг друга не забывать. К Виолетте Леву не пустили: он постоял у полуоткрытой двери и, прощаясь с Димкой, попросил:

— Если что — сообщи!

— Ничего не сообщу! — разозлился Димка. — Будет жить! Будет!

И СНОВА БОЙ

Виолетту отправляли в тыловой далекий госпиталь. Когда Димка вышел во двор, девушка уже лежала на повозке, закутанная в одеяло. Димка продавил в сене ямку, положил туда пакет с яблоками и пирожками: их принесла белобрысенькая девчонка по имени Катя.

— Вот, дорога дальняя, поешь, — сказал он.

Повозка качнулась; это ездовой взобрался на передок, взял вожжи.

Виолетта подала Димке руку, и он нежно сжал ее, погладил тонкие пальцы.

— Знаешь, не хочу я в Сибирь, — прошептала Виолетта. — Хочу к девочатам, в свою часть. Если приедут наши, скажи: вернется Виолетта! Запомнишь?

— Запомню, — кивнул Димка.

— Слезай! — сказал ездовой, и повозка тронулась.

Димке было трудно идти, но он старался не отставать.

— Погодите! — попросила Виолетта, и когда ездовой с недовольным видом остановил повозку, девушка подождала Димку, схватила его рукой за голову, притянула к своему лицу, крепко поцеловала в губы. Глаза ее были полны слез.

Повозка опять тронулась, загромыкала по булыжникам прифронтового городка, Димка стоял, махал рукой и что-то беззвучно шептал.

Теперь он остался совсем один, и если бы не Леночка, которая привязалась к нему, как к брату, жизнь его стала

бы совсем невыносимой. Только и ее отправили куда-то в далекий тыл: нечего делать ребенку в армейском госпитале, в двух шагах от фронта.

И Димка заметался. Все чаще и чаще видел он во сне «своих»: доброго и спокойного старшину Вивтоненко, ласковую санитарку Дину, порывистого, горячего лейтенанта Евдокимова. Только путь на фронт ему заказан, неодолимым барьером стоят перед ним слова воинских начальников: «Призыву по возрасту не подлежит!»

— Когда же меня выпишут? — все чаще и чаще спрашивал он у Веры Федоровны, у Маши, даже у девчонки Кати, но тех словно пугал этот Димкин вопрос: спешили перевести разговор на другое, отмолчаться.

А однажды Вера Федоровна прямо сказала:

— Слушай, а что, если отправить тебя в тыл? Чего тебе здесь делать, возле фронта?

— Нет! — упрямо тряхнул головой Димка. — Там — Сталинград! Мой дом! Мои родные! Куда мне ехать?!

Потом была строгая комиссия, вопросы, вопросы... «Как самочувствие? Бывают ли головные боли? Тошнота? Головокружение?»

Бывают! И тошнота у Димки случается, и головокружение. Правда, не так часто, как раньше, но бывают. Но если еще полежит он недельку-другую на чистых простынках, да в четырех стенах, да на манной каше, то не такие еще головокружения будут! Волком взвоят Димка!

— Ну, молодой человек! — улыбнулась после комиссии Вера Федоровна. — Долго ты у нас не удержишься!

— Вот и хорошо! — сумрачно ответил Димка.

— А куда ты потом? — осторожно спросила врач, и Димка пожал плечами:

— К своим!

А где те «свои», на каком фронте, в каком доме держат оборону?..

Понурый, сумрачный, вышел Димка во двор, посмотрел кругом и почувствовал вдруг головокружение и сердцебиение: у тополя стоял и говорил с главным врачом лейтенант Евдокимов. Рядом с ним — старшина Вивтоненко!

— Товарищи!.. — голос у Димки сорвался, он протянул руки и почувствовал, как схватили его крепкие лапы, за- тискали:

— Живой! Вот герой ты наш! Жив-здоров! Ах ты юнга, юнга!..

— Здравствуйте, товарищ лейтенант! И вы здравствуйте, товарищ старшина! А как мой Васька? Живой? — сразу и про все хотел спросить задыхающийся от счастья мальчишка.

— Живой твой Васька! Живой! А как ты-то? Поправился? Как голова? Не тошнит? Тебя в халате и не узнать! А Виолетта? Где она?

— Да вы сядьте где-нибудь, — улыбнулся главврач. — Чего на ходу-то!

И они уселись. Накрепко. На целых три часа, отпущенных лейтенанту на это свидание. Димка забывал жевать яблоко — слушал, отвечал, улыбался.

— Знаю про Леночку, — вздыхал лейтенант. — Вот не застал! Жалко! Какая она? А?

И слушал жадно каждое Димкино слово, и улыбался, и мрачнел. А потом сказал искренне и просто:

— Вместо сына ты мне теперь, Димка! Точно!

— Это верно, — крутил усы довольный старшина. — Это так!

И глаза его застилал туман.

— А если так, — прищурился Димка, — берите с собой! Чего мне тут ошиваться!

Евдокимов быстро взглянул на старшину, тот крикнул в кулак.

— Понимаешь, какое дело, юнга, некуда к нам-то. Мы — на бронекатер, на Волгу. В самое пекло. А тебе, парень, самый раз в тыл.

— Спасибо! — Губы Димки задрожали от обиды. — Васька там, дерется, а я — в тыл! Хорош сын моряка! Да что мне потом говорить-то Ваське?! И Мишке! И маме, если... вернется... «Юнга, юнга»... Вот и возьмите юнгой!

— А что, — кашлянул старшина, — товарищ лейтенант... Сигнальщиком или еще кем? А?

Димка благодарно взглянул на его скуластое, усатое, такое милое лицо и с надеждой повернулся к Евдокимову.

— Это, конечно, идея, — задумался Евдокимов, — но возраст?

— Сколько мальчишек моложе меня — и воют! — вскричал Димка. — Вон у нас в госпитале двое лежат!

И осекся: строго взглянул на него лейтенант Евдокимов:

— Не дело это, юнга: мальчишки — и в госпитале!

— Но ведь война, товарищ лейтенант! Сами же меня в комсомол принимали! Или это так, для шутки, а? Вы скажите прямо! Для шутки?!

— С этим не шутят, юнга! — встал Евдокимов. — Ждать меня и ничего не предпринимать! Ясно?

— Ясно, ясно! — засмеялся Вивтоненко, подмигивая Димке.

— Что с тобой? — подозрительно спросила Димку медсестра Маша, когда он, лихо проехав по перилам лестницы, остановился перед ней. — Заболел?

— Наоборот! — отдуваясь, весело сказал Димка. — Выздоровел!

Хотел рассказать про Евдокимова, но воздержался: кто знает, что можно, а что нельзя болтать врачам и медицинским сестрам, — возьмут да и задержат еще на неделю-другую. А Димке задерживаться никак нельзя. Вести из Сталинграда идут радостные: немецкое наступление захлебнулось. А значит, недалек день, когда начнется наше наступление! Не-ет, время не ждет!

«Братцы, началось! — сообщили как-то раненые, только что прибывшие с передовой. — С северной части выбили гада! С «Красного Октября» — вышибли! Теперь громят на тракторном!»

Попробуй усиди на месте после таких вестей! Димка целыми днями пропадал во дворе, смотрел на дорогу, ждал, ждал Евдокимова. А Евдокимов явился неожиданно перед обедом, возбужденный, с горячими глазами.

— Ну, чем порадуешь, юнга? — весело спросил лейтенант, подходя к Димкиной кровати и кладя на нее сверток; Димка уставился на этот сверток, смотрел долго, даже вспотел. Лейтенант улыбался: — Ну, разворачивай! Это тебе!

Димка медленно развернул пакет и увидел краснофлотский бушлат. Сердце его радостно забилося.

— Ого! — потянулся безногий краснофлотец Иванов. — Вот это роба! Давай, юнга, одевайся скорей! Хоть поглядеть на тебя!

Всей палатой обряжали Димку, а когда Маша вошла и разогнала народ по местам, перед нею предстал незнакомый морячок в новеньком, хоть малость великоватом бушлате, очень молоденький и розовощекий.

— Здравствуйте! — растерянно и счастливо пролепетал «морячок» и улыбнулся застенчивой Димкиной улыбкой.

— Ой, мамочки! — присела на табуретку и всплеснула руками Маша. — Димочка!

А безногий моряк Иванов сидел на своей койке и кричал:

— Вот он какой! Юнга! И бушлатик, и бескозырочка! Иди, сынок! Иди за меня! Родной ты наш!..

— Ну! — поднялся Евдокимов. — На сборы тебе пятнадцать минут! Действуй! Я жду внизу!

Димка обошел раненых своей палаты. Каждый крепко пожал ему руку, а безногий краснофлотец Иванов порывлся под подушкой и протянул большие светящиеся наручные часы.

— Носи, юнга! Помни Иванова!

— Спасибо! — от всего сердца сказал Димка и твердым шагом вышел в коридор, где почему-то горько плакала и смотрела жалобно медицинская сестрица Маша.

— Морячок ты наш! — сказала она и, схватив Димку, обцеловала, обмочила его лицо слезами. — Ну иди! И смотри там, слышишь? Смотри! Чтоб я тебя тут больше не видела! Слышишь?! Чтобы не видела!..

Димка махнул ей рукой и вышел во двор. Из окна смотрела на него Вера Федоровна, смотрели «ходячие» из родной палаты. Димка помахал всем и степенно зашагал рядом с лейтенантом Евдокимовым. Ветер шевелил ленточки его бескозырки.

Остановились на краю береговой кручи. Под отвесной стеной обрыва желтел песок, виднелись мосточки, уходящие в воду. Прижавшись к ним бортом, стоял бронекатер. Застыли его орудия, зенитные пулеметы уставились в небо, трепетал флаг. Димка не мог отвести взгляда от судна: низкие обтекаемые надстройки, скошенная назад мачта, плавные обводы бортов. Казалось, что катер сорвется с места и стремительно помчится вперед, пересекая воду.

Лейтенант Евдокимов первым прошел на бронекатер и поднес ладонь к фуражке, отдавая честь флагу. Вахтен-

ный подал команду «смирно» и доложил, что на катере все в порядке.

Димка, ступив на борт, тоже поднял ладонь и коснулся пальцами бескозырки, впервые отдавая честь военно-морскому флагу, как настоящий моряк.

Из рубки вышел розовощекий младший лейтенант, поспешил к командиру корабля. Евдокимов коротко бросил ему:

— Снимаемся, помощник!

Из машинного отделения выглянул Вивтоненко:

— С прибытием! — сказал он и, мигнув, опять скрылся.

Димка вслед за Евдокимовым прошел на мостик. Лейтенант подвел его к молодому здоровяку, чем-то, может усами, напоминавшего старшину Вивтоненко.

— Принимай пополнение, Дымов! Пускай побудет у нас за сигнальщика.

— Есть, товарищ командир! — весело ответил тот, сверкнув озорными серыми глазами.

По палубе забегали краснофлотцы. Они быстро, без суеты выполняли команды. Мерно загудели моторы. Бронекатер ожил, палуба под ногами стала подрагивать. Раздалась новая команда:

— Отдать носовой!

— Отдать кормовой!

Мостки поплыли назад, быстро удаляясь. На высокой круче, что нависла над водой, стояла какая-то женщина: чья-то мама или жена. Димка сорвал бескозырку и замахал ею над головой. Женщина тоже махнула в ответ.

Бронекатер стремительно несясь вперед, к Сталинграду.

ЧЕРНОЕ МОРЕ ШУМИТ

Над городком, разбросанным по склонам невысоких гор, стояла ночь, глухая, непроницаемая. Тревожно-настороженная фронтовая ночь. В домах ни огонька, на улицах ни искорки, у входа в бухту не горят буи и створные огни. Вязкую густую тишину нарушают только шаги патруля, рокот прибоя да скрип швартовых у причала.

Димка проверил и приготовил к выходу в море все сигнальное хозяйство. Руки замерзли на холодном ветру. Он сунул их в карманы «канадки» — куртки с капюшоном

из водонепроницаемой ткани, подбитой мехом, — подарок лейтенанта Евдокимова.

На посту службы наблюдения и связи замигал чуть видный огонек сигнального фонаря. Сигнальщик с поста вызывал «морской охотник», дежуривший по дивизиону. Ему ответили короткой вспышкой фонаря. С поста начали передавать сводку погоды. Димка тоже стал читать: «Ветер — четыре балла, море — три... облачность...» Про облачность и так все ясно: низкие тучи неслись над морем, никакого просвета. Это хорошо: через час — выход в море. В такую погоду только и подбираться к вражескому берегу.

Туча, подхваченная ветром, проплыла. Прекратился начавшийся было дождь. Но воздух по-прежнему был насыщен влагой. Вдали сверкали молнии. Они напоминали огненные всполохи «катюш», которые били тогда из-за заречных лесов по Сталинграду.

Димка ясно вспомнил первую боевую свою операцию.

...Катер на предельной скорости неся к берегу, а над ним с уханьем летели огненные стрелы «катюш». Евдокимов любил прорываться именно в такие минуты. То задание было у них очень серьезное: уничтожить вражескую кочующую батарею, которая охотилась за нашими судами, доставляющими в Сталинград боеприпасы и продовольствие.

Димка помнит, как неся бронекатер вдоль берега, словно нарочно подставляя себя под выстрелы вражеской батареи. И фашисты не выдержали. Первый снаряд взметнул водяной столб за кормой судна. Катер стал менять курс, упрямо продолжая двигаться вперед. Еще выстрел, еще вспышка на том берегу, в черноте... Артиллеристы на катере засекали вражью батарею, и вдруг оглушительно грохнуло носовое орудие, потом — кормовое. Один выстрел, другой, третий... Комендоры нащупывали батарею. Кто скорей, у кого крепче нервы, лучше выучка! И вдруг шквальный огонь на поражение! Димка открыл рот, зажал ладонями уши, чтобы не полопались барабанные перепонки. Вцепился в леера: на крутом повороте бронекатер лег на борт. Никогда не думал Димка, что орудия судна могут вести такой ураганный огонь! Несколько минут потребовалось комендорам, чтобы подавить батарею! Это боевое крещение мальчишка запомнил на всю жизнь.

А потом были еще бои, прорывы, ночные рейды.

По ночам бронекатер прорывался к городу по нескольку раз, а днем Димка постигал азы флотской службы, учил сигнальную азбуку. Мальчишка старался, знал, что Евдокимов хочет отправить его на берег, подальше в тыл, и радовался, что пока нет такой возможности.

А когда ударили заморозки и по Волге пошла шуга, у берегов появился лед. Неповоротливые баржи и баркасы уже не могли пробиваться к берегу. Только одни катера и действовали еще, помогая защитникам. В памяти Димки навсегда запечатлелись те грозные ночи: дымящийся сталинградский берег, небо, полыхающее огнем, кипящая от разрывов вода...

Потом Волгу накрепко сковало льдом, и бронекатера ушли в затоны. Экипаж перевели на Черное море, где тоже шла жестокая битва с фашистами. И Димка понимал, что от их успехов здесь зависит и успех в Сталинграде.

Из родного города стали приходить хорошие вести. Немцы выдохлись, армия Паулюса взята в кольцо, которое постепенно затягивалось.

— Климов!

— Я, товарищ лейтенант! — тихо ответил Димка, очнувшись от воспоминаний.

Почувствовал на плече теплую ласковую руку.

— Не замерз?

— Никак нет!

— Ну ничего, сейчас будет жарко, — пообещал Евдокимов.

...«Морские охотники», как тени, метнулись к выходу из бухты, растаяли в ночной мгле, затерялись среди волн. Грохот моря глушил рокот моторов. Головным шел «морской охотник» старшего лейтенанта Барадзе, в кильватер ему — катер Евдокимова.

Косматые тучи неслись над морем. «Морской охотник» нырял, зарывался носом в волну, поднимая брызги. Димка затянул застежки так, что из-под капюшона виднелись только глаза да нос. Он — весь внимание, наблюдает за морем: мало ли опасностей подстерегает суда: и мины, и сторожевики, и артиллерия на берегу.

Показалась неровная полоса берега. Все яснее проступают его контуры. Лейтенант приказывает застопорить машины, лечь в дрейф.

Головной катер ощупью приближается к берегу. Вот

и он остановился. Димка рассматривает мрачные громады скал, опоясанные пеной прибоя. Катерам нужно снять своих разведчиков и уйти.

В узкой расселине среди скал мигнул луч фонарика и погас. С головного «охотника» спустили шлюпку. Наступил самый ответственный момент операции. Сейчас немцам удобнее всего ударить по судам, пока они лежат в дрейфе. Димка на миг представил, как рубанут темень слепящие лучи прожекторов, как расколется ночь грохотом выстрелов.

Стало жарко. Димка сбросил с головы капюшон, растегнул «молнию». На лбу пот. Шлюпка вошла в полосу прибоя и скрылась за обломком скалы. Подозрительно молчит вражеский берег. Тем временем шлюпка выскользнула из-за скалы. Моряки гребут изо всех сил. Сейчас примут разведчиков — и всё! И на всех парах уходить!

Вот шлюпка скрылась за первым судном. Сейчас, сейчас ее примут...

Димка зажмурился: в глаза будто сыпанули чем-то колючим. Он отвернулся: палуба, орудие были залиты голубоватым светом. Прожектор!

Бешено на полных оборотах взревели моторы. «Морской охотник» Евдокимова рванулся к берегу, открыв огонь из носового орудия. Взметнулись столбы воды, поднятые вражескими снарядами. Евдокимов бросал катер в эти всплески: дважды в одно и то же место снаряд не бьет.

«Морской охотник» старшего лейтенанта Барадзе, маневрируя, уходил от берега в море, отстреливаясь из кормового орудия и пулеметов. А лейтенант Евдокимов, прикрывая друга, развернул катер и повел его вдоль берега. За кормой расплзался дым. Он ширился, поднимался вверх, закрывая катера от фашистов. Луч прожектора не мог пробиться сквозь дымовую завесу.

Распустив пенные усы, катер Барадзе уходил к горизонту. Вражеские артиллеристы били теперь вслепую.

Димка покосился на Евдокимова: чего он медлит, пора бы им уходить, пока совсем не рассвело... Но Евдокимов неожиданно приказал лечь в дрейф.

С воды береговая гряда хорошо просматривалась. Видно, что вражеская батарея расположена в седловине горного кряжа, по соседству с ней — прожектор. На седло-

вине мелькали вспышки выстрелов, снаряды с клеточкой пролетали над катером и уносились вдаль. «Нащупывают Барадзе», — понял Димка.

— По прожектору огонь! — приказал командир.

Правый борт осветился вспышкой, оглушительно ударили пушки, крупнокалиберные пулеметы. Красно-зеленые трассы протянулись к вершине горы. Первые снаряды разорвались ниже площадки, на склоне. Командоры скорректировали огонь. Луч прожектора метнулся к дымовой завесе, в которой уже появились широкие равные дыры, и вдруг, словно споткнувшись, мигнул и погас. Сразу стало очень темно. И тихо. Немцы на минуту прекратили огонь, видимо потеряв цель. Глухо шумело море.

— По батарее! — крикнул Евдокимов, снова дружно ударили орудия и пулеметы «морского охотника». Фашисты отвечали.

Евдокимов, принимая огонь на себя, давал возможность уйти другу.

Ветер крепчал. Волны стали круче, запенились злее. Лейтенант Евдокимов повел катер зигзагами, стараясь вывести его из-под огня.

Взрыв грохнул рядом. Осколками снаряда убит командор, двое матросов ранены. Димка хочет оказать им помощь, но не разрешается уйти с мостика: надо вести наблюдение за морем. Раненых уносит вниз Вивтоненко.

«Морской охотник», выжимая все что можно из своих моторов, неся в море, стараясь укрыться в клочьях разносимой ветром дымовой завесы. Уши Димки глохли от рева, от треска пулеметов и грохота пушек. Прямо по носу взметнулся фонтан, второй поднялся за кормой. «Вилка!» — понял Димка, искушенный уже в таких делах. Сейчас враг начнет вести огонь на поражение!

Но катер резко затормозил, задрожал корпусом, дал задний ход. И там, где через минуту должен быть «охотник», рванули воду снаряды. Осколки ударили по рубке, с визгом пронесли над мостиком: точно рассчитали вражеские артиллеристы!

Взревели моторы, и катер снова рванулся вперед.

Внезапно батарея врага замолчала. Слышался только свист ветра да плеск волн. Лейтенант Евдокимов поднес к глазам бинокль: черны и глухи скалы. Он взглянул на море.

— Вижу тени! — быстро доложил Димка. — Сторожевики!

— Ага, — процедил Евдокимов. — Вот почему они замолчали!

Немецкие сторожевики приближались, отрезая катеру выход в открытое море. Забрезжил рассвет, и вражеские корабли были уже хорошо видны. Катер Евдокимова шел пока в клочьях дымовой завесы, относимой ветром.

— Девять! — закричал Димка, и Евдокимов кивнул:

— Вижу!

Он понял их маневр, понял, что пробиваться придется с боем. Командир знал, что «морской охотник» уступает немецким сторожевикам по всем статьям: у врага больше пушек и пулеметов, у врага больше скорость, лучше маневр, а «морской охотник» плохо слушается руля, в кормовые отсеки его поступает забортная вода. Значит, вся надежда на боевой дух моряков, на их выдержку и отвагу. А уж в этих качествах своих людей лейтенант не сомневался.

Он стоял, широко расставив ноги, словно врос в палубу. Его лицо, с резко обозначившимися желваками, будто окаменело. На лбу меж бровями легли упрямые складки. И Димка, глядя на своего командира, тоже расставил ноги и тоже сурово насупил.

Евдокимов следил за флагманом — головным катером противника, ожидая, когда тот пересечет мысленно проведенную им линию, чтобы открыть огонь. Вот разорвались последние клочья дымовой завесы, скоро «морской охотник» будет весь на виду у противника. «Пора!» — решил Евдокимов и подал команду.

Орудия и пулеметы прямой наводкой ударили по врагу. «Молодцы комендоры!» — порадовался Евдокимов, увидев, как первые же снаряды легли точно, пробив борт флагмана, разворотив ему моторный отсек, из которого сразу повалил дым.

— Огонь!

И очереди крупнокалиберных пулеметов хлестнули по палубным надстройкам флагмана, сметая фашистов. Сторожевик потерял ход. Зарываясь носом в волну, он двигался по инерции, медленно разворачиваясь вокруг своей оси. На шкафуте бушевал пожар.

Второй сторожевик, не ожидая такого поворота

событий, резко отвернул влево, пошел к дымовой завесе, норовя нырнуть в нее. «Ух-ух-ух!» — ударили отрывисто и резко его скорострельные пушки. Захлебываясь, били пулеметы.

«Начинается самая баня!» — понял лейтенант Евдокимов, пытаясь уйти из-под огня.

— Бить по второму! — скомандовал он, стремясь как можно скорей подавить огонь второго сторожевика: вести бой сразу со всеми судами противника ему не по силам.

Артиллеристы стали поливать огнем второй, ближайший сторожевик, а тем временем приближались остальные катера врага.

Димка видел, как два сторожевика остановились возле пылающего флагмана, принимая моряков, которые спасались на плотиках, надувных лодках и просто вплавь. Остальные неслись на «морской охотник», ведя огонь из пушек и пулеметов.

Уходя из-под обстрела, Евдокимов меньше всего опасался подбитого флагмана, но вдруг с кормы горящего сторожевика ударила скорострельная пушка. Первая очередь с визгом пронеслась над мостиком, вторая рубанула по корме. Снаряды прошли борт, разворотили палубу, раскидали орудийный расчет.

Самый ближний к Евдокимову вражеский сторожевик, вспарывая волну высоким острым форштевнем, шел лоб в лоб, чуть покачиваясь. Из его носового орудия с коротким уханьем вырывались языки пламени, на концах пулеметных стволов трепетали огненные жальца. «Морской охотник», едва маневрируя, отвечал огнем носового орудия и пулеметов. Кормовая пушка молчала.

Евдокимов указал Димке на корму, которую застилал густой черный дым:

— Узнай, что там!

Димка побежал. Моряки заделывали пробоину, откачивали воду, тушили пожар. У борта лежали убитые. Огонь подбирался к глубинным бомбам. Языки пламени плясали рядом с ними, лизали черные, блестящие бока.

Главстаршина Вивтоненко, накрывшись куском брезента, пробился сквозь огонь к срезу кормы и рванул рычаг бомбосбрасывателя. Глубинные бомбы покатались вниз, подталкивая одна другую. Вот они ухнули в воду, вздымая тучи брызг. «Так!» — обрадовался Димка и тут же за-

кусил губу: рычаг сбрасывателя по левому борту отказал. Заело!

Вивтоненко рванул рычаг раз и другой, наклонился, отворачивая лицо от пламени. Китель на спине его дымился... Кто-то из моряков окатил старшину струей из шланга. Вивтоненко, с багрово-красным лицом, с обгоревшим усом, обжигая руки, стал хватать тяжелые бомбы и бросать их за борт. Димка кинулся было помогать ему, но кто-то из моряков крепко схватил его за шиворот:

— Не лезь!

Димка вернулся к Евдокимову, когда пожар был потушен.

— Хорошо! — сказал лейтенант, выслушав его доклад.

Димка посмотрел вперед.

...Флагманский корабль едва держался на плаву. Он накренился на правый борт, нос его осел, шкафут затянуло дымом. Но у кормового орудия копошился немец, крутя маховики вертикальной и горизонтальной наводки. Орудие поворачивало свой ствол к «морскому охотнику».

— Пулемет! — крикнул Евдокимов.

Очереди вспенили воду у борта флагмана, однако, прежде чем упасть, немец успел выстрелить. Ударили орудия и с других сторожевиков, которые подошли совсем близко и стали окружать одинокое советское судно. У борта «морского охотника» встали столбы воды. Свистнули осколки. Наводчик согнулся и, зажимая рану в боку, стал медленно опускаться на палубу. Димка выхватил индивидуальный пакет. Но матрос оттолкнул его, показав на приближающийся сторожевик.

— Снаряд! — крикнули от орудия, и Димка схватил снаряд, подал.

Лязгнул замок, оглушительно грохнул выстрел. На палубе сторожевика блеснуло пламя, взлетели вверх части разбитых надстроек. Корабль резко сбавил ход, отвалил.

— Ага! — закричал Димка. — Получил!

Он бросился к наводчику, но тому перевязка уже не требовалась: моряк лежал на палубе, и остекленевшие глаза равнодушно смотрели в серое рассветное небо.

— Снаряд!

Этот возглас вернул Димку к действительности. Он крепко мазнул себя рукавом по глазам и, закусив губу, встал к орудию.

Фашисты, не рискуя приближаться к советскому судну, теперь кружили в отдалении, засыпая «морской охотник» снарядами, поливая его очередями из крупнокалиберных пулеметов: видно, решили, не подвергая себя особому риску, постепенно расстрелять одинокий корабль.

Положение на «морском охотнике» стало критическим. Скоро замолчало и второе орудие, разбитое снарядом, был пробит борт моторного отсека, уничтожен пулемет. Погибли моторист и весь пулеметный расчет. Многие матросы получили ранения. Димку контузило, и он двигался с трудом, но на ногах еще держался.

— Как в моторном? — спросил его Евдокимов, и Димка понял вопрос скорее по движению губ лейтенанта: звон в ушах мешал ему слышать.

— Мотор заклинило! — доложил он.

Немцы неожиданно перестали стрелять. Евдокимов, пользуясь минутой непонятого затишья, обвел взглядом развороченную палубу своего боевого корабля. Свежие пробоины чернели в ней. Лежали убитые. Умиравший матрос сидел, привалясь к рубке. Он уперся коленями в живот, обхватил их руками, сквозь пальцы текла кровь.

На палубе крови не было: ее смывала волна.

— Не надо... — успел сказать он товарищам, подбежавшим помочь, и упал...

— Наши! — закричал Димка, и Евдокимов, резко обернувшись, увидел вдали серую точку.

Он приложил к глазам бинокль: это на помощь другу спешил старший лейтенант Барадзе. Потому и замолчали немецкие сторожевики. Оставив расправляться с беспомощным кораблем одно судно, остальные устремились навстречу новому противнику. Надо было воспользоваться короткой передышкой.

Лейтенант Евдокимов взглянул на вражеский сторожевик: он шел прямо на них, его орудия и пулеметы молчали: видно, фашист решил бить в упор.

— Что делать, товарищ лейтенант? — в отчаянии спросил Димка.

— Драться!

— Как же? — недоуменно поднял брови мальчишка. — Ни орудий, ни пулеметов!

— Автоматы есть, юнга! — каким-то веселым и злым

голосом отозвался лейтенант, и глаза его блеснули. — Гранаты есть!

Сторожевик не снижал хода. Пенились белые длинные усы под форштевнем. Лейтенант с завистью смотрел на эти усы: эх, если бы его «охотник» был на ходу! Он бы помог другу. А уж вдвоем они бы поглядели, кто кого!

Командир окинул взглядом своих моряков — почерневших, окровавленных, в бинтах. Грязные, рваные тельняшки покрыты бурыми пятнами.

— Ну, сталинградцы, что делать будем? — спросил их лейтенант, и Димка, не вытерпев, ответил за всех:

— Драться!

С мостика немецкого сторожевика донесся усиленный мегафоном голос:

— Русс, сдавайсь! Русс, плен! Пять минут размышлений!

Из носового кубрика показался Вивтоненко с автоматом в руках:

— Погодите, сволочи! Сейчас увидите, гады болотные, как умирают советские моряки!

— Стой, назад! — осадил его лейтенант Евдокимов и приказал всем укрыться за рубкой. Потом велел собрать людей, способных держать оружие. Раздали автоматы, гранаты.

— Тихо, без шума! — предупредил всех Евдокимов. — Ложись!

Димка улегся за разбитым носовым орудием, на бушлате.

— Прикинулся убитым, а бушлат подстелил! — не сдержался Вивтоненко.

— Тихо! — зашипел Евдокимов.

...Немецкий сторожевик сбавил ход. Опали белые усы. Орудия и пулеметы нацелились на полузатопленный «морской охотник». Тот же голос еще раз предложил «русс матросен» сдаваться, но и на этот раз ответом было молчание. Только плеск у борта да легкое сипение на шкафуте: это волны, перекатываясь через палубу, заливали огонь. Стлался смрадный черный дым.

Хотя почти совсем рассвело, немцы зачем-то включили прожектор, осветив «морской охотник». Корма его отяжелела, едва поднималась над волнами: видно, отсеки ее вдоволь хлебнули морской водицы.

Луч прожектора, словно приносясь, пополз дальше. На палубе в разных позах лежали убитые. Луч, ощутив их безжизненные тела, скользнул дальше и погас. Рассветная полутьма словно стала еще плотней.

Лейтенант Евдокимов не спускал глаз с вражеского сторожевика. Он боялся одного: вдруг немцы не станут швартоваться к борту «морского охотника», а пошлют шлюпку с вооруженными матросами. Конечно, матросов они перебьют, но что дальше? Сторожевой катер на шлюпке не атакуешь!

«Ну, подходи, подходи!» — беззвучно молил командир. И сторожевик подошел: видно, велик был соблазн захватить советский катер. Два рослых матроса прыгнули на нос и корму «морского охотника», завели на кнехты швартовы. Дюжина фашистов, вооруженных автоматами, во главе с офицером перебралась на палубу советского корабля.

Рассыпалась заливиная трель боцманской дудки. Гулко ударили русские ППШ. Немцы заметались. Падали убитые. Уцелевшие фашисты прыгали на палубу своего катера, советские моряки, стреляя на ходу, кинулись следом за ними. У борта вспыхнула рукопашная схватка.

Димка срезал очередью немца у носового кнехта. Вскочив на ноги, он хотел уже перескочить на борт вражеского катера, но увидел на мостике фашиста, который разворачивал пулемет. Припав на колено, мальчишка ударил длинной очередью. Гитлеровец упал.

За ходовой рубкой сторожевика завязалась рукопашная. Слышались крики, трещали автоматные очереди. Яростно сопротивляясь, фашисты отступали к корме.

Немец с залитым кровью лицом застонал, приподнялся. Димка вскинул автомат. Уставив на него вытаращенные глаза, фашист пробормотал:

— Русс, найн... найн...

— Живи, фриц! — крикнул ему Димка и побежал дальше: впереди гремел голос Евдокимова, кто-то кричал:

— Полундра! Это тебе за Сталинград!

«За Сталинград!» Димка рванулся к своим, но тут его будто ударили с маху палкой по ноге. Острая боль вспыхнула во всем теле...

...Схватка на борту вражеского сторожевика закончилась. Пленных фашистов связали, убитых побросали за борт, своих раненых и убитых перенесли с «морского охотника» на сторожевик.

Дымов готовил «морской охотник» к взрыву. Кто-то обратился к Евдокимову:

— Товарищ лейтенант! Может, на буксир взять?

— Отставить разговоры!

Старшина Вивтоненко опустился на колени возле Димки. Торопливо расстегивая пуговицы его бушлата, он бормотал:

— Эх ты, братишка! Что ж ты это, а?..

Мотористы запустили двигатель. Сторожевик задрожал.

На минуту моряки застыли у борта. «Морской охотник» тяжело переваливался на волне. И вдруг, на мгновение высветив его корпус, громыхнул раскатистый взрыв. Корабль переломился пополам и скрылся в морской пучине. У главстаршины вырвалось тяжелое, со слезой:

— Эх, своими руками!

Моряки стояли в суровом молчании, не сводя глаз с того места, где скрылся родной корабль. Там крутилась пенная воронка, плавали какие-то обломки.

— Товарищ командир,— флаг! — Валентин Дымов бросился к немецкому полотнищу, сорвал его, и над кораблем взвился советский военно-морской доблестный флаг.

Вдали загрели выстрелы: это вел бой с врагами старший лейтенант Барадзе. Надо было спешить к нему на помощь...

ЗДРАВСТВУЙ, СТАЛИНГРАД!

Той памятной зимой завершилось великое сражение за Сталинград. Позорно капитулировала одна из лучших вражеских армий, армия фельдмаршала Паулюса. Гитлеровцы, которым посчастливилось живыми вырваться из котла, брели в плен, вытянувшись в многокилометровые колонны. Худые, обмороженные, они шагали потупив взоры, едва передвигая ноги в огромных соломенных эрзац-валенках. Горе-завоеватели, солдаты разбойничьей армии фюрера. Уцелевшие жители города суровыми взгля-

дами провожали фашистов: сколько горя принесли они в родной город!

Сталинград не знает больше бомбежек, артобстрелов: фронт сразу отодвинулся на много километров, и город стал тылом. Гвардейские сталинградские дивизии громят врага где-то далеко в степях под Ростовом. Где-то воюют со своими частями лейтенант Евдокимов, старшина Вивтоненко, санинструктор Дина и многие другие старшие товарищи Димки. Где-то летает военный летчик Виолетта Грановская, колесит по разбитым фронтовым дорогам военный ансамбль, в котором выступает молодой его воспитанник Лева Грановский, старый Димкин товарищ.

В Сталинграде возрождалась жизнь. В город возвращались уцелевшие жители.

Пришли жильцы и к своему дому на Смоленской...

Первой здесь появилась Юлька, ведя за руку impossible девочку, которую она подобрала в развалинах. Многие повидали глаза ребенка: и убитых, и умерших от голода, поэтому смотрели они вокруг с непроходящим испугом, словно ожидая из-за каждого угла окрика или пули. Когда фашисты выбросили всех жителей из тех пещер, пришлось Юльке скрываться где придется, есть что попало, и только чудом уцелела она в этом аду. А самым большим чудом были краюха хлеба и банка консервов, которую сунул в Юлькин мешок какой-то бойкий русский солдатик. Сунул на бегу, крикнув:

— Не горюй, бабка! Все наладится!

«Бабка!...» — не удивилась Юлька: она не видела свое лицо тысячу лет, а войдя к себе в каморку, не узнала бедовую воровку в морщинистой седой старухе.

— Во как! — пробормотала Юлька, застыв у осколка зеркала. — Во как меня переехало!

Она не заплакала: слез давно уже не было. Только села у своего стола, на своем стуле, и молча осматривала свою комнату, на стенах которой были вмятины от пуль и осколков, а на кровати валялась чья-то солдатская шинель, заиндевевшая, заостенелая, в бурых пятнах крови.

— Пойдем! — дергала ее за руку девочка. — Пойдем! А то придут и убьют!

— Не-е,— покачала седой головой Юлька и, поправив платок, посадила девочку к себе на колени. — Не придут!

— А почему? — шепотом спросила девочка.

— А потому, что это мой дом, — тоже шепотом ответила Юлька и вдруг счастливо засмеялась, показав искрошившиеся зубы.

Девочка с удивлением смотрела на ее лицо: она забыла, как улыбаются люди.

А Юлька оглядывала грязную холодную свою комнату, и счастье наполняло ее душу. «Боже мой, боже мой! Как хорошо!» — думала Юлька. Теперь никто не придет, не выгонит ее из собственного дома!

Она встала, осторожно спустила девочку с колен и начала хозяйничать. Нашла во дворе у огромной воронки расщепленную взрывом доску, разбила ее сапогом, сунула в печь и, согнувшись перед дверцей, стала высекать огонь. Потом раздула фитиль — завоняло в холодной печке, повалил едкий дым. Юлька закашлялась.

— Эх, наверно, засыпало трубу!

— Дым! — испуганно лепетала девочка. — Увидят!

— Ничего! — Юлька стала на колени и начала дуть в печку.

Лицо ее осветилось — это вспыхнуло пламя. Затрещали дрова. Печка, отлично сложенная старинным мастером, ожила, мигом нагрелась и загудела. Малышка, примолкнув, сидела как замороженная. А Юлька деловито гремела ведром. Сбегала она во двор и, зачерпнув снега, поставила ведро на плиту. Вытащила из мешка хлеб, консервы и, едва не падая от голода, заставила себя, не торопясь, отщипнуть кусочек, другой кусочек дала девочке, подмигнула ей:

— Живем, деваха! А?

Самой-то Юльке было все равно: жить или помереть, она, смертельно уставшая душой и телом, старалась теперь только для этой девочки, у которой она забыла спросить имя.

Подперев щеку руками, Юлька счастливыми глазами смотрела, как ребенок ест, как пьет кипяток из шербатой кружки, и вспомнила всю свою довоенную жизнь: такую далекую, казавшуюся теперь нереальной. Вроде и не было базаров, возов с арбузами и дынями, милых крикливых торговков, поездов с дачниками, которым она продавала селедку.

— Знаешь, деваха, мороженое тогда было! — вспом-

нила Юлька и удивилась: совсем позабыла она про мороженое! — Ох, сладкое!

— Сладкое...— шурилась от удовольствия девочка, осторожно, маленькими кусочками откусывая хлеб и жуя тушенку.— Сладкое...

Потом глаза ее слиплись, девочка, ослабев от еды, мигом уснула.

Юлька скинула с постели окровавленную шинель, положила у порога: пригодится в хозяйстве; потом подтащила перину поближе к печке и уложила на нее найденыша — не раздевая, а только малость ослабив на ней веревочки.

Из выбитых окон дуло, и Юлька занавесила их тряпьем, одежкой, той лубяной шинелькой. Стало темно, как в пещере, только в трещащей печи мигал веселый огонек.

— Вот и хорошо! — сказала Юлька и, послушав ровное дыхание спящей девочки, деловито отправилась во двор: все ли там в порядке, все ли как надо.

На лестнице стоял морячок, в полутьме неузнаваемый, и Юлька остановилась: кто их знает, этих моряков!

— Ты к кому, солдатик? — тихо спросила она.

— Тетя Юля...— прошептал Димка, и Юлька, охнув, кинулась его обнимать.

...Вместе обошли они весь дом. Постояли в Димкиной разбитой квартире, в потолке которой были пробиты снарядами дыры, сквозь них серело небо и шел снег. В снегу были и кровати, и стол. На полу валялись вмерзшие в наст стреляные гильзы.

— Никто не приходил,— с горечью пробормотал Димка.— Никто...

— Придут! — горячо сказала Юлька.— Придут! Вот увидишь! А пока пойдем ко мне! У меня тепло! У меня дите!

— Дите! — оживился Димка.— Пойдем!

Он зашагал рядом с Юлькой, и она подметила, как здорово хромота мальчишка.

— Что это? — не утерпела Юлька, намекая на хромоту.

— Разрывной,— нехотя ответил Димка, и Юлька подумала: «Бедный!»

Димка несколько минут привыкал к полутьме в Юлькиной комнате, а привыкнув, стал различать предметы и первым делом увидел девочку возле печки.

— Насовсем? — спросила Юлька.

— Насовсем! — сказал Димка и вдруг словно опомнился: стал вытаскивать из мешка хлеб, и консервы, и даже две плитки шоколада. Юлька устремила на это добро ошалевшие глаза:

— Ой, мама! Надо же!..

Немного помолчали, посидели, потом Димка заторопился.

— Куда ты? — спросила Юлька. — Чайку попьем...

— Пойду... Я слышал, Васька в городе. Может, увижу...

Димка вышел на улицу. Легкий морозец щипал уши и лицо. Воздух клубился при дыхании легким парком. Под ногами поскрипывал снежок. Тихо и пустынно в поселке. Дым лениво тянулся из уцелевших труб. Пахло свежестью, пахло Волгой и еще чем-то неуловимым, знакомым с детства.

Стали попадаться первые прохожие. Старуха тянула на длинной веревке санки, на санках — пара досок.

— Бабушка, здравствуйте! — остановился Димка. — Откуда дрова?

— Да вон. В гортопе дают, — кивнула старушка, глядя слезящимися глазами на складного, плечистого и очень молоденького морячка.

— В гортопе, — с наслаждением повторил это слово Димка: чем-то очень довоенным повеяло от него. — В гортопе...

Он махнул старушке рукой и поспешил в ту сторону. Димка почему-то был уверен, что именно там найдет Ваську: где народ, там должен быть его друг. И стоило ему войти во двор, на котором высились горы бревен и ящиков, как он действительно увидел Ваську. Друг, в солдатской шинели, в немецких сапогах с широкими голенищами, стоял возле лошади и неторопливо втолковывал какому-то деду:

— Ты не шуми! Ты бери, что тебе положено: у меня лишних дров нету, всем нужно.

— Да как же, товарищ начальник! — гнусавил дед.

— Начальник! — счастливо засмеялся Димка. — Эй, начальник!

Васька обернулся к нему и захлопал глазами. Потом, протянув руки, побежал вперевалочку к Димке. Схватил, стиснул ребра.

— Ой, задавишь, медведь!

Васька, потискав друга, молча отодвинул его от себя, стал с удовольствием рассматривать, качать головой в солдатской шапке со звездой. Наконец обрел дар речи:

— Красавец!

— Дружок, что ли? — угодливо захихикал давешний старичок. — Хорош! Так как же, товарищ начальник! Насчет дровишек!

Васька вновь стал тем же суровым, непреклонным человеком, каким запомнил его Димка у пещер. Глаза его потемнели.

— Совесть поимей, дед! — отрезал он. — А то ни черта не получишь!

— Есть! — дурашливо козырнул старичок и побрел к лошадке.

— Петро! — крикнул Васька, и когда откуда-то из-за ящиков вынырнул вертлявый паренек в немецкой шинели и кавалерийской папахе, «начальник» передал ему бразды правления, строго-настрого предупредив: — Полено лишнее отдашь — я тебе! Понял?

— Понял! — приложил руку к папахе паренек. И стрельнул глазами на Димку: — С какого корыта, моряк?

В тот же миг он барахтался в сугробе. А Васька, отряхивая ладони, добродушно приговаривал:

— А говоришь, понял? А сам ни черта не понял.

— Вот теперь понял! — сказал Петро, вылезая из снега.

Они сидели в дощатой, жарко натопленной конторке, пили кипяток и говорили, говорили... Говорили обо всем, старательно обходя запретные темы: о матерях и отцах. Васька тоже остался один на свете: отца убили на фронте, погибла в эшелоне мать.

— А Мишка? — спросил Димка.

Васька пожал плечами:

— Не знаю, где наш Мишка. И про мать его ничего не ведаю. Думаю, вернется.

— Вернется, — с надеждой повторил Димка, поняв вдруг, что самым близким, самым дорогим человеком остался для него Васька. Да еще был один человек, лейте-

нант Евдокимов, да еще Леночка, которая сейчас далеко в детском доме.

— Леночка жива! — улыбнулся Димка и рассказал еще о встрече с Юлькой-воровкой, о девочке, так похожей на Леночку...

— Похожа? — почерневшее лицо Васьки осветилось. — Обязательно погляжу! — Он покачал головой. — Юлька... Надо же... — Помолчал. — Анастасию Семеновну помнишь? Так нету ее... Случайно, понимаешь, на Пашку она наткнулась... Выдал, гад собачий... Знал он ее...

— Ну? — осторожно спросил Димка после долгого молчания.

— Что ну? — опустил кудлатую, давно немытую голову Васька. — Повесили ее... — Он сжал кулаки. — Найду гада — своими руками!.. — И скрипнул зубами.

Долго бродили в тот день ребята по оживающему городу. Забрели на пустырь, поглядеть на остатки разбитого склада, на щель, где прятался тогда Димка и куда затащили они раненую Виолетту. Занесенный снегом, еще и сейчас стоял ее самолет у развалин...

— Где теперь Виолетта? — вслух подумал Васька, потирая уши и поеживаясь.

— Наверно, летает, — сказал Димка.

— И правильно! — вздохнул Васька. — Сейчас самое время: бить надо их, бить!

И Димка поразился той лютой злости, какая исказила черты когда-то добродушного Васькиного лица.

— Я тоже на фронт пойду! — решительно сказал Васька. — Вот с делами малость разделаюсь и пойду! А не возьмут — так сбегу!

...Они постояли над Волгой, где, напоминая о недавних боях, тянулись окопы, проволочные заграждения с покосившимися, сбитыми, вырванными кольями, валялись разбитые машины, танки, повозки, орудия.

Не сговариваясь, побрели ребята к тому оврагу, где столько дней и ночей скрывались в пещерах женщины и дети.

Димка встал на гребне, пораженный невиданным зрелищем: пещер не было, из развороченной земли торчали обломки досок, балок.

— Бомбили немцы...— вздохнул Васька.— Кто ушел, а кто не успел...

— Смотри! — показал рукой Димка, и ребята увидели на снегу свежий след. Он тянулся по берегу оврага вдоль незамерзающего, дымящегося ручья.

— Может, кто из наших остался? — недоуменно пробормотал Васька.— А может... Надо поглядеть...

Проваливаясь в снег, ребята съехали на дно оврага и пошли по следам. Димке было нелегко, но он старался не отставать.

— Сапожки-то немецкие,— проворчал Васька, разглядывая следы, и, завернув полу шинели, вытащил из брючного кармана пистолет.— На всякий случай таскаю,— пояснил он Димке.— Мало ли что...

Следы петляли среди мертвых, мерзлых кустов, вели всё дальше и дальше. У входа в черный пролом они пропадали. Ребята переглянулись.

— Чего теперь человеку прятаться? — спросил шепотом Васька и сам себе ответил: — А прятаться человеку сейчас нечего... Значит... Давай-ка, Димка, поосторожней...

Они медленно двинулись к пещере. Не успели подойти к ней, как из норы вынырнул человек, обросший, худой, парабеллум дрожал в его руке.

— Засекли, сволочи! — ощерился он, вскидывая оружие.

Димка отпрыгнул в сторону.

— Стреляй! — успел крикнуть он Ваське, но старый партизанский разведчик и сам знал, что делать: падая, он нажал на спусковой крючок. Пистолет дернулся, плюнул огнем. Короткий треск прокатился по оврагу.

Когда Димка опомнился, все было кончено: Пашка Нуль лежал на спине, раскинув руки со скрюченными пальцами. Острый заросший кадык его глядел в серое небо. Васька стоял над ним с недовольным лицом.

— Живой! — бросился к другу Димка.

Васька отстранился, посмотрел мрачновато:

— Жалко...

— Что жалко? — покосился Димка на Пашку, все еще не веря, что давний враг его наконец-то мертв и что смерть эта нагрянула так внезапно.

Васька носком сапога пошевелил Пашкину голову. Глаза Пашки не дрогнули, голова вяло мотнулась. Немец-

кая пилотка валялась возле нее, а из-под Пашкиного тела медленно текла струйка очень яркой, алой, дымящейся крови.

— Жалко,— с сожалением повторил Васька.— Не так я хотел... Я бы сперва спросил его: а помнишь, Пашка, тетю Настю? Я бы в глаза ему поглядел перед смертью его поганой... Жалко...— Он плюнул на мертвого Пашку, подобрал его парабеллум, повертел и, размахнувшись, выбросил, а свой пистолет засунул в карман брюк. Пошел не оглядываясь. Димка двинулся за ним, часто оборачиваясь на мертвеца, словно опасаясь, что тот опять поднимет голову.

Взобравшись на гребень оврага, ребята постояли. Далеко внизу темнело Пашкино тело.

— Собаке собачья смерть,— сказал Димка и тут же вспомнил про верного Рекса: нет, не надо зря обижать собак...

— Рекс тоже собака,— понял его Васька.— А какая хорошая собака, Пашке не чета...

К вечеру, усталые и молчаливые, добрались они до своего двора. Постояли возле огромной воронки на месте старого флигеля. Посмотрели на немецкий танк, сгоревший, перевернутый.

— Вот тут и погиб сержант Урузбаев,— показал Димка.— Помнишь, я говорил?

Васька кивнул, внимательно оглядел разбитый двор:

— А там Рекса схоронили, да?

— Да, там... Ничего от могилы не осталось.

На запорошенных снегом кирпичах валялись каски и обрывки шинелей, торчал немецкий сапог. Черными провалами окон смотрел на ребят приземистый дом, в котором Димку приняли в комсомол, тогда, перед самым прорывом. Комсомольский билет вручили ему позже, и лейтенант Евдокимов, пожимая Димке руку, сказал:

— Твой комсомольский стаж начался с того дня. Помнишь?

Димка кивнул: он не забыл ничего...

— Слышишь? — встрепнулся Васька, и Димка услышал веселый, совсем довоенный гудок паровозика.— На тракторном!

Потом раздались удары металла о металл и вроде бы стук топора... Город жил, город возрождался.

— Дядя...— слышался детский голосок.

Ребята повернули головы. Возле дома стояли две закутанные фигуры. В одной трудно было даже признать Юльку, а другая, маленькая, в старом платке, с темными, широко раскрытыми глазами, так походила на Леночку!

— Леночка! — прошептал Васька, и дыхание его перехватило.

— Анька я...— с трудом вспомнила девочка свое имя и нахмурилась.

— А мы уж ждем, ждем! — ворчливо говорила Юлька, кривя губы.— Все ждем, а вас все нету и нету... А мы все ждем и ждем...

Димка глубоко вздохнул и, крепко прижимая к бушлату легонькую девочку, сказал:

— А мы дома... Дома!

СОДЕРЖАНИЕ

<i>В. Бацунов. Об авторе . . . . .</i>	5
Тайник купца Прохорова	7
Рекс	18
Юлька-активистка	26
Лева	34
Танцы	39
Тайник открылся	45
В такой ясный солнечный день	51
Война	56
Жена	64
Танки и подковы	73
Враг у ворот	78
Ракетчик	85
Волга горит	92
К оружию, сталинградцы!	96
Прорыв	104
Мы — советские люди	110
Голод	120
Налет	125
Виолетта	134
Госпиталь	141
И снова бой	148
Черное море шумит	153
Здравствуй, Сталинград!	165

Для среднего и старшего возраста

Евгений Дмитриевич Лесников

ПРИЗЫВУ ПО ВОЗРАСТУ НЕ ПОДЛЕЖИТ

Повесть

ИБ № 5466

Ответственный редактор *С. Н. Боярская*. Художественный редактор *Н. З. Левинская*. Технический редактор *Н. Г. Мохова*. Корректоры *О. И. Иванова* и *Н. Г. Худякова*. Сдано в набор 27.02.81. Подписано к печати 13.05.81. А07018. Формат 84×108¹/₃₂. Бум. типогр. № 1. Шрифт литературный. Печать высокая. Усл. печ. л. 9,24. Усл. кр.-отт. 9,56. Уч.-изд. л. 9,52. Тираж 100 000 экз. Заказ № 3234. Цена 45 коп. Ордена Трудового Красного Знамени издательство «Детская литература» Государственного комитета РСФСР по делам издательств, полиграфии и книжной торговли. Москва, Центр, М. Черкасский пер., 1. Ордена Трудового Красного Знамени фабрика «Детская книга» № 1 Росглавополиграфпрома Государственного комитета РСФСР по делам издательств, полиграфии и книжной торговли. Москва, Сушевский вал, 49.

Отпечатано с фотополимерных форм «Целлофот»

45 коп.

ИЗДАТЕЛЬСТВО «ДЕТСКАЯ ЛИТЕРАТУРА»